Путеше=ствие в страну летописей

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Дорогому Роману —
раннему, случайно,
но любящему его
все равно

Эйдельман

16.V.1966 г.




се повести временных лет откуду есть пошла русская земля, кто в киеве нача первее княжити и откуду русская земля стала есть...
многие ныне есть младшие князья, непокоряющиеся старейшим и супротивляющиеся им...
теперь все полно слез, плач стоит по всем улицам по убитым...
было знамение на солнце, как будто оно начало исчезать...



Путешествие в страну летописей



ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ Москва 1965

902
Н 33

„Путешествие в страну летописей“ — рассказ об удивительной судьбе древнерусских книг, о счастливых и неудачных приключениях их искателей, о расшифровке летописных тайн.

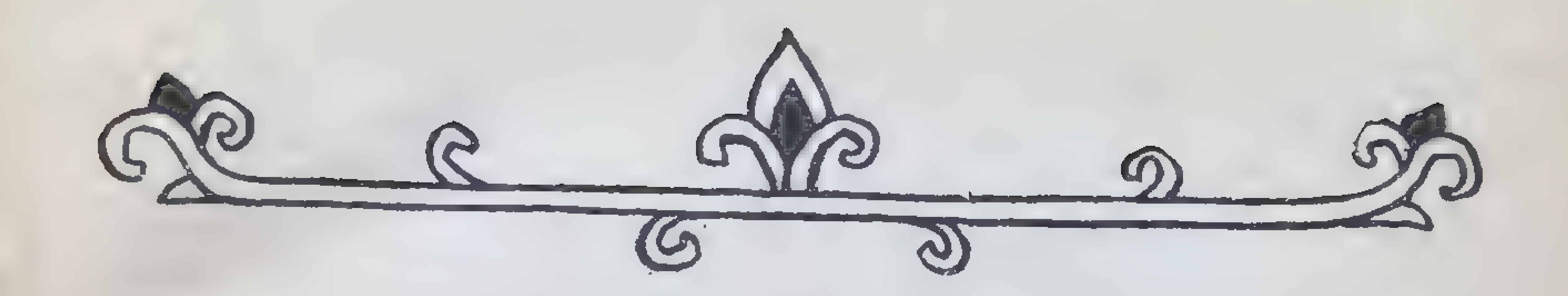
Несколько поколений русских и советских ученых восстанавливали забытые имена летописцев, этих замечательных историков и писателей, живших почти тысячу лет назад.

Об одной из увлекательнейших наук — исследовании древних текстов — рассказывает эта книга.

●

Оформление Ю. Киселева

ОГЛАВЛЕНИЕ



ОТ АВТОРА

— Это трудный класс. Вам достанется...

— Дисциплина?

— Да нет, дисциплина неплохая... Но вам достанется.

Я вошел в трудный класс, вооруженный картой, свернутой в трубку-копье, и прикрываясь щитом-журналом... Познакомился. Все шло вроде бы нормально. Начал рассказывать про Петра I, продолжая тему, начатую моей предшественницей, которая попросила дать ей ребят поменьше и, как она выразилась, «попроще».

Итак, я рассказывал о восстаниях крестьян против петровского гнета, и мне казалось, рассказывал неплохо. Вдруг паренек с предпоследней парты поднял руку.

— Вы говорите, что крестьяне восставали против Петра и эти восстания были делом хорошим, прогрессивным. Но ведь и сам Петр Первый был передовой, прогрессивный деятель. Как же так? Восставшие крестьяне мешали его реформам и, выходит, были людьми реакционными?

«Ого! — подумал я.— Вот это вопросик!»

Класс разглядывал меня с подлинным наслаждением. Несколько придя в себя, я пустился в объяснения:

— Бывает в истории так, когда две прогрессивные силы сталкиваются... Если б не крестьянские бунты, то Петр с народа содрал бы не три шкуры, а десять, и хозяйство страны пришло бы в упадок.

Но тут меня опять спросили,— это был сосед первого паренька:

— Что было бы, если бы Петр погиб, ну скажем, в юные годы, когда боролся со стрельцами и сестрой Софьей? Так же или иначе сложилась бы русская история?

Я почувствовал, что вспотел: очень люблю, когда задают вопросы, но все-таки... Позже я узнал, что преподавателя географии они в этот же день допрашивали: кто совершил второе кругосветное путешествие? Именно второе; о первом кто ж не знает? И как измерили расстояние до звезд? А может, придумали астрономы. Кто их проверит?

Наконец, учительницу литературы мучили три урока подряд — требовали доказательств того, что «Слово о полку Игореве» появилось действительно в XII веке, а не в конце XVIII и что Гоголь действительно сжег, а не спрятал второй том «Мертвых душ»...

Потом я с этим классом подружился. Вообще-то вопросы задавали не все, а человек пять-шесть. Это была веселая, не очень тихая компания.

В «Судьбе барабанщика» Гайдара некто Юрка, личность довольно темная, представляет герою повести компанию «деятелей» того же рода: «Знакомься — огонь-ребята, и все как на подбор отличники». Отсюда и мои любители вопросов прозвались «Огонь-ребята». Отличниками они, правда, не были, но из-за них класс казался острей и ядовитей. Все то, что у других проходило спокойно, принималось на веру, здесь пробовали на зуб, на ощупь, но зато, когда соглашались, на том и стояли.

Узнав, что я не враг вопросам, даже вопросам «не по программе», они пустились во все тяжкие.

— А правда ли, что нашли посадочную площадку для кораблей неведомых космических пришельцев?

— А правда ли, что Наполеона отравили?

— А какая самая первая в мире дата?

Иногда я пасовал и честно говорил: «Не знаю. Узнаю». А иногда объявлял просто: «Не знаю», потому что узнать было негде.

Все же я не очень-то давал им выходить за пределы той науки, которую преподавал, то есть истории, и однажды, когда меня спросили про кровообращение крокодила, в отместку заставил каждого из «Огонь-ребят» отвечать на пять моих вопросов. На сколько вопросов ответишь — такая отметка. За пять ответов — 5, за четыре — 4, за два — 2...

Одним зимним утром был урок повторения. Ума не приложу, откуда они догадались, что мне не хочется целый урок спрашивать. Но на третьей минуте Юра Иванов — главный оратор «Огонь-ребят» — поднял руку:

— Я читал, что знаменитый английский пират и путешественник Уолтер Ралей однажды засел писать историю Англии. Но едва взялся за перо, как увидел через окно какую-то драку. Ему казалось, что он ясно понял, из-за чего дерутся. Но тут явился слуга и рассказал про драку совсем по-другому. А пришедшая еще позже служанка объявила: «Что вы, что вы! Все было совсем не так». И Уолтер Ралей не стал писать истории, потому что решил: «Если я не могу разобраться даже в том, что вижу, то как же опишу прошедшие века, которых никогда не видел».

— Ну и что? — спросил я.

— Так ведь, может быть, зря историю учим,— сказал Юра,— кто знает, что там на самом деле в древние времена было. По-моему, прав мудрец, который говорил: «Я знаю, что ничего не знаю».

Я понял, что Юра в эту минуту необыкновенно искренен, потому что хорошо знает, что урока не знает...

— А не помнишь ли, Юра, что ответил твоему мудрецу мудрец еще более мудрый? Он ответил: «Ты знаешь, что ничего не знаешь. А я даже этого не знаю...» Но я не столь мудр,—

я как раз знаю, *что* ты не знаешь, и даже знаю — почему... (Подразумевался вчерашний хоккей.) И в наказание...—я сделал паузу, и Юра пережил несколько трудных секунд,—и в наказание ты мне сейчас сам расскажешь, откуда мы узнали, и узнали многое, о древней Руси... И отчего неправ Уолтер Ралей?

У «Огонь-ребят» отлегло. Вопросы, хотя бы из курса пятого класса, они знали куда лучше, чем вчерашний урок.

Юра «залился соловьем»:

— Раскопки! Хотя многое не раскопано, а то, что раскопано, еще не совсем объяснено. Сохранились древние законы «Русская правда», а соблюдали их или нарушали — неизвестно. Конечно, рассказывались... ну там... былины о богатырях и прочие сказки. Ну и, наконец,— летопись. Только что́ из нее узнаешь? Раскопок летописцы не вели, газет и радио не имели и, наверное, путали и ошибались на каждом шагу...

Я разозлился:

— Самоуверенность — первый признак недоросля. Летопись... Да ты ее хоть видал когда-нибудь?

Юра признался, что видеть не видел, но слыхал. Тут же в библиотеку отправилась ученица с моей запиской. Через пять минут передо мною лежали два аккуратных зеленых тома.

— Вот! — сказал я.— Спрашивайте. Спрашивайте, что хотите, про древнюю Русь. А *они* попытаются вам ответить.

— Почему «они»?

Я открыл первую страницу:

— «Се повести временных лет, откуду есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Русская земля стала есть». Повести временных лет. Описание прошедших лет, или попросту «летопись».

— Какое длинное название!

— Ну, это сейчас, в наши дни мы чересчур торопимся, а ведь только в прошлом столетии исчезли заглавия-рассказы, заглавия-оглавления. Вот послушайте.—Я достал записную книжку.—«Письмовник, содержащий в себе науку российского языка со многим присовокуплением разного учебного и полезно-забав-

ного вещесловия. Осьмое издание, вновь выправленное, преумноженное и разделенное на две части профессором и кавалером Николаем Кургановым с присовокуплением книги «Неустрашимость духа, геройские подвиги и примерные анекдоты русских».

Или книга, всем знакомая, «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове у берегов Америки, близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим».

В начале летописи — всего только двадцать одно слово. Но дело не в заглавии. Посмотрим, сумеете ли вы задать настоящие вопросы этой книге.

Поднялся десяток рук: «Огонь-ребята» и еще кое-кто.

— Что ели в древней Руси?

— Что ели? Пожалуйста. Вот запись за 946 год. «Князь Святослав не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел». (Я, разумеется, читаю не подлинный древнерусский текст, а его перевод.) Или запись за 996 год: «Собрали жители овса, пшеницы и отрубей и делали болтушку, на чем кисель варят, и взяли лукошко меда и сделали из него пресладкую сыту». Могу, конечно, еще найти несколько примеров.

— Нет, не надо. Пусть лучше эта книга расскажет про самые далекие края, известные жителям древней Руси.

— Пожалуйста. На первой же странице сообщается: «По потопе трое сыновей Ноя разделили землю, Сим, Хам, Иафет». И дальше громадный список стран. Ной и его сыновья — это легендарные персонажи из библии. А перечисленные страны — вполне реальные. На Востоке известная летописцу земля кончается за Уралом; о Сибири и Средней Азии — самое туманное представление. Про Индию он слыхал, но Китай даже не упомянул. Африка ему знакома только на несколько сот километров к югу от Средиземного моря. О «полнощных», северных странах

не найдем почти ничего, и, разумеется, древнерусский писатель не знал, что находится за атлантическими горизонтами.

Большой, таинственный мир, где не измерены расстояния. «Объехать его можно за 500 лет»,—полагал один из арабских географов. Другие мудрецы на подобные темы не рассуждали, ибо знали, что объехать невозможно: не пропустят—ограбят, убьют.

Огромный мир — от Англии до Индии, от Урала до Нила. Что по сравнению с ним путь в небеса, коль скоро, по мнению тогдашних ученых, до Луны каких-нибудь 126 поприщ, а до неподвижных звезд — 750 поприщ, то есть меньше, чем от Киева до Карпат! Итак, еще вопросы?..

— А оружие какое было?

— Вопросы вы задаете пока что легкие: оружие — кольчуги, щиты, стрелы. А вот целый отрывок — о мечах. «Хазары нашли полян [1] сидящими на Киевских горах в лесах и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хазары к своему князю и к своим старейшинам и сказали им: «Вот новую дань захватили мы». Те же спросили: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Недобрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, то есть саблями, а у этих оружие обоюдоострое, то есть мечи: станут они когда-нибудь собирать дань с нас и с иных земель». И сбылось это все: владеют русские князья хазарами и по нынешний день».

Вот какой отрывок. Но разве он только расширяет наши познания о древнем оружии? Ответьте мне сами: что может внимательный ученый извлечь из этого рассказа?

Руки поднялись.

— Ясно, что хазары угнетали полян.

— У хазар было восточное оружие, сабли, а у славян изготовлялись обоюдоострые мечи.

— Давали дань от дыма, то есть платили подати с каждого двора.

---

[1] Поляне — славянское племя, жившее в районе Киева.

Люда замечает, что летописец, видно, любил этих полян и может, сам был из полян.

Наконец Юра объявляет:

— Да ведь весь этот рассказ позже придуман, когда русские уже «отомстили неразумным хазарам».

А я сказал, что «сказка ложь, да в ней намек...» Рассказ является легендой, но разве он не сообщает ценнейшие исторические сведения? Только надо суметь отделить ложь от намека, царство, что было на самом деле, от «тридесятого государства», настоящих царей — от Гога и Магога, Гороха и Несмеяны... Над этим ломал голову древний летописец. Нелегко приходится и нашим современникам.

— А что было в 888 году? — вдруг выпалил Федя.

— Почему тебя именно этот год интересует?

— Да так, первый попавшийся — три восьмерки.

— В 888-м ничего не было.

— То есть как «ничего»?

— Глядите: после сообщения о воцарении в 887 году византийского императора Леона (Льва) идет целый столбец:

888 год
889
890
891
892
893
894
895
896
897

Даты написаны, а событий нет: просто летописец не знал, что в эти годы было, а сочинять не хотел.

— Ага! Не знал!

— Ну и что же, значит, жил много позже конца IX века.

И снова я листал зеленые тома летописи.

Я доказывал, что это необыкновенная книга, потому что для

тех, кто изучает древнюю Русь, каждая строка — настоящий клад.

Вот запись за 911 год — договор Руси и Византии:

«Если ударит кто мечом или будет бит каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст 5 литров серебра по закону русскому». Как будто ничего особенного в этих строках нет. Но современный ученый заметит, что уже в X веке был «закон русский», до нас, кстати, не дошедший, что на Руси уже хорошо знали цену серебра.

А вот 945 год — договор Игоря с греками:

«Мы от рода русского послы и купцы (и далее 53 имени), посланные от Игоря, великого князя Руси, и от всякого княжья и от всех людей русской земли».

Историк тут же заметит: «всякое княжье» — значит, князей в стране было много; задумается над смыслом слов «от рода русского» — действительно ли от *рода* или от *государства* русского? Среди пятидесяти трех имен он найдет славянские, эстонские, скандинавские и узнает, кто служил Игорю.

Летопись расскажет про обычаи и веру, торговлю и кровную месть, древние города и мореплавание.

С каждым годом наука добывает из летописи что-то новое и интересное. Вам это может показаться странным — что нового можно найти в книге, тысячи раз прочитанной?.. А на самом деле эта «хорошо известная книга» полна неожиданностей.

Вот только один пример. Тысячи ученых читали летописный рассказ о том, что город Киев был назван в честь Кия, старшего из трех братьев, основавших город у Днепра.

Долго думали, что это легенда — в старину любили называть страны и города в честь мифических царей и героев. Рим — в честь Ромула, Скифы — якобы именем царя Скифа.

Но не очень давно археологи доказали, что на месте Киева было в древности три поселения, позже слившихся в одно. Об этих *трех* поселениях, вероятно, и напоминает легенда о *трех* братьях. Нашлись и другие намеки на князя Кия, жившего, по-видимому, в VI или в VII веке.

Летописец же записал старинное устное предание, которое без него неминуемо забылось бы, затерялось...

Летопись — история. Автор ее — ученый. Ни один человек, изучавший древнюю Русь после него, не обходился без летописи. Летописец в известном смысле — соавтор тысяч ученых трудов о начальном периоде русской истории, написанных, пишущихся и тех, что будут написаны.

Но летописец не только историк. Он — летописатель, «писатель лет», то есть историк-писатель.

Древний певец, скальд, аэд, не только услаждал повелителей на пирах. Он же представлял историческую, географическую и иные науки. Тогда наука и литература были почти неразделимы. Из «Илиады» узнавали историю Троянских войн, а «Одиссея» — это и поэма, и география, и лоция...

Викинги-норманны брали в дорогу к неизвестным берегам певцов-скальдов. Вместо карты открытых земель складывалась «географическая сага», и все запоминалось очень легко.

И после того как люди научились писать и читать, союз науки и поэзии не расторгался довольно долго. Мухаммед Пири Рейс — турецкий адмирал, пират, картограф и поэт — в 1520 году извинялся, что в своем атласе, «Книге морей», изложил правила ночного плавания не стихами, а прозой, «ибо при быстром ночном пробуждении стихи бывает трудно понять».

Летопись — это древняя наука и политика. Но послушайте — словно в сказаниях и поэмах, клянутся на ее страницах князья и воины: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель тонуть... А кто из русской стороны замыслит разрушить эту любовь, да не защитятся они от стрел и от иного своего оружия и да будут рабами во всю свою загробную жизнь...»

Трудно заметить, где кончается строгий ученый и начинается сказитель, где — история, а где — былина.

В летописи почти на каждой странице — сюжеты, образы, пословицы, знакомые вам всем с раннего детства.

Вспомните, вещий Олег умирает от своего коня; Святослав,

собираясь в поход, сообщает врагу: «Хочу на вы идти». Владимир отказывается от мусульманской веры, запрещающей вино: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти!»

Летописец — замечательный ученый и художник!

Летопись — художественный предок «Руслана и Людмилы», картин Васнецова и Рериха, музыки Бородина и Римского-Корсакова...

В этот момент по грохоту и треску в коридоре я догадываюсь: настолько углубился в X и XI века, что не расслышал звонка, прозвеневшего в одной из школ XX столетия.

Объявляю, что урок окончен. Около меня сбиваются «Огонь-ребята» и с ними добрая половина класса.

— Ну, а кто же *он* и когда же *он*?

Сначала я даже не понял, о ком идет речь.

— Летописец-то кто? Ведь великий человек был! Ученый и художник.

Я ответил, что этот короткий вопрос требует длинного ответа, что в следующий раз, если время останется...

Но в следующий раз времени не осталось, а потом подошел конец полугодия, и так мы к летописи больше и не вернулись.

В январе почти весь класс со мною и еще двумя учителями отправился в Ленинград. К этой поездке давно готовились: разносили телеграммы, помогали разгружать вагоны, зарабатывая на дорогу. В Ленинграде мы, как выразился Юра, вращались в вихре светских развлечений. Утром — Эрмитаж, днем — поездка на Кировские острова, вечером — опера. Или: с утра Смольный, потом — Пушкино и так далее и тому подобное. Были сняты десятки пленок, написаны десятки дневников. По подсчетам одного из «Огонь-ребят», было задано 843 вопроса, на которые было получено 756 ответов.

И вот однажды мы проникли в длинный серый дом на углу Невского и Садовой — знаменитую Публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина. Миллионы печатных книг зазывали нас со всех сторон. Но мы гордо прошли в волшебное царство — рукописный отдел библиотеки.

Там долго разглядывали сотни книг, свитков, тетрадей, писем, никогда не бывавших под печатным станком, громадные фолианты XVII столетия, листы с вьющимся узором арабских букв, спокойный «государственный» почерк кардинала Ришелье, танцующий вихрь строчек Петра Великого.

Под стеклом одной витрины — роскошное евангелие. На последнем листе приписка: «Дьякон Григорий. Написал евангелие сие рабу божьему Остромиру, родственнику Изяслава князя».

Остромирову евангелию в 1957 году исполнилось 900 лет. Ни одной русской книге никогда столько не исполнялось.

— Ага! Вот она! — закричал я несколько громче, чем подобает наставнику юношества.

— Кто? Что?

— Разве вы не видите? Летопись! Та самая. Ну конечно. в классе мы читали современное издание старой летописи, а тут — сам подлинник...

Мы глядели на желтоватые, немного обветшалые листы, на неторопливые, старинные буквы. Древние книги — медленны, как время, прошедшее после них, и как века, уместившиеся на их листах. Словно ворота старинного дома, охраняют книгу обтянутые кожей доски переплета, окованные в серебро, украшенные драгоценностями, или простые и суровые. Случалось, они десятилетиями не открывались, эти ворота; и стояли книги-памятники для молчаливого созерцания.

Многочисленные засовы и запоры старой книги открываются и закрываются медленно. «Который поп или дьякон читает и не застегает всех застежек — будет проклят» [1]. Медленность и в самих листах. Прочный и вечный пергамен. Вечность уже в самом его имени. Со второго века до нашей эры изобретение пергамских мастеров послужило примерно семидесяти человеческим поколениям. Бумажный лист появился на Руси в XIV веке, но окончательно утвердился лет через 100—200...

Древний пергамен именовался еще «телятиной», и вот поче-

---

[1] Изречения Моисея, архиепископа Новгородского.

му: тщательно чистили, шлифовали и резали телячью кожу мастера, пока не стала она листами книг. «Десять телят на одно евангелие». На летопись поменьше.

Не торопясь и понемногу варили и «вечные» чернила.

«Взять старый гвоздь или старое железо, добавить дубовой или ольховой коры, для вязкости, вишневого клея или камеди для блеска, долить квасу или кислых щей, меда или патоки...»

Не спеша очиняли гусиное, лебединое, изредка павлинье перо и писали без торопливости. Буква к букве, одна к одной, слово к слову. Ручная работа не любит спешки. Есть время и пожаловаться на полях: «Лихое перо, невольно им писати» или «Ох мне лихого сего писания и еще ох»... Есть время и оставить место для заглавных букв, заставок, которые нарисует специальный мастер краской золотой или серебряной, оранжевой сурьмой, а то и византийским пурпуром из сока моллюсков, выловленных с морского дна...

Я называю старую книгу полным именем и титулом:

— Лаврентьевская летопись. Старейшая из сохранившихся древнерусских летописей.

— Почему Лаврентьевская? Кто такой Лаврентий? Уж не он ли тот самый великий летописец, про которого вы нам так и не рассказали?

Я задумываюсь:

— Ну как же, ребята, я вам все это расскажу? Это же длинный-длинный рассказ, да в нем столько еще неясного, неизвестного, таинственного... Чтобы все по порядку изложить, надо, пожалуй, целую книгу написать.

Но моих школьников разве смутишь.

— Вот и напишите!

Я подумал... да и написал.

Так родилась эта книга.

Жаль только, что, пока я собирался да писал, «Огонь-ребята» мои взяли да школу окончили...



БЕСПОКОЙНЫЙ ГРАФ

Сие сельцо куплено на мое серебрецо.

Поговорка

Дом был с секретом. В нем были коридоры, подвалы, тупики, переходы и тайники, назначения которых никто, кроме хозяина, не знал. Впрочем, знал еще Матвей Федорович Казаков, строивший дом по заказу хозяина. Домовладелец был персоной важной и таинственной.

Со старинного портрета глядит его круглая, простецкая физиономия. У него хитрые, разной величины глаза. Один — смотрящий обыкновенно, другой — прищуренный и нечто таящий.

Род Мусиных-Пушкиных был древним, но захудалым. Со времен Петра I дело, однако, пошло: Мусины-Пушкины вознеслись, расцвели, пробились в графы.

Дальняя родня — Пушкины (не Мусины-Пушкины) — попадала в опалу при Петре I, продвигалась при Петре III, снова изгонялась при Екатерине II. А Мусины-Пушкины — что ни переворот, что ни власть — оставались в выигрыше.

И вот при Екатерине II Алексей Иванович Мусин-Пушкин — обладатель дома на Разгуляе и еще многих домов да имений в полдюжине губерний — уже именуется обер-прокурором святейшего синода, президентом императорской Академии художеств, тайным советником...

Его страстью были древности. Из Вологды и Ярославля, Новгорода и Заволжья, Пскова и Киева везли к нему старые грамоты и пергаменные книги, сказочной длины свитки и потемневшие монеты. Находки были необыкновенны: «Слово о полку Игореве», «Русская Правда», тьмутараканский камень.

Зверь столь старательно бежал на ловца, что появились слухи. Кто-то шепнул, что найденный тьмутараканский камень — памятник отнюдь не столь древний, как изображает граф.

А кто-то утверждал, будто и со «Словом о полку Игореве» «что-то не так» и неспроста граф избегает распространяться об этой замечательной находке...

Впрочем, показать товар лицом Алексей Иванович умел и любил.

* * *

Бывало это так...

Мусин-Пушкин внезапно появляется в ученом собрании. От волнения узкий правый глаз щурится, а левый глаз против обычного делается круглее.

— Господа! Есть нечто, достойное вашего внимания.

— Каждый из присутствующих уж наслышан, что вы, Алексей Иванович, из Санкт-Петербурга прибыли развлечься, да и нас позабавить,— отвечает Николай Николаевич Бантыш-Каменский, первейший знаток древних рукописей.

Мусин-Пушкин разражается смехом зычным и, по мнению московских стариков, отдающим петербургским невежеством.

— Господа! Коли так, всех прошу ко мне обедать.

С половиной присутствовавших Мусин-Пушкин не знаком, но этого даже не замечает.

— Вас особливо прошу,— склоняется граф перед Бантыш-Каменским и Иваном Никитовичем Болтиным, известным историком, знатоком рукописей и генерал-майором.

Болтин незаметно подмигивает Бантыш-Каменскому. Тот кивает:

— Трудно графу-то без нас. Признаться, люблю к нему ездить. Небось немало сыскал.

— Сыскал,— ухмыляется Болтин,— или как бы это выразиться деликатнее...— И генерал делает быстрый и редкий для мужа в таком чине жест, довольно точно изображающий, как «скорый человек» выдергивает корзину у зазевавшегося мужика...

Вскоре кареты, брызгая, покачиваясь и оседая на московских мостовых, уже летели к графскому дому на Разгуляе.

Амуры, кариатиды, бело-голубые ангелы — все было по моде. Впрочем, граф за этим следил мало. Зато любил свечи. Частенько вспоминал: «Светлейший Потемкин, Григорий Александрович,— основательная была персона. Когда в Таврическом задавал бал императрице, так сто тысяч свечей сжег!»

Сто тысяч свечей — это было Алексею Ивановичу по праву. На Разгуляе зажечь сто тысяч свечей было негде. Но почти весь вечер слуги бегали по лестницам, зажигая и зажигая, так чтобы к ночи горела не одна тысяча.

Вина и закуски подали прямо в библиотеку. Окинув взглядом ряды книжных полок, Болтин медленно и негромко произнес:

— Достойно уважения от знающих в таких вещах цену.

— И от знающих, какова таким вещам цена,— пошутил Бантыш-Каменский.

Библиотека была громадна и необыкновенна. Едва войдя, Мусин-Пушкин стал снимать с полок и щедро раскладывать на столах и диванах старые летописи, хронографы, грамоты, евангелия.

Гости разворачивали аккуратно свернутые пачки, ахали и завидовали.

Мусин-Пушкин куда-то исчез и через миг появился с пожелтевшей тетрадкой.

— А вот, господа, подделка. Да какая чистая! Летописи, хронографы. И моего комиссионера, и меня провели. Вот канальи! Знают мою слабость и провели...

— Не всем, однако, предложили,— как бы про себя, но довольно громко прогудел Болтин.

Мусин-Пушкин захохотал опять:

— Так вы же, господа, столпы учености, вы же повара науки. Вас не проведешь. Я же — скромный собиратель припасов. Меня ль не одурачить?

Хозяин поднял бокал.

— Выпьем же за здравие мошенников, ибо они недурно наши познания измеряют.

Разговор оживлялся.

— Алексей Иванович, а где же хранится первое, подлинное «Слово о полку Игореве»?

— Да вон в том красном ларце.

— Чай, гордитесь, ваше сиятельство? Находка историческая — это польза, а находка поэтическая — это слава!

— В «Слове»-то едва две тысячи слов.

— Но зато каких!

— И как же все Алексею Ивановичу удается? Никто не сумел, а он раздобыл...

Это был намек.

Мусин-Пушкин немного нахмурился и сверкнул глазом

бо́льшим. Уже дошли слухи до императрицы, что, собирая свою коллекцию, он, как обер-прокурор синода, то есть для всех монастырей лицо важное и начальственное, частенько забирает книги не только из собраний частных, но даже из библиотек монастырских.

— «Слово о полку Игореве»,— объяснял хозяин,— получено от ярославского архимандрита Иоиля, который находился в недостатке, а потому продал моему комиссионеру все имевшиеся у него русские книги, в числе коих под нумером 323 и «Слово о полку Игореве».

Однако упорно поговаривали, что граф просто изъял поэму из какой-то монастырской библиотеки.

— Сколько вы заплатили, граф, за это евангелие? По моему разумению, XV век? — спросил Болтин.

— Ах, вот это! Мой человек приобрел его у староверов близ Вологды. Сто рублей ассигнациями отдал за эту книгу и несколько рукописных сборников.

— Сто рублей!

— Эх, господа, а разве вещь не стоит денег! Кругом, конечно, убытки, да уж душа такая. С месяц тому назад наградила меня матушка императрица, пожаловала за службу тысячу душ. Так я упросил, чтобы эти души переписать на моих секретарей: секретари ведь люди недостаточные!

Собравшиеся одобрительно зашумели.

— Благородно, граф, благородно. Это столь редко в наш меркантильный век!

— Говорят,— сказал Болтин,— что ваше сиятельство в Москве уж успели обогатить книготорговцев.

Мусин-Пушкин понял, что пора перейти к делу:

— Ну, коли от вас не скроешься, расскажу. Представьте, дней десять назад вернулся от государыни, узнаю, что меня ждет посыльный из Москвы. Оказалось, в книжную лавку Сопикова привезены бумаги Петра Никифоровича Крекшина. Помните, господа, тот самый Крекшин, кто собирал бумаги исторические и все журналы Петра Великого. Я сразу догады-

ваюсь — здесь быть поживе. Бросаю дела, скачу в Москву. Являюсь к Сопикову, он меня уводит в комнату, а там целая груда рукописей свалена.

— Что? Какие?

Гости снова заволновались.

— Да так, всякая всячина. Не допуская до разбору ни книг, ни бумаг, без остатку все купил. И не вышел из лавки, доколе при себе, положа на телеги, не отправил все в свой дом. Триста рублей отдал. Цена, полагаю, обыкновенная.

— Оброк с полусотни душ,— заметил кто-то.

— Охота пуще неволи,— парировал граф.

— Да не томите, граф, что же все-таки в этой груде?

— Все больше бумаги покойного Петра Великого. Рад бы, господа, показать, да еще сам не разобрался. В другой раз уж вас попотчую.

Бантыш-Каменский легонько толкнул ногою Болтина.

— А мне британский посланник говорил не так давно...— начал Болтин.

— Британский? — живо перебил Мусин-Пушкин.— Знаю, знаю, он тоже охотник до старья. Вы мне лучше потом расскажете про британца. А сейчас, так и быть, я вам прочту из приобретенных мною бумаг Петра Великого нечто, к рукописным древностям относящееся.

Мусин-Пушкин снова исчез и вернулся с большой бумажной тетрадью.

— Любопытно вспомнить, господа, с чего начались поиски старых книг... Вот указ его величества: «Во всех епархиях и монастырях... прежние жалованные грамоты и другие курпозные письма оригинальны пересмотреть и переписать. Курпозные, то есть древних лет рукописанные летописи, что где таковых обретается — взять...»

Выпили в память Петра Великого.

— Только немного он сыскал,— произнес один из профессоров.— Тому, кто срезал бороды да снимал колокола, монастыри неохотно отдавали.

Сказал и сам испугался: невольно намекнул на графа, очищавшего монастырские библиотеки. Однако Мусин-Пушкин почти никогда не гневался:

— Вот вы, господа, все шутите, что я-де и так и не так собираю. А ведь как собирать, коли все по медвежьим углам растаскано, запрятано, забыто, сгнило, сгорело. Ну ладно, царь Петр немного добыл, у него дел было поболе, чем помощников. Да ведь сам Василий Никитич Татищев чего не делал для книжного собирания!

— Татищев,— встрепенулся Болтин.— Вот был великий человек и великий искатель! В младости имел я счастье видеть его.

— Языков, говорят, знал несчетно,— вспомнил один из гостей,— шведский, польский, татарский, гишпанский.

— А кем только не был,— подхватил Болтин,— жизнь какова! В восемнадцать лет бьется под Нарвой, в тридцать — управляет уральскими заводами, после возводит на престол Анну Иоанновну; непременно б от Бирона лишился головы, кабы не воцарилась Елизавета Петровна...

— Хе-хе! А Бирону-то подписывал письма «Ваш подданническо-послушный слуга»,— заметил Мусин-Пушкин.

— Бирон все равно его величал «главным злодеем немцев»,— отвечал Болтин.

— А взятки-то делил на «грешные» и «безгрешные»,—сказал граф,— и с астраханского губернаторства был сослан в собственное имение. Впрочем, сам грешу: злословие нейдет к делу, ибо память о Василии Никитиче и для меня священна...

— Вот вы б, Алексей Иванович,— вмешался Бантыш-Каменский,— вы бы и поискали бумаги Татищева. Собрание, говорят, громадное было! На Урале до тысячи редких книг держал. Потом все утратил и во второй раз собрал. Василий Никитич, мне рассказывали, собирал книги и рукописи у раскольников, татар, бухарцев, литовцев, шведов. И все пропало, вот горе-то!..

— Будто я не пытался найти,— нехотя отвечал Мусин-Пушкин. О ненайденном рассуждать не любил, боясь соперников.

— Лет пятьдесят назад указы Петра Великого о книгах

и грамотах не больно соблюдались, и книжное собрание вроде моего почли бы за баловство. Представьте, святейший синод, как мне донесли, в 1734 году запретил печатание летописей, ибо «в оных книгах писаны лжи явственные, отчего и в народе может произойти не без соблазна...»

— Недаром,— вздохнул Болтин,— бумаги Татищева по миру пошли. А бесценной гистории своей не дождался увидеть и умер за восемнадцать лет до напечатания ее.

Мусин-Пушкин достал с полки книгу и чуть нараспев прочитал заглавие: «История российская с самых древнейших времен, неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым».

— Уж коли, граф Алексей Иванович, мы за Татищева выпили,— произнес один из посетителей, хозяину неизвестный,— почтим вашего лучшего соперника, Николая Ивановича Новикова, изрядного собирателя и писателя.

Мусин-Пушкин смутился. Он вспомнил, как перед отъездом из столицы слышал разговор императрицы с князем Репниным:

«А отчего бы, князь, не арестовать Новикова? Он смутьян и враг мой».

«Отчего ж не арестовать? Арестовать можно, прикажите, ваше величество!»

«Прикажите, прикажите!.. Знаю вас. Потом сами будете толковать о беззаконии и меня же во всем обвините. Нет, пока повременим...»

А гость-говорун не унимался:

— Николай Иванович не издатель, а волшебник: его «Древняя российская вифлиофика» вся разошлась! Второе издание — и снова расходится... Кто мог предполагать подобное? Десять томов разных грамот, посольских отчетов, боярских родословных и чтоб такой оборот имели... Мы живем в просвещенный век. Гистория дает прибыль, господа!

Мусин-Пушкин осмотрелся и, пригубив бокал, нехотя проворчал:

— За науку, прибыль приносящую.

* * *

Гости разъезжались. Придержав Болтина, Мусин-Пушкин шепнул, что просит его остаться вместе с Бантыш-Каменским. С трудом скрывая любопытство, они двинулись вслед за хозяином по пустым лестницам и галереям, согретым жаром тысяч свечей. Знали, что «собиратель припасов» зря не позовет...

В небольшой комнатке у стены лежит груда рукописей.

Все трое сгибаются над нею...

Сначала извлекают 27 журналов Петра I. Затем какую-то летопись. Ее разглядывают молча. Тишину нарушают лишь потрескивание свечей да глухой шорох быстро переворачиваемых листов. Мелькают отдельные строки, слова: Киев, Новгород, ханы татарские, князья московские...

События доведены до XVII века. Судя по почерку и другим признакам, переписана рукопись всего лет за сто — около 1700 года.

Затем Мусин-Пушкин вытаскивает пергаменную тетрадь. На последнем листе подробное описание взятия Казани Иваном Грозным в 1552 году и запись об окончании труда в 1604-м.

Гости ожидают еще каких-нибудь манускриптов — не старше XVI или XVII века.

И тут хозяин, давно забывший о графской важности и обер-прокурорской солидности, молча достает большую пергаменную книгу. Болтину показалось, что он ее вытащил из груды рукописей. Бантыш-Каменский же готов был поклясться, что книга была при графе еще до того, как они вошли в комнату...

На первой странице — «Се повести временных лет, откуду есть пошла Русская земля...»

— Четырнадцатое столетие,— изрек Бантыш.— Пергамен да и почерк... Весьма престарелая летопись. Может, и самая

старая из известных. Мне не доводилось держать в руках более ранних.

Пергаменные листы переворачивались с трудом. Ни имени автора, ни года или места издания. На листах вытянулись стройные, тщательно выписанные буквы.

— Это устав — письмо древнейшее, красивейшее и медленнейшее,— говорит Болтин.

— Увы,— вздыхает граф,— после того как нагляжусь на эту красоту, признаюсь, бываю несправедлив и суров к своим писарям с их росчерками и завитушками!

По страницам мерно двигались строки, не разделенные на слова, без неведомых в древности точек, запятых и прочих «препинаний».

— Смотрите, наш незнакомец заторопился!

Примерно с середины рукописи вместо устава начинается полуустав. Кряжистые, медленные уставные буквы сменяются наклоненными, ускоряющими бег полууставными.

Внезапно появляется новый почерк, через несколько страниц — снова старый; опять второй, опять первый...

Всюду, где один почерк сменяется другим,— большие пропуски: в четверть, а порою — в пол-листа.

— Не правда ли, господа,— спрашивает хозяин,— непонятное расточительство дорогого материала?

Болтин отозвался:

— Переписчик или автор спешил, и пришлось призвать помощника. Так в две руки и работали.

— Нет, это не авторы, а переписчики, только переписчики! — уверенно заявил Бантыш-Каменский.— Видно, вдвоем копировали более старую летопись, которую разобрали по листам. Один, переписывая свою долю, заканчивал на середине какой-нибудь страницы, а дальше текст уж продолжался на готовых листах второго переписчика. Получался разрыв, просвет.

— Наверное, время было дороже пергамена,— ухмыльнулся Мусин.

Последний, 173 лист тетради.

При желтом свете свечей красные буквы казались зловеще-бурыми.

Бантыш-Каменский прочитал торжественно, чуть нараспев, словно героическую оду или трагедию:

— «Радуется купец, прикуп сотворив, и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед, тако же радуется и книжный списатель, дошед конца книгам, тако же и аз, худый, недостойный и многогрешный раб божий Лаврентий мних. Начал писать книги сии, называемые летописец князю великому Дмитрию Константиновичу, месяца генваря в 14-й и кончил месяца марта в 20-й в лето 6885 при благоверном и христолюбивом князе Дмитрии Константиновиче и при епископе нашем христолюбивом священном Дионисии Суздальском и Новгородском. И ныне господа отцы и братья, где описал или переписал или не дописал, чтите, исправливая бога ради, а не кляните, ибо книги ветшаны, а ум молод, не дошел...»

Бантыш закрыл пергаменную книгу. Болтин, неподвижный, грузный, уже подавленный смертельной болезнью, быстро заговорил:

— Все очень просто, господа. Автор — летописец представился сам: монах Лаврентий, «раб божий Лаврентий мних». Время написания: «6885 лето». По-нашему — 1377 год, стало быть[1]. Вторая половина XIV столетия, за 3 года до битвы на Куликовом поле и через 36 — после Ивана Калиты...

Бантыш заметил, что легко установить также место, где находился летописец,— княжество Суздальско-Нижегородское, в междуречье Волги и Оки. В те времена, он точно помнит, правили там князь Дмитрий Константинович и епископ Дионисий. Княжеская резиденция находилась в Нижнем Новгороде. Монах, писавший «книги сии князю Дмитрию Константиновичу», скорее всего, жил там же.

---

[1] 6885 лето (год) — дата по старинному летосчислению «от сотворения мира». По мнению богословов, это «сотворение» произошло за 5508 лет до рождества Христова. Отняв это число из 6885, получим дату по нашему обычному летосчислению: 1377 год.

Итак, автор летописи — монах Лаврентий; написал ее в 1377 году в Нижнем Новгороде.

Мусин-Пушкин, искусный царедворец, заметил, что тогдашний великий князь московский Дмитрий Донской и московский митрополит в этой записи даже не названы, будто, кроме суздальско-нижегородского князя и епископа, нет никого на свете.

— Справедливо, справедливо, ваше сиятельство,— ответил Болтин.— Видно, Лаврентий и его подручный работали на *своего* князя или епископа. Поэтому и торопился наш инок: с 14 января по 20 марта — время небольшое для такой работы. Зимние дни кратки. Вечером и ночью писал при лампаде, да пришлось призвать подручного (имя коего, впрочем, Лаврентий не счел нужным назвать). Недаром, «дошед конца книгам», радовался, как удачливый купец и возвратившийся странник...

На минуту наступило молчание. В комнате было тепло от множества свечей, язычки пламени колебались, будто вели между собой таинственную неслышную беседу. Каждый из присутствующих по-своему увидал на миг давно минувшую зимнюю ночь конца XIV столетия: полутемную монастырскую келью, тень монаха на стене, тень гусиного пера на пергамене, заполняемом волшебными значками букв...

— Что же потом случилось с этой летописью и летописцами? — спросил Мусин-Пушкин.

Болтин помолчал еще немного и вздохнул.

— Все суета сует и всяческая суета... Возможно, князю Дмитрию Суздальскому и епископу Дионисию летопись, их восхваляющая, нужна была для каких-то честолюбивых замыслов...

И что же осталось в истории о сих честолюбцах? Дионисий отправился в Константинополь, чтобы получить от патриарха сан митрополита,— и получил. Возвращался, исполненный бог весть каких дерзких мечтаний, да на дороге был схвачен литовцами и умер в темнице. Еще раньше умер и князь Дмитрий Константинович. Им ли было спорить с Москвою, мощно возвысившейся после битвы на Куликовом поле?

В 1393 году, через шестнадцать лет после того как Лаврентий написал свой труд, сын Дмитрия Донского, князь Василий Дмитриевич легко присоединил к Москве и Суздаль и Нижний Новгород.

— Любопытно было б узнать,— сказал Мусин-Пушкин,— какова карьера Лаврентия? Видал ли он своими глазами торжество Москвы над его князьями?

— Не знаем и вряд ли узнаем когда-либо,— отвечал Болтин.— А впрочем, среди епископов или известных отцов церкви XIV и начала XV века мы его имени не видим: значит, в чинах, так сказать, монах не слишком преуспел.

— Кстати,— вставил Бантыш,— монах в последней записи жалуется, что «ум молод». Кто был молод в 1377-м, не слишком уж состарился шестнадцать лет спустя, когда пало Нижегородское княжество.

Мусин-Пушкин вздохнул и, прикрыв меньший глаз, заметил, что вот Лаврентий, человек незначительный, думал о своем князе, епископе, о страстях своего времени, которые исчезли и забылись за первым же поворотом истории. А ныне сей монах, простой переписчик, возможно, удостоится более высокой посмертной славы, нежели его повелители...

— Да, да,— подтверждают умные гости,— вы, Алексей Иванович, сделали настоящую находку и, возможно, удостоитесь более высокой славы, нежели...

— То-то посланник мне эту летопись нахваливал,— с улыбкой замечает Болтин.

— Да уж я вашего посланника обошел! — восклицает Мусин.— А что, крепко нахваливал?

— Да уж куда больше.

— Всю неделю он меня одолевает. Собирает старые манускрипты, прослышал о моей летописи и денег не жалеет. Посетил меня, шутит, прилип как пластырь. А сам замышляет что-то. Рассказывали — в Индиях и Африках он так разбойничать привык, что, глядишь, и на мой дом набег учинит.

— Набега не учинит, но когда издавать эту летопись ста-

нете, следует поберечься. Подкупит кого-нибудь и утащит... Или сделает так, что императрица попросит вас удружить послу его величества короля Великобритании — и вы не откажете, разумеется.

— Я сие предвидел,— быстро отрезал граф.— И уж контрманевр заготовил. Мне нужно было лишь ваше заключение, что рукопись действительно замечательная... Вот письмо, в коем я изъявляю желание преподнести летопись великому князю Александру Павловичу [1]. Надеюсь,— граф понизил голос,— молодой человек не станет читать столь мудреную книгу и отдаст ее хранить в библиотеку или музеум.

— Дареное же не дарят! — радостно воскликнул Бантыш.— И англичанин останется с носом, а Россия — с летописью.

— А вы, ваше сиятельство,— поддел Болтин,— будете иметь успех чрезвычайный, ибо императрица ценит внимание к любимому внуку, особливо сопровожденное столь замечательным манускриптом.

Бантыш-Каменский медленно, еле касаясь пальцами, перелистал страницы.

— Цены ей нет,— сказал он.— Такая старая летопись! Только, простите граф, за любопытство: как к Сопикову в лавку такой раритет [2] залетел? А может, лавка ни при чем?

Граф улыбнулся всем своим круглым румяным лицом.

* * *

Все кончилось благополучно.

Летопись английскому послу не досталась. Александр I передал подарок Мусина-Пушкина в Публичную библиотеку, где манускрипт с тех пор и хранится.

Много лет спустя граф Алексей Иванович любил повторять:

---

[1] А л е к с а н д р П а в л о в и ч — будущий император Александр I, внук Екатерины II.

[2] Р а р и т е́ т — редкость.

— Судьба! Судьба!.. Не будь английского посла, *старейшая* русская летопись оставалась бы в моем рукописном собрании, которое столь печально погибло в московском пожаре двенадцатого года.

Старик Бантыш и некоторые знатоки помоложе (Болтина уже давно не было в живых), случалось, возражали:

— Разве, Алексей Иванович, эта «старейшая летопись»? Были и постарше: ведь сам Лаврентий жалуется, что «книги ветшаны», с которых он переписывает... Лаврентий в 1377 работал, а последняя запись в его книге (не считая заключительных «красных строк») такая: «В лето 6813 месяца июня в 23-й во вторник ударил гром весьма силен в церковь Святого Федора в Костроме».

Год 6813 — по нашему 1305-й. Это за семьдесят два года до составления Лаврентьевской летописи, вероятно, задолго до рождения самого Лаврентия. Запись, понятно, сделана современником и очевидцем. Разве мог бы Лаврентий, спустя несколько десятилетий, дознаться, что именно во вторник 23 июня 1305 года «ударил гром» в костромскую церковь? Ведь первые газеты появились спустя четыреста лет!

Стало быть, ветшаная летопись была старше Лаврентьевской почти на столетие. Лаврентию просто повезло, что его труд сохранился...

Но тут Алексей Иванович начинал горячиться: мало ли исчезнувших летописей, что о том толковать. У ветшаной книги, верно, был свой летописный предок, а у последнего — свой. Это уж летописный «дед» Лаврентьевского списка... И ведь был когда-то самый первый летописец! Мусин-Пушкин понимает, что Лаврентий первому летописцу не ровня, что великим делом было б найти эту первую, начальную «Повесть временных лет». Он бы, граф, за такую находку не пожалел бы...

Тут все соглашались, что найти *первого* летописца необходимо и за это можно было б «не пожалеть...»

А позже, выходя из заново отстроенного графского дома, гости и собеседники Алексея Ивановича перешептывались и го-

ворили вещи, для старого графа нелестные: что Лаврентьевскую летопись он приобрел неведомо как, но отнюдь не у Сопикова; что ученые люди видели список этой летописи в Новгородской семинарии еще лет за двадцать пять до ее приобретения графом, и граф, видно, просто забрал «по должности» манускрипт у подчиненной ему семинарии.

Тут уж языки развязывались и кое-кто принимался рассуждать, что отнюдь не вся библиотека у графа сгорела в московском пожаре, а целый ряд ценных рукописей уцелел.

Такая уж была слава у Алексея Ивановича Мусина-Пушкина.

Наконец, кто-либо из молодых, увлекшись, называл графа прохвостом.

Старики останавливали молодого:

— Ну уж нельзя так... Может, и прохвост, но, во-первых, действительный тайный советник, а во-вторых, заслуги перед российским просвещением имеет громадные. В открытых им старинных рукописях ученым, возможно, и за два века полностью не разобраться. А сколько замечательного в одних только летописях скрыто! Сам Николай Михайлович Карамзин уж который год с ними и мучится, и счастлив...



ИГУМЕН ИЛИ ЧЕРНОРИЗЕЦ?

Карамзин есть первый наш историк
и последний летописец.

А. С. Пушкин

В этот день работа не шла.

С утра, как всегда, Николай Михайлович Карамзин поднялся по узкой лестнице в свой кабинет, под самой крышей громадного барского дома. Он приехал в Остафьево, родовое имение тестя, князя Вяземского, ранней весной и к осени хотел до-

вести свою «Историю государства Российского» до нашествия татар.

Как всегда, на широком сосновом столе разложены чистые листы и перья. Комната лишена предметов, отвлекающих глаз и ум: ни шкафов, ни кресел, ни диванов, ни ковров. Только простой стул да два дощатых стола. Один — для письма, а на другом — целая россыпь книг, рукописей, тетрадей.

Все было, как всегда. Но работа не шла... Некоторое время Карамзин смотрел через окно на тихий, заросший сад. Смотрел и размышлял о причинах своего беспокойного состояния.

Сосредоточиться мешало ожидание. Сегодня был почтовый день, и он ждал важного пакета из Петербурга. В пакете, как он предполагает,— интереснейшая, неизвестная летопись, которая, впрочем, задаст ему работы еще месяцев на шесть. Карамзин вспомнил древнюю пословицу: «Боги не дают, а продают удовольствия»... Историк взял с досок рукопись второго тома и чисто переписанную копию Лаврентьевской летописи. Подумал, что все происходит, как встарь: один летописец заканчивает труд, продолжает следующий, потом передает третьему, четвертому... Лаврентий в XIV столетии был, может быть, уже десятым; после него — четырехвековой перерыв, затем в XVIII веке — Мусин-Пушкин, Болтин, а в начале XIX века — он, Карамзин.

Затем, конечно, придут другие — в XIX, XX, XXI столетиях — и будут разглядывать его сочинения, может быть, так же, как он сейчас разглядывает труд первых летописцев.

Карамзин уже не в первый раз задумывается о своем далеком предшественнике...

На первых же страницах летописи множество событий: приходят и расселяются славянские племена — поляне, древляне, кривичи, северяне,— появляются и исчезают народы, царства, города... Но почему-то ни одной даты. «Славяне сели по Ильменю, Днепру, Десне...» «Были два брата, и сели: Радим на Соже и от него название радимичи, а Вятко сел со своим родом на Оке, и от него получили название вятичи».

Но когда все это было?

Летописец не знает, а сочинять не хочет. Да и в самом деле, откуда ему знать, что было за 200, 300, 500 лет до него? Немного сведений найдешь в чужих, например византийских, хрониках. Остаются легенды, сказки, песни, былины. Они сохраняют и передают исторические события сквозь столетия. Но в сказаниях и песнях, конечно, нет точных дат. А то давно бы узнали не только точное время появления славян на Днепре, но даже годы жизни Кощея Бессмертного и даты объединения и распада «некоторого царства, тридесятого государства»!

Первый летописец получал из старых преданий хронологию несколько неточную: «давным-давно», «в те времена»...

Карамзин переворачивает несколько страниц и отыскивает первую летописную дату:

«В лето 6360 (в 852 году), когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры почнем и числа положим».

Иными словами, автор сообщает: до этого события он нигде слова «Русь» не встречал, а в летописании греческом прочитал о нашествии Руси на Царьград при Михаиле.

Можно проверить, ибо хроники древней Византии, к счастью, сохранились. Там действительно рассказывается о набеге Руси на Константинополь при императоре Михаиле III. Но греческие хронисты не указывали дат описываемых событий, а только отмечали: «При императоре Михаиле...», «При императоре Константине...» Ни в одной хронике поэтому не сказано, что набег Руси на Царьград произошел точно в 852 году.

Как бы угадывая вопрос читателя, летописец открывает секрет своих вычислений:

«От Адама до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1000 и 82 года, а от Авраама до исхода Моисея 430 лет, а от исхода Моисея до Давида 600 лет и 1 год, а от Давида до пленения Иерусалима 448 лет, а от пленения до Александра Македонского 318 лет, а от Александра до рождества Христова 333 года,

от Христова рождества до Константина 318 лет, от Константина же до вышеупомянутого Михаила 542 года...»

Карамзин понимает: летописец был очень доволен полученным результатом. Как не понять человека, отыскавшего «самую древнюю дату»!

Но вот что обидно: арифметика и история не сходятся. 2242 + 1082 + 430 + 601 + 448 + 318 + 333 + 318 + 542 = = 6314, а не 6360!

В каком же году воцарился Михаил — в 852 или в (6314 минус 5508) 806 году?

Ни в том, ни в другом.

Карамзин знает, что Михаил III стал императором в 842 году. Ошибка на десять лет!

Из одной ошибки возникают другие. С трудом установив неверную дату — 852 год, летописец начал считать, оттолкнувшись от нее: «А от первого года царствования Михаила до первого года княжения Олега, русского князя, 29 лет...» Откуда взята цифра 29, неизвестно. Прибавив к 852 году 29, автор получил 881 год. Следующий год был началом княжения Олега.

882 год — дата необычайно важная: Олег объединил под своей властью русские земли. Образовалось древнерусское Киевское государство. Но дата более чем сомнительная.

Ах как трудно было историку в древности!..

В XIX веке, конечно, легче.

Намного ли легче?

Тут Карамзин вспомнил, с чего начинал он сам. Как осенью 1803 года «постригся в историки» и был утвержден придворным историографом, как выпустил последний номер своего журнала «Вестник Европы»; вспомнил о клятве, данной самому себе: ничего не писать, кроме как по истории.

Московские друзья не верили тогда, что автор «Бедной Лизы» и «Писем русского путешественника» стерпит длительное добровольное заточение, и посмеивались, что он порядком надоел своими бесконечными, с великим жаром произносимыми речами об истории...

«Наша история,— восклицал он тогда,— есть сюжет для вдохновения. Стоит ли труда проливать пот над буквами и писать диссертации о каком-нибудь слове? Можно выбрать, одушевить, раскрасить, а для того — достаточно имеющихся источников. В пять-шесть лет я надеюсь дойти до Романовых...»

Карамзин грустно улыбнулся, оглядывая бумажную гору на столе. Прошел изначальный срок, а «до времени Романовых» оставалось одолеть почти 5 веков. Хватит ли всей жизни?

Да, по правде говоря, он не подозревал, сколько придется сделать, чтоб провести «Историю» через ранние века: летописи, грамоты, хроники византийские, немецкие, польские, армянские. Ему, историографу Александра I, целыми кипами шлют документы из архива иностранной коллегии, из богатейших и совершенно не прочтенных библиотек — патриаршей, троицкой, академической. Пришлось заняться и «пролить пот» над буквами, именами, датами.

После сорока прожитых лет не так просто учиться и в то же самое время открывать и писать... Тому, первому летописцу, наверное, было полегче. Во всяком случае, он не был завален книгами и рукописями. Вот кто мог свободно предаваться дикой поэзии, фантастическим легендам прошлого!

А впрочем, кто знает, как все было?

Карамзин грустно усмехается, читая запись 1029 года: «Мирно было». Мирный год — событие исключительное и для XI и для XIX столетия.

Вот и сейчас, с Наполеоном мир, вернее, перемирие на несколько лет. А на границах ведутся сразу три войны — с Турцией, Персией, Швецией... Карамзину приходит в голову странная мысль: если б он мог встретиться с тем, первым историком, у них нашлось бы о чем побеседовать не на час и не на день. И, невзирая на разницу в «возрасте», во многом бы согласились с полуслова...

Сегодня Карамзина как-то особенно занимает первый летописец. В древней книге повсюду следы, черточки этого таинственного и замечательного человека:

1051 год: «Это я написал и установил, в какой год начался Печерский монастырь».

1061 год: «Всеволод вышел навстречу половцам в месяце феврале 2».

1066 год: «Умер Ростислав 3 февраля».

1091 год: «Этому приказанию я, грешный, был очевидец...»

«Было знамение на солнце, как будто оно начало исчезать и совсем мало его осталось, как месяц оно было, во втором часу дня, 21 мая».

Встречается слово «я». Это летописец — о себе.

На первых страницах летописи были ошибки на десятилетия — теперь точные числа и даже часы.

Астрономы проверили. 21 мая 1091 года в Киеве действительно было неполное солнечное затмение и солнце должно было выглядеть «как месяц».

«Второй час дня» — это отнюдь не два часа дня; это второй час после солнечного восхода. Затмение было в 6 часов по киевскому времени, или во втором часу по «древнекиевскому», так как солнце 21 мая восходит в 4 часа.

Итак, время первого летописца — вторая половина XI века, может быть, начало XII. За 700 лет до Карамзина. За 200 — до Лаврентия... Поэтому с особенным вниманием Карамзин читает: «В лето 6618 (1110 год). В том году было знамение в Печерском монастыре 11 февраля: явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в один час ночи, и все видели это. Этот же столп справа стал над трапезницею каменною, так что не видно было креста, передвинулся на церковь и стал над гробом Федосьевым и потом передвинулся на верх церкви, как бы к востоку лицом, а потом невидим стал».

Описывается какое-то атмосферное явление. Вероятно, чрезвычайно редкое для Киева северное сияние. Автор записи — очевидец, который, без сомнения, отлично знаком с Киево-Печерским монастырем. Напрашивается мысль, что летописец — печерский монах...

Вслед за описанием «огненного столпа» следует объяснение: «...это был не огненный столп, а видение ангела. Это знамение показывало некоторое явление, которому предстояло быть и которое сбылось. Ибо на второй год не этот ли ангел был вождем на иноплеменников и супостатов, как сказано: «Ангел тебе предшествует» или еще: «Ангел твой будь с тобой».

Ясно, куда автор клонит: появление «ангела» связывается с каким-то значительным событием, происшедшим «через год», то есть в 1111 году. Читатель предупрежден о «чуде» и, естественно, ждет описания ангельского гнева «на иноплеменников и супостатов», а «супостаты» для тогдашнего русского историка, конечно, — половцы...

Внезапно рассказ обрывается!

Ни о каком походе 1111 года в Лаврентьевской летописи ни слова. Вообще о событиях с 1111 по 1116 год ничего не сказано.

Даже сами даты эти в тексте отсутствуют.

Вместо них следуют неожиданные строки:

«Я, игумен Сильвестр монастыря святого Михаила, написал книги эти, летопись, надеясь от бога милость получить, при князе Владимире, когда он княжил в Киеве, а я в то время игуменствовал у святого Михаила в лето 6624» (в 1116 году).

Это середина Лаврентьевской летописи. Именно здесь древнейший летописец пожелал открыться, назвать себя и признаться, что «написал книги эти».

Для историка ясно, что «князь Владимир» — конечно, Владимир Мономах (княжил в Киеве в 1113—1125 годах). Михайловский Выдубицкий монастырь в Киеве был основан отцом его и находился под особым покровительством князя.

У позднейшего исследователя вопросы, десятки вопросов об игумене Сильвестре... Но летописная повесть, не останавливаясь, медленно устремляется дальше и дальше. На соседнем листе мелькает второе и последнее упоминание только что прозвучавшего имени: «В лето 6631 (1123) умер Сильвестр, епископ Переяславский».

И снова неторопливо движутся годы.

«В лето 6633 (1125)...», «В лето 6648 (1140)...» Летопись, уж понятно, продолжают другие летописцы.

Переворачиваются страницы, уплывают века, уходят люди... И вот 173-й лист. Заключительная запись:

«...аз, худый, недостойный, многогрешный раб божий Лаврентий мних...»

Но Лаврентий и его ближайшие предшественники не занимают Карамзина.

«Огненный столп» над Печерским монастырем, молчание о событиях 1111—1116 годов, имя Сильвестра,— вот где скрыта загадка первого из летописцев...

Все научное, сухое, «непоэтическое» Карамзин отправляет в примечания. Чего доброго, какой-нибудь червь науки только их и прочтет. Живой рассказ, поэтический охват прошлого — вот что будет в основном тексте книги. Полтома — «поэзия», полтома — примечания.

С удовольствием он перечитывает собственный текст, касающийся «огненного столпа» над Печерским монастырем. На языке XIX столетия это выглядело так: «Достойно замечания, что около сего времени были многие воздушные явления в России, и даже землетрясение; но благоразумные люди старались ободрять суеверных, толкуя им, что необыкновенные знамения предвещают иногда необыкновенное счастие для государства, или победу: ибо россияне не знали тогда иного счастия».

Карамзину нравилось, сколь изящно он объяснял веру древнего писателя в «приметы» и «знамения».

Но пять пропущенных лет (1111—1116) и неожиданное появление Сильвестра? В этом надо разобраться. Значит, еще искать и читать, читать и искать...

Приносят пакет: «Историографу Карамзину в собственные руки». На пакете памятка: «Книга казенная».

Несколько месяцев назад друзья известили остафьевского отшельника о том, что в Петербурге, в библиотеке Академии наук, немало любопытного среди дефектных рукописей, не внесенных ни в один каталог.

Одной рукописью Карамзин чрезвычайно заинтересовался и выпросил на месяц.

«Дефектная летопись» была из пергамена и сохранилась совсем неплохо.

На обороте первого листа помещалась запись, сделанная, по-видимому, сравнительно недавно: «Книга Ипацкого монастыря, летописец о княжении».

Значит, летопись до ее перемещения в столицу хранилась в костромском Ипатьевском монастыре. Ипатьевскую летопись переписали в начале XV столетия, всего лет на тридцать позже Лаврентьевской.

И вот Карамзин кладет две старейшие летописи рядом на сосновый стол. Он сильно взволнован. Открывает первую страницу...

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Се повести временных лет, откуду есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Русская земля стала есть.

ИПАТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Се повести временных лет черноризца Федосьева монастыря Печерского, откуду есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Русская земля стала есть.

Это тексты-близнецы. Только в Ипатьевской летописи говорится о каком-то «черноризце Федосьева монастыря Печерского».

Черноризец — это монах. «Федосьев монастырь» — знаменитый Киево-Печерский.

Очевидно, это представился сам автор. Тот, кто написал «Повесть временных лет».

И все сразу запутывается. При чем тут Печерский Федосьев монастырь, когда автор, игумен Сильвестр,— из Михайловского Выдубицкого монастыря? Почему черноризец, а не игумен? Почему нет имени черноризца? В старину имя чаще всего ставилось перед званием: «Сильвестр, игумен Выдубицкий», «Святослав, князь Киевский», а тут просто — «черноризец... монастыря Печерского»?

Историк встает из-за стола и подходит к разложенным на досках летописям. Как-то зимой в Москве Карамзин зашел за книгами к Мусину-Пушкину, постаревшему и давно удалившемуся на покой.

— Сколько, Алексей Иванович, мыслите, летописных списков на Руси?

— Бог знает,— отвечал граф.— Еще покойный Татищев взывал: «Всякий трудолюбивый, если где какую летопись сыщет, академии сообщить может». Сам Татищев сыскал с десяток, мне несколько перепало, некоторые и без нас известны, а всего — не ведаю. Сотни, думаю.

— Я полагаю, в главных хранилищах не менее тысячи,— сказал Карамзин.

И вот лучшие и старейшие летописи сейчас лежат на верхнем этаже остафьевского дома, впервые за тысячелетия собранные в одном месте.

На днях жена зашла позвать историка к обеду и заинтересовалась причудливыми разноцветными миниатюрами одной из рукописей.

— В этой летописи 617 рисунков,— объяснил Карамзин.— Долгое время они хранились в Кенигсберге. Когда в Семилетнюю войну русская армия заняла этот город, рукопись возвратилась на родину. Еще прежде ею владел польский князь Радзивилл, а переписали ее в XVI веке где-то на Руси... Поэтому у летописи с рисунками двойное имя: Радзивилловская, или Кенигсбергская...

Николай Михайлович с легкой улыбкой прочел жене небольшую лекцию о летописных именах:

— Имена людские происхождения разного. Мое — Николай — в переводе с греческого «победитель», твое — Катерина — значит «непорочная». Наименования географические тоже порождены самыми различными обстоятельствами. Киев — от Кия, Смоленск — от смолы, Новгород — город новый. Был город Тьмутаракань, есть город Звенигород, село Грязные харчевни.

И летописи — как только не прозываются... Лаврентьевская, Ипатьевская, Радзивилловская, или Кенигсбергская. Синодальная — в честь московской синодальной библиотеки. Летопись Никоновская — по имени патриарха Никона, Троицкая в честь Троице-Сергиевской лавры, Татищевская, Ростовская, летописи Новгородские...

Историк представлял тогда жене летописи будто светских знакомых. Но сегодня они его сотрудники, умные, но скрытные...

Карамзин раскрывает одновременно несколько старых манускриптов. Они должны как-то решить спор двух «летописных старейшин» — Лаврентьевской и Ипатьевской. Спор о том, кто же первый великий летописец: игумен Сильвестр или черноризец безымянный?

«Се повести временных лет...», «Се повести временных лет...», «Се повести временных лет...» — почти все летописи начинаются с этой строки. Одна из Смоленска, другая из Новгорода, третья — из Москвы, четвертая — из Суздаля, пятая, шестая — с юга... И у всех одинаковое начало!

У огромной Никоновской летописи заглавие точь-в-точь как у Лаврентия. Никакого «черноризца» нет в помине. Зато Радзивилловская (что с иллюстрациями-миниатюрами) следует за летописью Ипатьевской: «Се повесть временных лет черноризца Федосьева монастыря Печерского».

Показания свидетелей разделились. Как было бы просто и хорошо без них. Нашлась бы одна Лаврентьевская летопись — и все было бы спокойно. В конце ее — подпись Лаврентия: он *последний* летописец. В начале — имя Сильвестра: он *первый*... А сейчас нужно сравнивать и сравнивать...

Но дальше самое интересное! Удивительное сходство разных летописей не ограничивается началом, первыми строками. *У всех почти полностью совпадают тексты на десятках листов.*

Во всех летописях история начинается — «по потопе»; везде — легенда о Кие и его братьях, о том как поляне платили хазарам дань мечами. Первая дата всюду — 852 год, и т. д. и

т. п.— все, как в Лаврентьевской. Порою встречаются кое-какие расхождения: иначе построенная фраза, новые подробности, но в основном сходство, как у близнецов.

Сходство, продолжающееся примерно *до записей 1110—1120 годов.*

После этих записей также встречаются совпадения, но их значительно меньше...

Что все это значит?

Что у всех летописей был один общий предок: «Повесть временных лет» — начало всех летописных начал.

Сходство пропадает, как только «Повесть» кончается.

Значит, кончается она около 1110—1120 годов.

Где-то в этом десятилетии великий летописец — автор «Повести временных лет» — произнес «аминь», завершая свой труд. Но ведь как раз Сильвестр признается, что «написал книги сии» около 1116 года. Значит, Сильвестр был первым летописцем.

Но как быть с «черноризцем»?

Надо разобраться...

Если имя первого, *главного* летописца скрыто между 1110 и 1120 годами, значит, надо внимательнейшим образом прочитать, как освещаются эти годы в разных летописях. Все сотни и тысячи списков сравнивать, конечно, не нужно. Свидетели, как оказалось, придерживаются двух суждений: одни обходятся без «черноризца Федосьева монастыря Печерского» (Лаврентьевская и другие). В иных заглавиях упоминается «черноризец» (Ипатьевская и другие)...

Темнеет. Вечером Карамзин обычно не занимается — болят глаза. Но сегодня он чувствует, что остановиться не может. Наскоро обедает и продолжает работу при свечах. Сад за окном потемнел и исчез, комната стала походить на келью летописца.

Незаметно исчезает куда-то и 1809 год. Бесшумно подступает 1110 (или «от сотворения мира — 6618»).

В лето 6618

11 февраля 1110 года над Печерским монастырем появился «огненный столп», а по убеждению летописца — «ангел», который «на второй год был вождем на иноплеменников и супостатов». Об этом сказано и в Лаврентьевской летописи и в Ипатьевской. А затем Лаврентьевская обрывает повествование, и сразу идут строки Сильвестра: «Я... написал книги сии».

То же самое и в десятках других списков.

А как в Ипатьевской летописи?

Рассказ 1110 года там отнюдь не обрывается, и Карамзин легко находит потерянное продолжение. В Ипатьевской летописи все на месте. Как только заканчивается рассуждение об ангеле, что «на второй год был вождем на супостатов», тут же следует доказательство:

«В лето 6619 (1111). И поднялись со своих мест Владимир (Мономах) с сыновьями и Святополк с сыном своим и Давыд с сыном и попрощались и пошли на половцев. В понедельник же страстной недели вновь иноплеменники собрали многое множество полков своих и выступили, точно великий лес, тысячами тысяч. И послал господь бог ангела в помощь русским князьям. И двинулись половецкие полки и полки русские, и столкнулись полки с полками, и, точно гром, раздался треск столкнувшихся рядов. И стали наступать Владимир с полками своими и Давыд. И при виде этого половцы обратились в бегство. И падали половцы перед полком Владимировым, невидимо убиваемые ангелом, что видели многие люди, и головы летели, невидимо опускаемые на землю...»

Вот оно «чудо», о котором читатель летописи был предупрежден еще в записи 1110 года!..

Снова Карамзин оказывается перед задачей нелегкой: как написать обо всем этом в своей «Истории»?

Человеку просвещенному, конечно, не подобает принимать на веру «ангелов во главе войска». Но верноподданному Александра I не следует также и шутить над государственной религией.

Историк, однако, находит выход изящный и остроумный:

«Летописец говорит, что ангел свыше карал половцев и что головы их, невидимою рукой ссекаемые, летели на землю: бог всегда невидимо помогает храбрым...»

Вслед за описанием битвы и победы, Ипатьевская летопись очень подробно, обстоятельно повествует о 1112, 1113, 1114, 1115 и 1116 годах. Ничего подобного в Лаврентьевском списке нет.

После 1116 года Ипатьевская летопись спокойно переходит к 1117, 1118... И нигде никакого упоминания о Сильвестре.

Игумен или черноризец?

Кто же, в конце концов, был первым летописцем?

Карамзин размышляет:

Ответ первый.

В начале Лаврентьевской летописи находится сочинение Сильвестра.

В начале Ипатьевской — другое сочинение какого-то «печерского черноризца»...

Но ответ этот явно не годится, потому что до 1110 года совпадение обоих списков почти полное: это одна и та же «Повесть временных лет». Только в одном случае автором объявляет себя Сильвестр, а в другом — безымянный черноризец.

Ответ второй.

Печерского черноризца отвергнуть. Автор Сильвестр. Он как-никак лицо историческое. Действительно жил в это время и, согласно летописи, скончался в 1123 году. Черноризец же — безымянный, неведомо когда существовавший...

Но и это не ответ.

Кто же, как не печерский монах, мог заключить, что «огненный столп» ночью 11 февраля 1110 года «справа стал над трапезницею каменной, так что не видно было креста, передвинулся на церковь и стал над гробом Федосьевым»?

Печерский монастырь упоминается в летописи, пожалуй,

куда чаще, чем все другие церкви и монастыри, вместе взятые. А Михайловский Выдубицкий монастырь встречается (до 1110 года) всего два раза.

Ответ третий.

Сильвестр был раньше печерским монахом, а потом перешел в Михайловский монастырь, то есть игумен, черноризец, летописец — это одно лицо...

Россыпь книг и рукописей на досках едва видна во мраке, но Карамзин, даже не оборачиваясь, нащупывает рукою и кладет на освещенный свечами стол Киево-Печерский патерик. Патерик — это «книга отцов» (от латинского «pater» — отец). Печерские монахи веками вели записи о жизни и деяниях своих собратьев. Уцелело несколько десятков экземпляров патерика, переписанных в XIV—XVII столетиях в Москве, Ярославле и других местах. Здесь на каждой странице — ценнейшие исторические сведения, хотя, разумеется, в редкой главе ангелы не беседуют с монахами, а бесы не искушают затворников.

В этом сборнике имени Сильвестра не встречается.

Если б какой-нибудь печерский монах сделался михайловским игуменом, а затем и переяславским епископом, его биография непременно попала бы в патерик.

Значит, Сильвестр не из печерских монахов.

Значит, печерский черноризец — не Сильвестр.

И Карамзин составляет о двух «претендентах» мнение, вполне определенное, то есть **ответ четвертый:** многие считают, что Сильвестр был нашим первым летописцем, потому что сей игумен заявил, что «написал книги сии». Но слово «написал» тут значит «списал». Иначе говоря, Сильвестр — простой переписчик и как таковой может быть удостоен внесения в примечание номер 213 ко II тому «Истории государства Российского»...

Где-то в глубине сознания мелькает мысль: как-то странно, что игумен большого столичного монастыря, то есть персона важная, был простым переписчиком... Но Карамзин не собирается углубляться дальше в эти дебри...

Поместив Сильвестра в примечание, он хочет погасить свечу и прервать работу до утра.

Потом задумывается и, счастливо посмеиваясь, пишет: «Множество сделанных мною примечаний и выписок устрашает меня самого. Счастливы древние: они не ведали сего мелочного труда, в коем теряется половина времени, скучает ум, вянет воображение: тягостная жертва, приносимая достоверности, однако ж необходимая!..»



ЧЕРНОРИЗЕЦ

> В жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли.
>
> *В. О. Ключевский*

Хлебников был большой любитель древних рукописей. Когда он умер, дали знать Карамзину.

«В 1809 году, осматривая древние рукописи Петра Кирилловича Хлебникова,— записал историк,— нашел я два сокровища

в одной книге: летопись Киевскую, известную единственно Татищеву, и Волынскую, прежде никому не известную».

Старинная лощеная бумага и характерный почерк говорили о том, что Хлебниковская летописная книга — отнюдь не старейшая: XVI век.

Текст ее почти буквально совпадал с текстом Ипатьевской летописи. Заглавие, например, отличалось только одним словом:

ИПАТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ	ХЛЕБНИКОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ
Се повести временных лет черноризца Федосьева монастыря Печерского, откуду есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Русская земля стала есть.	Се повести временных лет Нестора, черноризца Федосьева монастыря Печерского, откуду есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуду Русская земля стала есть.

В сотнях списков повторяется: «черноризца Федосьева монастыря Печерского...», «черноризца...», «черноризца...» И только в одном имя: *Нестор.*

Может быть, имя случайное, ошибочно попавшее в летопись XVI века?.. Целое семейство летописей, подобных Лаврентьевской, называет автором Сильвестра. Ипатьевская и ее «последователи» — воздерживаются. И только одна Хлебниковская объявляет первым летописцем какого-то *Нестора.*

Где доказательства в пользу этого Нестора?

Однако это имя Карамзину не ново. Он привычно открывает толстую книгу в крепком желтом переплете — «Историю Российскую» Василия Никитича Татищева.

Снова Татищев

Татищев изумлялся: просвещенный киевский митрополит Петр Могила не ведал, кто был зачинателем летописи. «Разве потому,— рассудил историк,— что имя Несторово в надписании или заглавии летописи не было положено».

Значит, Василий Никитич Татищев считал, что первый ле-

вился Нестор, черноризец Печерский, заключает Татищев, а дальше с 1093 по 1116 год уж писал игумен Сильвестр.

Но Татищев неправ. Ведь тогда получается, что про «огненный столп», взметнувшийся 11 февраля 1110 года над Печерским монастырем, тоже писал Сильвестр?

Кто еще за Нестора?

О Несторе кое-кто знал и до Татищева. Знали по преданиям или по каким-то книгам, позже пропавшим. В 1672 году Феодосий Сафоно́вич, игумен Михайловского монастыря в Киеве, начал свой труд такими словами: «Хроника летописцев стародавних от святого Нестора Печерского и иных, также с хроник польских о Руси, отколь Русь началася, и о первых князьях русских...»

В этой записи Сильвестр, игумен того же Михайловского монастыря, вовсе не упомянут. Разве что он подразумевается среди «иных». Нестора же православная церковь даже приобщила к лику святых. В библиотеке Печерской лавры сохранилось описание портрета «преподобного Нестора-летописца», относящееся к началу XVIII века. «Нестор-летописец подобием сед, брада не раздвоилась, на плечах клобук, в правой руке перо, а в левой — книга и четки, ризы преподобнические».

Карамзин пытался разыскать этот портрет, но безуспешно.

Предания соединяют имя Нестора с летописью... Но ведь предания эти поздние: XVI, XVII и XVIII века.

Может быть, некоторые летописи вроде Хлебниковской, куда неведомым путем попало имя Нестора, и породили эти предания?

Ведь и Сильвестра один из летописцев XV века называл «великим Сильвестром, который все временнобытства показует».

Но Карамзин объявляет, что именно Нестор — это бессмертный автор «Повести временных лет» и отец русской истории. Примерно так же о Несторе писали и говорили Татищев, Шлецер и другие историки. Предание — за Нестора, и Карамзин-

тописец — Нестор, хотя в летописных заглавиях это имя обычно не встречается.

Отчего же Татищев судил столь уверенно?

В 1721 году он ехал из уральских горных заводов в Сибирь, по дороге, как обычно, не упуская случая побеседовать с интересными людьми всякого рода и звания. Узнав, что большой начальник интересуется летописями, один раскольник показал ему «список на пергамене весьма древнего издания».

В первой строке стояло: «Повесть временных лет Нестора черноризца...»

Летопись эта, к несчастью, затерялась при неясных обстоятельствах.

Через несколько лет Татищев был гостем у Дмитрия Михайловича Голицына, богатейшего аристократа и влиятельного государственного человека. Тот показывал приобретенные манускрипты, и среди них Татищев отыскал летопись, где опять же «имя Нестора объявлено и в заглавии положено».

Но, видно, над рукописями с этим именем тяготеет злой рок.

Голицына арестовывают по приказу всесильного Бирона.

«У сего весьма любопытного министра,— вспоминал о Голицыне Татищев,— многое число таких древних книг собрано было, из которых при описке [1] растащено; да и после описки многих не нашел и увидел, что лучшие герцог Курляндский [2] и другие расхитили».

Татищев видел имя Нестора в нескольких летописях, потом пропавших. Татищеву следует, конечно, верить.

А как же Сильвестр?

Он тоже Татищеву встречался.

Историк решает вопрос довольно просто.

В одной из летописей под 1093 годом он находит запись, кончавшуюся словом «аминь». Значит, на этом месте и остано-

---

[1] Описка — составление описи во время ареста.

[2] Герцог Курляндский — Бирон.

поэт внемлет гласу предания. Но Карамзин-историк несколько обеспокоен.

Если слепо верить преданию или утверждению самого автора, тогда...

Карамзин отлично знает, что библейскую «Песню песней» царя Соломона написал не царь Соломон, а какой-то неизвестный гениальный древнееврейский поэт, приписавший свой труд царю.

Карамзин знает, сколь зыбко и недоказанно, что именно слепец Гомер — автор «Илиады» и «Одиссеи». Он отлично помнит, какие восторги вызвали недавно появившиеся сочинения «Оссиана, шотландского барда третьего века» и как после доказали, что все нашумевшие песни древнего поэта сочинил ловкий стихоплет Джон Макферсон, отнюдь не в III, а в XVIII столетии...

Карамзин беспокоится и делает выписки из Киево-Печерского патерика, чтобы «подкрепить» Нестора новыми доказательствами, а свою «Историю» — новыми примечаниями.

Вот глава — «Слово о Никите-затворнике».

Монах Никита девять лет сидит в затворе, но все же бес обманывает, явившись в виде ангела, и чуть не похищает его душу. Монах падает в обморок, а собратья спешат к нему «изгонять нечистую силу».

До сих пор — обычный средневековый сюжет: бесы и ангелы, ведущие борьбу за праведные души. Но дальше следует перечень тех, кто кинулся помогать Никите-затворнику: «Никон-игумен, Иван, который стал после него игуменом, Никола, который был после епископом Тьмутаракани, Феоктист, который был епископом Чернигова, и Нестор, который написал летопись». Так и сказано: *«...который написал летопись».*

Важнейшее свидетельство!..

Действительно, в конце XI века игуменом Печерского монастыря был Никон, а после него — Иван; действительно, монах Никола «был после епископом Тьмутаракани», а Феоктист — епископом черниговским. Теперь можно верить, что и Нестор,

«который написал летопись», действительно существовал: печерские монахи, составители патерика, его не забыли.

А вслед за этим еще более интересное сведение: патерик сообщает, что этот самый Нестор является не только «действующим лицом», но и... одним из авторов «Книги отцов».

В патерике имеется «Повесть о житии Феодосия». В самом начале ее автор представляется: «Нестор — мнях» (то есть монах Нестор). Рядом — «Чтение об убиении Бориса и Глеба». Автор — Нестор.

Удача как будто полная: Нестор на самом деле жил в Киево-Печерской лавре в конце XI — начале XII века; Нестор был автором двух повестей, вошедших в Киево-Печерский патерик; Нестор, который «написал летопись»...

Карамзин удовлетворен.

Но правило, старинное и мудрое, учит: чем убедительнее доказательства, тем строже их надо проверять. Чем больше *за*, тем усерднее ищи *против*. И тогда получишь истину. В самом деле, мало ли было Несторов? Мало ли было летописей? А вдруг Нестор написал не «Повесть временных лет», а какую-нибудь другую летопись, погибшую, исчезнувшую?

И опять на помощь приходит патерик. Есть в нем «Слово о святом и блаженном Агапите» (написано в XIII веке). Там говорится, что Агапит был таким «...как блаженный Нестор в летописи написал о блаженных отцах Дамиане и Иеремии и Матфее и Исаакии».

Это прямая ссылка на летопись Нестора: «Как блаженный Нестор в летописи написал...» Если действительно в «Повести временных лет» найдется рассказ о названных в патерике «блаженных отцах», значит, летопись Нестора и «Повесть временных лет» — одно и то же. Значит, именно печерский монах Нестор — великий древний историк и писатель. Если же «блаженные отцы» не найдутся, начинай все сначала...

Среди сотен экспериментов обычно несколько или даже один — контрольные, решающие. Вот и сейчас — «контрольный опыт»...

Снова открываются летописи. В Лаврентьевской и Ипатьевской, Хлебниковской и Радзивилловской, Никоновской, Воскресенской и сотнях других записано:

В лето 6582 (1074) «...Из них я назову несколько мужей изумительных...» Это говорит автор о печерских старцах. И дальше начинается пространная повесть о достоинствах и заслугах сначала Дамиана, затем Иеремии, Матфея и, наконец, Исаакия. Полное совпадение с патериком: те же имена, в таком же порядке и ни одного нового, кроме этих четырех!

Четыре блаженных старца помогают сотням исследователей: «Повесть временных лет» написал не кто иной, как черноризец Киево-Печерского монастыря Нестор!

Но какую же летопись написал тогда Сильвестр?



ПРОФЕССОРА И МОНАХИ

> Древняя российская история во многих знатных делах и обстоятельствах темна и неисправна.
>
> *В. Н. Татищев*

За окнами замирает хмурый петербургский день, и свечи, уже давно зажженные, озаряют разгоряченных спором профессоров, адъюнктов, академиков. Император Николай I не одобряет ношение бороды, и посему спорщики выглядят моложе своих лет. Император улавливает в табаке душок вольнодум-

ства, и посему воздух гостиной чист и благоприятствует дискуссии. Но император любит также единообразие форм, фасадов и научных мнений, и оттого спорщики чувствуют некоторую неловкость от собственного несогласия. Впрочем, примирить их некому, ибо речь идет о предметах, почти неизвестных прочему населению страны.

Как водится, полем битвы завладели наиболее опытные бойцы. Первый — профессор-скептик — чеканит фразы язвительные и вежливые.

Другой, тоже профессор, признанный знаток предмета, метает во врага факты, если таковые имеются, и всяческие предположения, если фактов не хватает.

Скептик. Гипотезы, государи мои, гипотезы... Вас послушаешь, так Нестору памятник надобен: в пантеон его!

Знаток. Нестор — всем нам отец и пример. Он по праву заслужил место в пантеоне российской словесности.

Скептик. А Сильвестра куда денем? Отчего это имя, а не Несторово в летописях выставлено?

Знаток. Тут еще многого не знаем. Однако я согласен с гипотезой...

Скептик. Ага! Гипотеза!

Знаток. Напрасно смеетесь: во-первых, без гипотезы нет движения мысли, во-вторых, держусь гипотезы покойного Николая Михайловича Карамзина и прочих, что игумен Сильвестр был просто переписчиком Несторова текста: свое имя оставил, Несторово же снял.

Скептик. Игумен — важная персона; и вдруг — простой переписчик!

Знаток. В старину иначе смотрели на такие дела. Имени своего многие летописцы совсем не оставляли. Один поставит имя, да и то не для славы, а так, распишется просто, другой же и того не сделает. Там, где наш брат не упустит прославиться, человеку того времени и в голову ничего подобного не придет. Как это у господина Пушкина: «Труд усердный, безымянный...»

Скептик. Вот уж и господин Пушкин на помощь понадобился.

Знаток. Покойный господин Пушкин понимал в этом деле больше, чем десяток... гм... гм... Впрочем, вернусь к делу. Сильвестр пока еще не совсем объяснен. Согласен. Однако коли это единственный довод ваш?..

Скептик. Да откуда вы знаете, что Лаврентий или кто другой не написал всю летопись сам?

Знаток привстал из кресла.

— Господа! Внимание! Полагаю, что наношу оппоненту смертельный удар. Будьте судьями!

Ученые мужи глубокомысленно улыбнулись.

— Итак,— продолжал профессор-знаток,— когда б каждый из переписчиков сочинял летопись сызнова, везде были бы летописи совершенно разные, сильно отличающиеся. А ведь все списки сначала, по крайней мере до описания событий 1110—1120 года, очень похожи! Наш почтенный скептик вряд ли будет настаивать, что у монахов, совершенно не связанных друг с другом и переписывающих летописи в Москве, Новгороде, Смоленске, Киеве, вдруг обнаруживается дивное единомыслие и, не сговариваясь, все дополняют и исправляют свои летописи совершенно одинаково! Как, по-вашему, следует объяснять тот удивительный факт, что и Лаврентьевская, и Ипатьевская, и Радзивилловская, и Никоновская, и многие другие летописи на первых нескольких десятках листов совпадают почти дословно?..

Скептик, Ну уж и дословно! Все же некоторые отличия имеются...

Знаток. Небольшие, совсем небольшие... Но я продолжаю. Положим, что Лаврентий или кто другой захотел бы сам написать о событиях, происшедших в XI—XII веках, то есть лет за 200—300 до него.

Утверждаю, что с работой этой он бы не справился, хотя и жил куда ближе к началу Руси, чем мы с вами.

Для того чтобы написать такую летопись в XIV столетии,

надобно было иметь нынешнюю Императорскую библиотеку да еще несколько архивов, музеев, справочников, ученых трудов и тому подобное...

За окнами стало совсем темно. Влажная мгла поглотила пустынные улицы, бесконечную набережную.

— А что, господа,— сказал профессор-богослов,— не прибегнуть ли нам к обычаям древних, иногда прекращавших на время войну, чтобы предаться пирам и веселью, и лишь затем снова сражаться?

Но магистр, молодой и суровый, не поддался мирным увещеваниям...

— Кто знает, что мог и чего не мог ученый XIV века? Может, Лаврентий был историк не хуже нас, не слишком ли мы пренебрежительны к древним? В наш просвещенный век, конечно, мы склонны недооценивать предков...

Но знаток резко обрывает речь младшего:

— Предкам цену набавляем, а себя уж ни в грош не ставим! Ведь подумайте, век-то какой — де-вят-на-дца-тый! А мы всё наукам не верим. Напрасно... Напрасно! Мосье Леверье сидит в кабинете, вычисляет с кончика пера неизвестную планету и даже не удосуживается выйти на улицу, взять трубу и посмотреть на небо, потому что уж точно знает, где сия планета...

— А господин Шампольон,— подхватил скептик,— расшифровал письмена египетские. Чудеса, господа, чудеса! А отсюда следует, хотите вы сказать, что Нестор своего рода «икс» нашей древности и нам стыдно его не открыть. А может, икс-то воображаемый? И вместо *икса* летописанием занимался некий *игрек?*

Знаток. Выдумывать несуществующее — дело умов праздных и обремененных чрезмерным скепсисом, что, по справедливому мнению немецкого философа, есть паралич ума...

И, не давая противнику контратаковать, знаток продолжал:

— Господа! Восстановим, насколько возможно, жизненный путь великого Нестора. Тексты летописей и других Несторовых творений нам не нужны — все мы их знаем и помним. Удобнее

начать с конца Несторового поприща. Год смерти мне и вам всем неведом. Но думаю, прежде 1116-го, ибо под этим годом уже стоит в летописи имя Сильвестра. Как бы то ни было, в 1110 году Нестор еще жил и писал. Кто же, как не печерский летописец, описал «огненный столп» 11 февраля 1110 года?

— Не только в 1110-м, но и в 1113-м Нестор еще был...— Это заметил богослов, только что вспоминавший про обычаи древних во время перемирия.— Ведь в начале «Повести временных лет» автор обещает довести повествование до смерти князя Святополка Киевского. А умер этот князь 25 апреля 1113-го...

— Следовательно, примерно в 1113 году Нестор завершил свой труд.

Но тут скептик возмутился:

— Все у вас складно. Отчего же, однако, в Лаврентъевской и многих других летописях после 1110 года — провал, обрыв повествования? Куда делись следующие годы? Почему после записи 1110 года сразу следуют Сильвестровы строки 1116 года?

Знаток. Но я ведь говорил, что тут, после 1110 года, самое темное место. Тут некая тайна, тайна окончания летописи. Какой-нибудь сильный ум в будущем это раскроет, а пока, признаюсь, не могу понять, куда вообще из Лаврентьевской летописи делись записи за целых пять лет, с 1111 до 1115 года?..

— Может быть, было так,— перебил магистр.— Когда-то эти записи были, да выпали и потерялись?

— Может быть! — захохотал скептик.— Вот и я говорю, все может быть, только, может, Нестор тут вовсе ни при чем, коли все может быть!

Ученые мужи зашумели, однако знаток поднялся и сухо заметил:

— Из-за мелочей сражаться не намерен. Говорю не таясь: одно знаю, а другого не ведаю. У меня просили Несторову биографию. Не любо — не слушайте...

— Слушаем!

— Отправимся вверх по течению Несторовой жизни. 1109-й, 1108-й, 1107-й, 1106-й... 1101-й. В летописи подробные записи,

упоминается Киев, Печерский монастырь. Все это, конечно, наш Нестор писал.

Скептик. Интересно, как вы определите начало его труда?

Знаток. Да, вы нащупали еще одно слабое место. Я пока не в силах определить, когда Нестор начал... Подробные известия идут и под 1097-м, и под 1096-м, и под 1093-м.

Скептик. Продолжайте, продолжайте — и под 1074-м, а под 1061 годом даже число указано: 2 февраля пришли половцы. Сейчас вы скажете, что все это — Нестор, что он целых полвека писал — и в 1061-м и в 1113-м.

Знаток. Полвека писать Нестор вполне мог бы, коли прожил лет 70—75... Но я как раз сам думаю, что он трудился меньше чем полвека, а почему — сейчас объясню и для этого закрываю летопись и перехожу ко второму труду Нестора.

Скептик. Отмечаю еще раз, что ваше превосходительство не знаете, когда начал Нестор, как, впрочем, не ведаете, и когда кончил...

Профессор-знаток секунду взвешивал в уме, ответить ли колкостью или продолжать свой анализ. Решил продолжать:

— Итак, в 90-е годы XI и в первые годы XII века Нестор живет и трудится в Печерском монастыре. Теперь, закрывая на время летопись, я обращаю мой мысленный взор к «Житию Феодосия» — второму труду печерского черноризца. Помните, как там все плавно и величественно, под стать неторопливой древности нашей: «Я, грешный Нестор, начал писать слово о житии отца нашего Феодосия. Постоянно печалился я, вспоминая о жизни преподобного и о том, что никем не описана она. И вот я начну описывать жизнь его от юных путей его.— Профессор читал слегка нараспев, задумавшись, будто сочиняя.— Потрудился от избытка сердца своего: и то, что видел и слышал, то малую часть из многого запечатлел на письме...»

Скептик. Вы правы, профессор, это творение просто и прекрасно. Но в нем нет ни одной даты. Это же не летопись, а связная повесть. Как вы определите время ее написания?

Знаток. Очень просто. В «Житии» перечисляются преемники Феодосия, возглавлявшие Печерский монастырь. Стефан, что был игуменом с 1074 года по 1078, Никон — с 1078-го по 1088-й — и более никого. Между тем известно, что с 1088 года был игумен Иван, а о нем ни слова.

Так что, полагаю, «Житие Феодосия» написано до 1088 года. И позвольте заметить, что мы продвинулись вверх по течению Несторовой жизни...

Скептик. Гипотезы... гипотезы...

— Однако, правдоподобные гипотезы! — вступил в разговор академик.

— Но это не все еще,— продолжает знаток.— Мы еще не говорили о самом первом Нестеровом труде — «Чтении об убиении Бориса и Глеба». В нем тоже нет ни одной даты. На этот раз я беру две фразы из «Бориса и Глеба». Только две. И они помогут нам еще дальше продвинуться вверх по течению Несторовой жизни.

Первая фраза: «Многие ныне есть младшие князья, непокоряющиеся старейшим и супротивляющиеся им и убиваемы суть. Те не сподобятся такой благодати, как эти» (то есть святые Борис и Глеб).

Вторая фраза там, где Нестор повествует о недавно случившемся чуде: «А было это в праздник успенья, в воскресенье».

Вот в этих двух фразах ключ к разгадке.

— Что же дает первая?

— Автор, то есть Нестор, осуждает каких-то «младших князей», которые восстали против «старейших» и погибли. Мы знаем: в 1078 году в битве на Нежатиной ниве встретились князья-дяди с князьями-племянниками. Племянники терпят поражение. При этом погибают двое молодых — Борис Вячеславич и Глеб Святославич. Нестор, конечно, имеет в виду именно этот случай и даже намекает на совпадение имен: святые Борис и Глеб и непокорные племянники Борис и Глеб.

Значит, за свой первый труд Нестор принялся не ранее 1078 года.

— Да вы фокусник,— захихикал богослов.— А зачем вам праздник успенья в воскресенье?

— А затем, что успенье — это 15 августа, не так ли? Не каждое 15 августа — воскресенье.

— Постойте,— взметнулся магистр,— ведь это просто...

— Разумеется, просто.

И, вытащив клочок бумаги, знаток поясняет:

— Вот расчет. В 70—80-х годах XI века 15 августа падало на воскресенье, во-первых, в 1076 году. Затем 15 августа 1081 года, 15 августа 1087 года, 15 августа 1092 года.

— 1092 год исключается! — воскликнул магистр.— Ведь это уже после написания «Жития Феодосия», следующего труда Нестора.

Знаток согласен. Значит, недавно случившееся «чудо», о котором сказано в чтении о Борисе и Глебе, древний писатель относит либо к 1081, либо к 1087 году.

Академик. 1087 год — поздновато. Тогда уж создавалось «Житие Феодосия». Скорее, 1081-й, когда еще у всех была свежа в памяти кровавая драма на Нежатиной ниве.

Знаток. Да, я тоже склоняюсь к этому году. Видимо, в 1081 году Нестор и начал писать свой первый труд.

Скептик. Воистину, ваше превосходительство, вы фокусник, жонглер. Вы создаете нечто из ничего, чем опровергаете знаменитый закон физики.

Знаток. Ну как же из ничего... К этому суждению не я один пришел — тут многие коллеги судили и рядили...

Скептик. Отменно. Вы прошли от 1113 до 1081 года. Отважитесь ли идти дальше?

Знаток. Вашими молитвами...

Скептик. Предупреждаю. Ждите ловушки!

Гости расхохотались.

— Ловушки жажду,— отвечал взволнованный защитник Нестора,— и спрашиваю: когда же Нестор впервые появился в Печерской обители? И в Лаврентьевской и в Ипатьевской нахожу и читаю...

Многие улыбнулись, ибо знали, какой текст сейчас последует. Знаток же декламировал на память:

— «Когда же жил Феодосий в монастыре, ведя добродетельную жизнь, и блюдя монашеские правила, и принимая всякого приходящего к нему, и я пришел к нему, худой и недостойный раб, и принял он меня семнадцати лет от роду».

Скептик. Иду на вы... Значит, Феодосий был жив, когда Нестор явился в монастырь?

Знаток. Да, был жив. Летопись свидетельствует...

Скептик. Вы попались, милостивый государь, вместе с вашим Нестором. Автор летописи пишет, что пришел в монастырь до смерти Феодосия, *до* 3 мая 1074 года. Но автор «Жития Феодосия» признается, что стал монахом после смерти Феодосия, то есть *после* 3 мая 1074 года. Что за чудеса? Тут о двух разных людях речь идет...

Знаток. Вам кажется, что вы меня повергли, столкнув два разных свидетельства. Но есть еще и третье.

Скептик. Третье?

Знаток. Да, третье, и вам следовало бы помнить о нем. «Житие Нестора».

Скептик. Какое «Житие Нестора»? В Печерском патерике нет такого.

Знаток. В старинных списках патерика в самом деле нет. Но я говорю об одном из поздних изданий патерика, уже не рукописном, а напечатанном в 1661 году. Там *откуда-то* появилось отдельное «Житие Нестора». Так вот в этом «Житии» сказано, что юноша Нестор пришел в монастырь в 1073 году. Феодосий был жив еще. По уставу пострижение производилось после *годичного* испытания. Значит, Нестор сделался монахом в 1074 году. Феодосий за это время умер. Вот и разгадка мнимого противоречия!

Заметьте, в 1073-м Нестору, по его признанию, было 17 лет. Стало быть, он родился в 1056-м (1073 минус 17).

Скептик. Чем удивили! В XVII веке напечатанное «Житие Нестора»... Странное легковерие! Да это все равно, если бы

я или вы сейчас, в этом доме, новое житие летописца сочинили. Я спрашиваю, отчего «Жития Нестора» в прежних, более старых списках патерика не было? Я согласен, что Нестор был. О Борисе, Глебе, Феодосии, возможно, писал. Согласен. А вот что он летопись писал, не убежден. Книги XI—XII веков, конечно, дошли к нам искаженными, обезображенными, украшенными, подновленными... Вы не имеете права ничего доказывать, пользуясь этими текстами, пока не отделите древний слог от поздних вставок.

Ничто не мешает, например, предполагать, что вся «Повесть временных лет» составлена Сильвестром или кем-либо другим. Нестора с Сильвестром рассудить вы, господа несторианцы, *не можете*. Начало летописного труда определить *не можете*.

Дату прихода Нестора в Печерский монастырь уточнить *не можете*.

З н а т о к. Повторение не усиливает аргументов. Все это вы уже говорили. Я устал вас спрашивать, отчего если все летописи врут, врут так одинаково?

С к е п т и к. Все это гипотезы... Гипотезы...

А к а д е м и к. Правдоподобные гипотезы!

С к е п т и к. А Сильвестр?



ЛЕТОПИСНОЙ ТРОПОЙ

Помняшет... первых времен усобицы.

«Слово о полку Игореве».

Летом 1871 года семилетний Леля Шахматов решил занять престол персидский. Дядя сказал, что их предки вышли из Персии. «Хочу побывать там, объясню, кто я такой. Может быть, шах персидский и добровольно поделится со мною престолом?»

Сестра Женя, чуть постарше, узнав про замысел, заливается слезами.

— Да как же ты пойдешь?

— Пустяки. Дядя говорил, что Персия — это Восток. Вот и пойду прямо, прямо на восток, с компасом в руке. А там и Персия.

— Тебя по дороге тигры съедят! Да на что тебе персидский престол?

— Не плачь, Женя, я тебе из Тегерана подарки и фрукты пришлю.

К вечеру припасена краюха хлеба и смена белья. После длительного раздумья, Леля берет лист бумаги и пишет:

ЗАВЕЩАНИЕ

Все принадлежащее мне имущество завещаю дяде.

Алексей Шахматов.

Однако на другой день произошло событие совершенно непредвиденное: Леля Шахматов проспал. Поскольку же борьбу за персидский престол все настоящие люди начинают не дожидаясь завтрака, то все предприятие откладывается. К тому же у мальчика появляются сомнения: стоит ли приниматься за такое серьезное дело, не докончив прежде начатого?

Незаконченное дело — это толстая рыжая тетрадь, где на первом листе выведено: «Деревня Губаревка-Шахматовка, книга I. До Ярослава Мудрого. Русская старина. Составил Алексей Александрович Шахматов».

Историю свою Леля пишет по правилам. Правила требуют: сначала — «беседы с поселянами». Леля упорно допрашивает стариков, но про Ярослава Мудрого ни один губаревский дед не слыхивал. В соседней Хмелевке Ярослава тоже не встречали. Зато рассказывают про недавнее крепостное житье, про бывших владельцев, Лелиных родителей, которых мальчик припоминает с трудом. Старики бывали и на войне с французом.

— А мне, барчук, уж за сто десять,— медленно выговаривает высокий белоголовый Никифор Шарыпка. Впрочем, с виду ему не больше шестидесяти.

— Наполеона-то помнишь? — восторженно спрашивает Леля.— Сам с французом не бился?

— Да мне уж тогда за пятьдесят перемахнуло.

— А Екатерину Вторую не видел?

— Не пришлось.— Старик качает головой.— В наших саратовских краях их величества редко бывают. Вот Емельку Пугачева — того видел. Люди говорили: государь-де Петр Федорович. Да то не нашего ума дело... мальчишкой я был. Вот этими глазами видел, как он прадеда вашей милости повесил...

Эту историю, передававшуюся как страшное фамильное предание, Леля уже слыхал и от дяди и от учителя.

— Корень у нас, Шарыпок, долголетний,— скрипит старик,— мать умерла ста двадцати, а дед на ходу отдал душу — сто пятьдесят годов было.

— А помнишь деда-то?

— Как не помнить? Вот он бы тебе порассказал, и про Питербурх и про Москву. Он-то самого Петра Великого, как я тебя, близко видел.

— Твой дед не рассказывал ли про своего отца да деда?

— Давно это было,— ворчит Никифор.— И уж голова моя не помнит, что от деда, а что от людей слыхивал. А слыхивал, будто дедов дед с самим Стенькой Разиным погуливал. Будто уж в ту пору был у нас барин Шахматов — видно, что твой пращур.

В своих делах Алеша разбирался неплохо: «От Тишки — Лука, от Луки — Артамон, от Артамона — Петр, от Петра — Александр, от Александра — Алексей, то есть я, произошел!»

— Ишь ты,— изумился дед.— Повтори-ка!

Леля скороговоркой повторяет.

— Такой малец, а уж сколько стариков запомнил. Поди, подрастешь, всех нас с того свету потребуешь?..

Леля идет в дом и раскрывает рыжую тетрадь. История кажется древним стариком, прапрапрапрадедом самого старого деда. Стариком, все видевшим и помнящим...

Карамзин... Читать его интересно. Удалые князья, древние

города на берегах больших рек, ночные походы. Но почему-то историк отправил в примечания самое важное: откуда он узнал о событиях давно минувших дней? И так ли все это было?

— Женя, не кажется ли тебе, что Карамзин недостаточно глубоко рассмотрел вопрос о происхождении Русской земли?

Женя чувствует, что ей, как старшей, должно бы казаться что-нибудь в этом роде. Она даже открыла как-то томик Карамзина, но вскоре запуталась в Изяславах, Святославах, Брячиславах. Куда интереснее было читать «Бабушкины уроки» или про героев Эллады.

А братец не унимается:

— Понимаешь, мне не нравится, как Карамзин объясняет начало Руси.

— Ой, Лелька, ты меня прямо ошеломил...

— А знаешь, откуда слово «ошеломил»? От «шелом», то есть шлем. В старину как треснут кого-нибудь по шлему, так он и оторопеет, ошеломится.

— Откуда ты, Лелька, все это узнал?

— Любопытство не порок, мадемуазель Шахматова. Слова ведь из древности пришли. Значит, в них эту древность можно разыскать. Слово «стекло», например, откуда взялось?

— Ну что ты пристал?

— Так ведь это просто: от слова «стекать». Наверное, готовили его жидким, а потом сливали. «Уже стекло»,— говорил мастер. Вот тебе и наше слово: «стекло».

Женя контратакует:

— Все равно Карамзин больше тебя знал.

— Еще бы, он сколько старинных книг прочитал! Если б мне столько...

— Ну, а если ты столько же прочтешь, думаешь, лучше Карамзина во всем разберешься?

— А что ж!

Летний вечер заволакивает мглой степь, сады, усадьбу. Леля заканчивает уроки, отбрасывает тетрадь и вскакивает. Мальчик тащит к столу тяжелую книгу с угрюмым, серым переплетом.

«Полное собрание российских летописей. Часть первая». Дядя специально привез из Саратова вместе с книгой, где пересказывался старинный Печерский патерик. Сестра заглядывает через плечо. «Се повести временных лет, откуду есть пошла...»

— Леля, а вдруг тот, кто эту книгу написал, тоже все из других книг переписал?

Леля мрачно отрезает:

— Кто эту книгу написал, неизвестно. А ежели списывал, то у кого — неведомо. Все это хочу узнать.

— Ты?

— А хоть бы и я!

— А Карамзин не знал?

— Толком не знал.

— И ты всерьез думаешь, что ты...

— А что ж!

Алеша Шахматов разыскивает Нестора

Нестору Леля Шахматов откровенно завидует: жил монах в таинственные времена, расспрашивал, как и он, Леля, стариков. Только тогда старики легко вспоминали князя Ярослава, и даже самого Владимира Красное Солнышко.

Дядя находит, что племянник развивается как-то неравномерно. Вчера еще не знал толком, где Персия, а ныне уверенно утверждает, что Нестор-летописец родился в середине XI века, а прекратил писать в начале XII.

«Нестор. 1056—1114-й»,— читает мальчик название недавно вышедший книги и ухмыляется: «Почему 1056-й? Почему 1114-й? Разве это точно известно?»

Алеша Шахматов сомневается.

До боли в глазах он перечитывает легко запоминающиеся летописные строки; сначала древнерусский слог был непривычен, потом стал старым, добрым знакомым...

Страницы про Ярослава Мудрого он находит быстро. Вот

тут, около 1050 года, родился и его герой, «Лелькин монах», как говорит сестра.

Летопись за 1051 год. «Поставил Ярослав Илариона в митрополиты русского родом, в церкви Святой Софии, собрав для того епископов. А теперь расскажем, почему прозвался Печерский монастырь...» Рассказ такой: Иларион прежде был священником, «приходил на Днепр, на холм, где теперь стоит старый монастырь Печерский, и там молился, ибо был там лес великий. Выкопал он пещеру малую, в две сажени, и, приходя, молился богу втайне». Мальчику не понятно, отчего же он в своей церкви не молился? Почему «втайне»? Этот же Иларион, Алеша уже знает, написал знаменитое «Слово о законе и благодати» — молитву, поэму, проповедь...

Затем пещера опустела — Иларион возвысился, сел в храме Святой Софии митрополитом. Однако вскоре на горе появляется странствующий монах, родом из города Любеча, именем Антоний. «Антоний пришел в Киев и начал думать, где бы поселиться; и ходил по монастырям, и нигде ему не нравилось...» Наконец нашел Иларионову пещерку, раскопал ее шире и начал жить, «молясь богу, питаясь хлебом сухим, и то через день, и воды в меру кушая».

И Антоний отчего-то хочет жить не в монастырях, где вдоволь еды и тепла, а в темной пещере...

Потом пришли и другие. Антоний их принимал и постригал в монахи. «И собралось к нему братии 12 человек, и выкопали пещеру большую и церковь и кельи, которые и теперь еще существуют в пещере под старым монастырем...»

С этой братией Леля Шахматов уже хорошо знаком: вторым явился Никон. Патерик его именует «великим Никоном» и представляет прямодушным, гордым, суровым... Затем из Курска пришел Феодосий, сын богатых родителей, будущий герой Несторовых трудов.

Чего же они хотели?

Трудно понять спустя восемь веков, увидеть истину сквозь текст патерика, где первые пещерные отшельники, конечно,

приукрашены... «Много ведь монастырей царями, боярами и богачами устроено, но не такие они, как те, которые поставлены слезами, постом, молитвами, бессонными ночами»,— гордо записывает печерский монах. Видно, было соперничество с другими монастырями и монахами. Видно, Антоний, Никон, Феодосий по-своему понимали новую веру: сытая, безбедная монашеская жизнь, полное подчинение «царям, боярам и богачам» им не по душе. Поселившись в пещерах близ столицы, они как бы бросают вызов властям светским и духовным.

Алеша вспоминает, как однажды пролез в узкую, темную, холодную пещеру над речным обрывом. Было весело и жутко. Но жить там противно и, главное, скучно.

Однако у древних были книги. Патерик напоминает не раз: с первых же лет читали, переписывали, сами писали, переплетали.

Алеша снова погружается в летопись:

1054 год. «Скончался великий князь русский Ярослав. Еще при жизни своей дал завещание сыновьям своим, сказав им: «Вот я покидаю мир этот, сыны мои; живите в любви, потому что все вы братья, от одного отца и одной матери. Если же будете в ненависти жить, в распрях и междоусобиях, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которую они добыли трудом своим великим, но живите в мире, слушаясь брат брата. Вот я поручаю заместить меня на столе моем в Киеве старшему сыну моему Изяславу... А Святославу даю Чернигов, а Всеволоду — Переяславль».

Еще через несколько строк.

1059 год. «Изяслав, Святослав и Всеволод освободили дядю своего Судислава из темницы, где он просидел 24 года, взяв с него крестное целование, и принял он монашество».

— Вот так братская любовь! Сам проповедует детям — «живите в любви», а собственный брат — 24 года в темнице!

Алеша смеется... А через минуту читает, как князь Святослав пошел на своего племянника Ростислава к Тьмутаракани: «Ростислав же отступил из города не потому, что убоялся его,

а не желал против дяди своего оружия поднимать. Святослав же, придя в Тьмутаракань, посадил там сына своего Глеба и вернулся домой. Ростислав же, придя, выгнал Глеба, и пришел Глеб к отцу своему».

Алеша смеется. Не верит: просто у Ростислава войска меньше было, а то бы он дядю «уважил»...

Потом задумывается: зачем же летописец обманывает? Князей представляет лучше, чем они на самом деле. Князья-то небось лихие рубаки были, любили подраться, поесть, вина попить, бывали и свирепы, и великодушны, и двуличны. Древние рыцари... Алеша совсем недавно прочитал Вальтера Скотта и в рыцарях разбирался.

Да, но если князья были такими, как принц Джон или даже Ричард Львиное Сердце, летописцу несдобровать, если бы всю правду рассказывал...

Благодаря Печерскому патерику Алеша знакомится с князьями поближе и видит, что представлял их довольно верно.

Однажды два молодых человека, княжеский слуга и сын первого боярина, пришли в пещеру и попросили постричь их в монахи. Никон, тогдашний глава обители, просьбу пришельцев исполнил. При пострижении они получили новые имена — Ефрема и Варлаама. Дружинные подвиги и шумные пиры сменили на пещерный мрак и уединение. Тогда первый боярин, отец Варлаама, в ярости великой примчался в лес, «разогнал богоизбранное стадо», а сына привел домой силой. Варлаам, однако, не смирился, снова ушел в пещеру, и тогда рассвирепел сам князь Изяслав. Горстка жалких, нищих отшельников посмела постричь в монахи его людей, не испросив княжеского соизволения!

Никона призывают ко двору и требуют, чтобы он образумил беглецов. Тот держится гордо и отказывается подчиниться. Изяслав готов расправиться с печерцами. Узнав об этом, они уходят из-под Киева, и лишь через трое суток их догоняют в лесу княжеские слуги и просят возвратиться. Оказывается, жена Изяслава, дочь польского князя, напомнила супругу, что

у нее на родине подобные княжеские бесчинства около тридцати лет назад вызвали грозное восстание. Изяслав испугался: смекнул, что расправа с печерцами может переполнить чашу...

Почти вся братия вернулась. Не подчинился лишь Никон, возможно не простивший оскорблений или опасавшийся за свою жизнь. Он отправился далеко — за степи, через море, в Тьмутаракань — и вернулся лишь через несколько лет.

Изяслав встретил вернувшихся внешне очень ласково. Сразу отдал в их полное распоряжение гору, возвышавшуюся над пещерой, и приказал строить там деревянную церковь. Для монахов это было весьма кстати, ибо в пещере собралось уже почти сто человек и стало слишком тесно.

Выросший над пещерами новый монастырь был прозван Печерским.

Вся эта история — из Печерского патерика.

А в летописи? В летописи все очень просто: «Антоний послал одного из братьев к князю Изяславу, сказав так: «Князь мой! Это бог умножил братию, а местечко мало: дал бы ты нам гору ту, что над пещерою». Изяслав же, выслушав это, с радостью послал своего мужа отдать им ту гору».

Про ссору, бегство и возвращение — ни слова.

И снова в доме Шахматовых удивляются: Леля в который уж раз хохочет над такой серьезной книгой.

— Как же, дядя, ты не понимаешь — летописец боится про все рассказывать. Вот и Карамзин пишет: «Летописцы наши не Тациты[1], не судили государей, рассказывали не все дела их. Лев не разевал челюстей за такими историками».

— Алеша, посуди сам, возможно ль хоть в наше время без цензора? Всякий начнет строчить такое...

— Так ведь, дядя, печерские монахи смелые были, не боялись самому князю перечить... Изяслав перед ними спасовал. Неужели же они сами так правду подкрасили?

---

[1] Тацит — известный древнеримский историк, славившийся честностью и смелостью суждений.

— А ты, брат, не горячись да не суди слишком строго...

Алеша переворачивает несколько страниц и попадает в новые времена.

Десять лет спустя

1067 год. Нестор уж вырос. Может быть, тоже принимается за чтение старых книг. Время неспокойное. Всеслав Полоцкий, двоюродный брат трех Ярославичей, начинает междоусобную войну. XI век — пора былинных удальцов, полулегендарных битв и набегов. Но Всеслав Полоцкий, видно, поразил даже ко многому привычных современников.

Алеша представляет князя в черной одежде, бешено несущимся на черном коне. За ним дробит землю копытами коней молчаливая черная дружина. И вот они пронеслись как вихрь и скрылись за снежной пеленой, чтобы вдруг объявиться то ли в Новгороде, то ли у Черного моря...

В «Слове о полку Игореве» говорится:

Всеслав князь
Ночью волком рыскал,
Из Киева дорыскивал до петухов Тьмутараканя.
Для него в Полоцке позвонили к заутрене рано,
А он в Киеве звон тот слышал.

Вот летопись: «Всеслава мать родила с помощью волхования. Когда мать родила его, у него на голове оказалось язвено [1]. Волхвы же сказали матери его: «Это язвено навяжи на него, пусть носит его до конца дней своих».

«Потому Всеслав и немилостив на кровопролитие»,— заканчивает летописец.

Зимой 1066—1067 года набежал Всеслав на Новгород.

«В лето 6574 пришел Всеслав и взял Новгород с женами и детьми; и колокола снял у святой Софии. О, великая беда пришла в час тот! И паникадила снял».

---

[1] Язвено — язва.

Три Ярославича — Изяслав, Святослав и Всеволод — «пошли на полоцкого князя и взяли Минск и иссекли всех мужчин, а женщин и детей взяли на щиты. И сошлись со Всеславом 3 марта на Немиге, и был бой жестокий, и много людей пало».

Так говорит летопись.

В конце концов Ярославичи одолевают. Всеслав бежит, но братья приглашают его для переговоров, поцеловав крест, что не причинят зла. И, как только полоцкий князь с двумя сыновьями входит в шатер Изяслава, его хватают, отвозят в Киев и бросают в темницу.

Феодосий и вся печерская братия осудили такое клятвопреступление. Изяслав, конечно, гневался, но ссориться с монахами не хотел и потому смолчал...

Год 1068. На степных границах показываются половцы; отныне и на полтора столетия они — главный враг. Братья — Изяслав, Святослав и Всеволод — с дружинами идут навстречу. Но вскоре быстрые, как ветер, кочевники побеждают, и князья бегут в свои города.

Встревоженно бьют колокола, рокочущая толпа собирается на торгу. Вече!

Киевляне обращаются к Изяславу:

«Вот половцы рассыпались по всей земле, выдай, князь, оружие и коней, мы еще побьемся с ними».

Изяслав не соглашается. Видно, боится, что люди, получив в руки оружие, отомстят за старые обиды и притеснения. Город негодует: мало того что князь не сумел оборонить свою землю, он же не дает киевлянам самим защитить себя! Толпы рванулись к дворам Изяслава и богатых воевод. Бросаются к темнице, где больше года томится Всеслав. «И сказала дружина Изяславу: «Пошли ко Всеславу, пусть, призвав его к оконцу обманом, пронзят его мечом». И не послушал этого князь. Люди же освободили Всеслава из темницы и прославили его среди двора княжеского».

Полоцкий богатырь, мечтавший о киевском престоле, неожиданно попадает туда прямо из темницы. «Коснулся древком

копья золотого престола киевского». Изяслав же в страхе бежит в Польшу, двор его разгромлен народом, захватившим «бесчисленное множество злата и серебра в монете и слитках».

Проходит несколько месяцев, и разносится слух, что Изяслав возвращается с польским войском. Всеслав решает, что Киев — «орешек не по нем», и однажды ночью тайно, «вороном, оборотнем», бежит в родной Полоцк. Восставший люд остается без предводителя.

Появляется Изяслав, налитый злобой. Кое-что рассказывает летопись, кое о чем умалчивает; но многое открывает патерик. Изяслав сильно гневается на Печерский монастырь. Вероятно, обитель сочувствовала восставшим. К тому же Феодосий смело отправляется к князю и просит не чинить расправы над киевлянами. Однако 70 человек казнили, «а других ослепили, а иных безвинно умертвили, не расследовав дела...» Должен бежать из Киева и Антоний, первый обитатель Печеры, уже глубокий старец. Ведь Изяслав в ярости желает крови за позор изгнания. Однако он быстро остывает, князь-неудачник. Боится прошлого и неуверен в будущем. Вскоре снова появляются половцы и начинаются распри с братьями.

К слову старцев из деревянной церкви над пещерами многие прислушиваются, и князь ищет там союзников, поддержки. И вот он опять ласков, задабривает монастырь, не мешает возвращению из Чернигова Антония, из Тьмутаракани — Никона. Начинает и сам частенько наведываться в обитель.

Однажды после обеда, когда монахи отдыхали, Изяслав подъехал со слугами и постучал в ворота. Монах-привратник сказал, что игумен Феодосий никого не велел пускать. «Да ведь я князь!» — вспылил Изяслав. Но привратник не открыл ворот, пока Феодосий не дозволил. При других обстоятельствах князь не смолчал бы и расправа была б крута. Но на этот раз все кончилось мирно...

«А Нестор-то уж вырос,— думает Леля.— Он видал и Всеслава и Изяслава».

И Алексей Шахматов, забывшись, прибегает к приему нена-

учному и, следовательно, недозволенному: сочиняет биографию своего героя. Пять биографий. Десять...

Нестор — сын одного из казненных киевских повстанцев; Печерская обитель смело приютила его...

Нестор — младший сын одного из княжеских дружинников; старшему сыну — земля, имущество; юному — в чисто поле или в монастырь...

Нестор, разумеется, из купцов. В юности немало странствовал, много читал и видел. В пятнадцать лет, а то и раньше, хотели его оженить, а он — в монастырь.

Нестор — юный слуга Всеслава, всюду следовал за князем, но разочаровался в своем герое после его позорного ночного бегства из Киева...

Нестор — бродяга, странник, рыбак, пастух, бедняк...

Но тут Алексей Шахматов вспоминает, как должен вести себя настоящий ученый, и весьма строго останавливает поток фантазий.

— Что ж твой Нестор? — спрашивает Женя.

— Нестор? Он одно время правил царством Персидским — разве не знаешь?



„ГЕНИАЛЬНЫЙ МАЛЬЧИК"

> Печерские иноки, выстроясь в ряд,
> Протяжно поют: «Аллилуя!»,
> А братья княжие друг друга корят,
> А жадные вороны с кровель глядят,
> Усобицу близкую чуя...
>
> *А. К. Толстой*

Маленький белокурый гимназист Алеша Шахматов вместе с «однокорытниками» осаждает парту первого ученика. За перемену надо кое-что усвоить из Цицерона, дабы уловить вожделенную тройку.

Алеше всегда некогда. Он коллекционирует слова. За 40 персидских и 8 арабских выменивает 50 финских и литовских у школьного товарища. За 50 санскритских[1] и за 3 готских слова раздобыл у другого товарища 60 исландских. Сестра Женя вчера прислала целый список! «Поймала для тебя в журналах массу слов: по-санскритски «хима» — холод. Отсюда — «Гималаи» — горы холода. На днях пришлю армянскую азбуку...»

Весь класс гордится шахматовской коллекцией слов, уступающей по своему значению только коллекции клякс, собираемых одним из старожилов «камчатки»: лучший в Европе набор клякс всех форм и мастей!

Обмен словами зашел далеко. Товарищи переживают вместе с Алешей драматический эпизод: отец одного из учеников неприлично нарушил честную меновую торговлю, предложив гимназисту Шахматову за 300 редких слов три рубля.

Алеша борется с соблазном — денег из дому присылают мало... И все же гимназист Шахматов возвращает деньги и дарит заказчику весь товар — 300 цыганских, японских, абиссинских и еще каких-то слов и оборотов...

Он хочет поведать об этом друзьям после того, как одолеет Цицерона, но не успевает.

— Эй ты, гениальный мальчик,— рявкает над ухом один из камчадалов.

Шахматов хмурится и бычком идет на врага.

— Гениальный мальчик, гениальный мальчик!..— закричали кругом.

Алеша оборачивается и хохочет...

Кто-то распустил слух, будто в одной из московских гимназий появился «гениальный мальчик», что знаменитый профессор Миллер, филолог и лингвист, человек хмурый и язвительный, принимает мальчика у себя на квартире, выслушивает его рассуждения о языках, допоздна спорит с ним и в конце всегда восклицает: «Удивляюсь удивительному!..»

---

[1] Санскрит — древнеиндийский язык.

Молва о «гениальном мальчике» проникает в университетские круги; рассказывали, что мальчик явился в Румянцевский музей, где по записке какого-то профессора ему дали только что вышедшее печатное издание «Изборника Святослава», одной из древнейших русских книг. Гимназист будто бы читал, выписывал, а потом положил на стол профессора свои поправки и замечания, и оказалось, что новое издание содержит тьму ошибок и никуда не годится. «Ну, что нового натворил гениальный мальчик?» — спрашивает время от времени кто-либо из «светил»,— и окружающие веселятся.

Поползли анекдоты: «Гениальный мальчик» уже работает над 19 томом своих сочинений, где опровергает «все, что было». Он свободно читает на трех десятках языков, знает про летопись больше всех университетов с академией в придачу и в определенные часы дает консультации профессорам и академикам в раздевалке какой-то гимназии.

Начали подозревать, что мальчика придумал кто-то из молодых магистров, желая привлечь внимание публики к своим работам.

Но наступил день, когда «гениальный мальчик» открылся. По гимназии молниеносно разлетелся слух, что Алеша Шахматов из 6-го класса — ученый. Передавали также удивительные небылицы о каком-то диспуте в Московском университете.

Директор 4-й гимназии не помнил ученика Шахматова. Когда ему доложили о необыкновенном шестикласснике, испугался: не совершено ли упущение по службе; затем изумился, вызвал.

«Гений» был обнаружен под лестницей, где, поглощая пятикопеечный филипповский калач, проявлял несомненное стремление не услышать звонка на урок. Белобрысый коротышка в синем, аккуратно застегнутом мундире предстал перед директором; рассказывал он нехотя: «Да, был в университете при защите диссертации Соболевским. Да, тем самым, уже знаменитым филологом. Да, да, оппонентами выступали два профессора, Тихонравов и Дювернуа. Когда спросили, как полагается,

«кому еще угодно выступить»,— он, гимназист Шахматов, встал и выступил... Что говорил? Да просто был ряд соображений. Очень специальных... господину директору будет неинтересно». И вдруг Алеша вспомнил, как, увлекшись, он говорил и говорил, завершая каждую мысль несколько ироническим «вот так!», вспомнил, как Соболевский сначала слушал, снисходительно улыбаясь, а потом нахмурился и стал быстро записывать; как потом диссертанты и несколько профессоров, чьи имена он знал уже давно, пожимали ему руку, а он думал, как бы не попасться надзирателю.

Вечером Алеша воспроизводит в лицах свою беседу с директором перед профессорами Миллером и Фортунатовым. Миллер угрюмо ухмыляется, Фортунатов о чем-то задумывается и говорит негромко:

— Надо, Алеша, заняться делом.

— Как — делом? Разве я бездельничаю?

— Нет,— отвечает Миллер.— Вы не бездельничаете. Ваши статьи мы поместим в нашем сборнике. Скажу больше, если бы такие статьи написал молодой магистр или начинающий профессор, я бы счел это нормальным. Для вашего возраста, господин гимназист, написано даже великолепно! Вы помните, как я заподозрил при нашем первом знакомстве, что вы списали свою статью у какого-нибудь специалиста. Но довольно говорить о возрасте. Надо писать такие работы, которые любой профессор, вот я или... или, скажем, светила мирового класса сочли бы значительными. Вы понимаете, милостивый государь, значительными! Вот вы мне рассказывали, что с детства любите возиться с летописями. Летопись и язык — две страсти, отлично! Вот вам на первый раз и задание: достаньте Несторово «Житие Феодосия» из Киево-Печерского патерика. Где хотите достаньте... Исследуйте язык «Жития», а по ходу дела разрешается вам совершить пару великих открытий. Ну, например, рассудить Нестора с Сильвестром...

Тут улыбнулся даже Фортунатов. «Нестор — Сильвестр» — задача заброшенная, неразрешимая.

В Румянцевский музей пришлось ходить после уроков. Пришел, хотел заказать «Известия общества древностей российских» за 1857 год, где напечатан текст «Жития Феодосия». Увы! В музее «Известия» только с 1860 года. Где достать?

В Оружейной палате — «Успенский список» Печерского патерика. Рукопись старинная и драгоценная. Миллер помог, переговорил кое с кем,— и вот на столе гимназиста в полутемном вечернем зале «Румянцевки» хрустящие листы манускрипта. Алеша Шахматов любит древности, но коллекции старых рукописей не собирает. Такой страсти не имеет. Однако, когда пергаменный патерик перед ним, он волнуется... Это волнение не оставит его до конца дней.

«Я, грешный Нестор, начал писать слово о житии отца нашего Феодосия. Постоянно печалился я, вспоминая о жизни преподобного и о том, что никем не описана она...»

Алеша начинает переписывать «Житие Феодосия», чтобы размышлять над ним дома, спокойно. Работа изрядная. На помощь ему приходит верный товарищ. Взяли по кипе бумаги — и вот уж перья заскрипели... «Кустарная работенка,— ворчит друг.— Как древние летописцы. Один у другого скатывал».

Помощник преуспевал в математике получше, чем его гуманитарный однокашник. Поэтому после двух дней работы он занялся вычислениями: «Еще месяца два прокорпим...» Алеша соглашается: «Да, пожалуй, не меньше...»

Семидесятые годы

День за днем они переписывают старинные рукописи, но еще задолго до конца Алеша начинает размышлять и разгадывать «неразрешимые загадки». Иногда мысли так одолевают, что он бросает перо. Достает том летописи и, положив его рядом с патериком, сравнивает и сравнивает, точь-в-точь как в родной Шахматовке пять лет назад...

Год 1073. «Возбудил дьявол распрю между братьями Ярославичами. В этой распре Святослав со Всеволодом были заодно

против Изяслава. Ушел Изяслав из Киева, Святослав же и Всеволод вошли в Киев 22 марта, преступив завещание отцовское». Интересно, откуда Нестор помнил, что было именно 22 марта 1073 года? Ведь он еще и в монастырь-то не пришел, а писать летопись стал много позже...

22 марта 1073 года... Неужели кто-то вел летописные записи до Нестора? Как узнать?

Еще раз он перечитывает строки о 1073 годе. Их автор — против усобиц, за единую Русскую землю. Не очень он страшится князей, иногда даже спорит, осуждает. Правда, выходит, что князья сами вроде бы и не виноваты — «возбудил дьявол распрю...»

Народ киевский, думает Алеша, конечно, и пальцем не шевельнул за Изяслава, памятуя про восстание 1068 года, постыдное бегство князя, его возвращение и расправу над жителями.

Изяслав, второй раз бежав из столицы, как и прежде, скрывается в Польше «с богатством многим, говоря, что «этим я найду себе воинов». Но поляки все это отняли у него и выгнали его вон».

Второй брат, Святослав, садится в Киеве, и закипают новые раздоры и усобицы. Дробится древнее Киевское государство. Святослава сменяет через 3 года Всеволод, Всеволода — возвратившийся Изяслав. Изяслав затем гибнет в бою. Снова — Всеволод. После смерти сыновей Ярослава Мудрого в бой вступают внуки. Звон оружия не затихает в Русской земле: горят города и села, замирает торговля и, радуясь распре, нападают степняки.

* * *

Святослав Ярославич, торжественно въезжая в Киев, ждет, что и печерская братия будет его приветствовать: ведь всем известно, что монахи не очень ладили с изгнанным Изяславом. Однако Антоний, Никон и Феодосий рассудили по-своему. Изяслава им не за что любить, но княжеские раздоры — бед-

ствие. Поэтому печерцы решительно на стороне изгнанника — старшего брата: «Великий это грех нарушать завет отца своего».

Особенно гневается Никон, однажды уже уходивший из Киева от княжеских беззаконий; сейчас он тоже не желает повиноваться братьям-победителям и снова уходит в Тьмутаракань. Феодосий же отказывается явиться на пир к Святославу и Всеволоду, а в письме сравнивает нового князя с Каином, убившим своего брата Авеля.

Святослав «яко лев рыкнул на праведного» и намеревался заточить Феодосия в темницу.

Феодосий отвечал: «Много радуюсь я о том, и нет для меня ничего блаженней в этой жизни, как быть изгнанным ради правды. Разве смутит меня лишение богатств и имени и опечалит меня расставание с детьми? Ничего из этого не внесли мы с собой в этот мир, но родились нагими, и так же надо нам нагими отойти из этого мира. Поэтому я готов или на заточение или на смерть».

Алеша Шахматов думает: «Говорилось ли так на самом деле, или Нестор, сочиняя «Житие», сочинил и Феодосиеву речь? Какие-то столкновения происходили, конечно. Монастырь был еще довольно независим».

Святослав не решается поднять руку на Феодосия и пробует, по примеру своего предшественника, приручить суровую братию щедростью и лаской. Если Изяслав дал средства для постройки деревянной церкви, то новый князь приказывает воздвигнуть над пещерами каменный собор.

Примирение подвигается медленно... После посещения монастыря Святославом стал и Феодосий заезжать на княжеский двор. Но и там он часто при всех вспоминал изгнанного Изяслава. Лишь много позже согласился поминать в молитвах имя Святослава, и то после Изяслава.

В это время юный Нестор появляется в монастыре. Наверное, он знал, куда идет, ведь не раз слышал про обитель, еще довольно независимую от властей и высоко ценившую мысль, слово и книгу...

Тихо поскрипывает перо. Гимназист Шахматов переписывает «Житие Феодосия», написанное Нестором. Попутно заглядывает в том летописи, как говорят, написанной тем же Нестором.

То ли тишина вечернего зала, то ли что-то другое, но рождается вдруг странное чувство: здесь, среди этих древних строк, заключена тайна, которую он откроет. Так некоторые люди, обладающие особенным даром, ощущают в пустыне воду сквозь толщу песков.

— Успокойтесь, милостивый государь! — бормочет Шахматов по адресу Шахматова.— Сии строчки до вас тщательно просматривали люди, по чьим книгам вы изволите учиться... Карамзин, Соловьев, Погодин, Бантыш-Каменский, Миллер, Фортунатов.

— Да, конечно, но ведь они ничего толком не доказали,— снова искушает Шахматов Шахматова...

Оба Шахматова снова углубляются в строчки «Жития» и видят давно прошедшее.

* * *

В обители — уже более сотни монахов. Строгий устав предписывает «как совершать службы церковные и как класть поклоны, как читать, как стоять в церкви, и весь порядок церковный, и поведение во время трапезы, и в какие дни что есть...»

Читать, переписывать, сшивать книги считается делом полезным, богоугодным и для чернориэца, и для игумена. «Часто, когда Никон сшивал и скреплял книги, будучи чрезвычайно искусен в этом деле, Феодосий прял для него веревки».

Юный Нестор может найти в монастыре греческие хроники и болгарские сказания, жития святых и древние повести, «Историю иудейской войны» Иосифа Флавия и «Слово о законе и благодати» Илариона. Чтение и размышление здесь поощряется. Поэтому довольно скоро молодого чернориэца возводят в диаконское звание, за ним признают право писать самому...

Чего только не узнаешь, живя в монастыре, с кем не встретишься!

Монашеская братия собралась из разных краев. Родина Феодосия — Курск, Никон бывал в Тьмутаракани. Старец Иеремия, которому около ста лет, может рассказать про князя Владимира и крещение Руси. Несколько монахов провели молодость в княжеских и боярских теремах, участвовали в битвах, а инок Арефа — из купцов, в келье прячет богатства: «Дьявол силен!»

Проходят нищие, богомольцы, странники, приносят вести с других концов страны, сказания, песни, легенды...

Слава и влияние монастыря растут. Все чаще в гостях — дружинники, бояре. Заезжает за благословением и князь. На подарки не скупятся: «Приносили ему (Феодосию) нечто малое от имений своих, другие же села давали на попечение...» Боярин Иоанн прислал на трех возах «хлеб, сыр, рыбу, пшено, мед». Несколько выходцев из обители стали игуменами и епископами в разных краях. За двадцать лет до того печерская братия жила бедно; над головой был потолок пещеры. Теперь иное дело. «Нечего предложить братии на ядь»,— жалуется однажды келарь. Феодосий распоряжается — сварить пшеницу с медом. «Пшеница с медом» — это уж худшая еда, это уж когда «нечего предложить на ядь».

К вечеру обычно возвращаются монахи, уезжавшие с разными поручениями. Одни продали на рынке соль, добываемую с монастырской земли, накупили игл, лопат, топоров да заодно услыхали городские новости.

Другие приходят из монастырской деревни с молоком, мясом, овощами. Рассказывают, как по просьбе крестьян «изгонили из хлевины беса». В этот час в обители много народу, своих и гостей...

Особенно частый гость — старый Ян Вышатич. Ян — важное лицо; сейчас он воевода, тысяцкий в Киеве, но прежде конно и пешно, с мечом и щитом, обошел почти всю страну. Бывал и в южной Тьмутаракани, и в северном Белоозере, служил в Чернигове, воевал у Полоцка. Половецкие набеги и княже-

ские усобицы знакомы ему не по рассказам: летопись битв рубцами написана на его теле.

На столе — угощение, и вокруг Яна рассаживаются его старые, лучшие друзья — Феодосий, Никон, Иван, Иаков. Где-то тут и молодой Нестор. Все готовы слушать. Ян — прекрасный рассказчик...

Наступает вечер. Время сна. Но и в эти часы не утихают «мирские страсти». Игумен делает обход, прислушиваясь около каждой кельи. «Ежели, подходя к двери, Феодосий слышал молитву замкнутого за ней черноризца, он радовался душой». Но бывало, он слышал, «что в келье сошлись два-три и ведут беседу. Тогда Феодосий ударял рукой в дверь и смущенно удалялся, а на другой день отчитывал провинившихся». Игумен же Никон был позлее, не пренебрегал и палкой.

О чем же шепчутся ночью в полутемных кельях?

Некоторые сплетничают от скуки, особенно молодые, которым не по себе в мрачной тишине. Иные отводят душу, делясь обидами. Монах читает собравшимся письмо от старого монастырского друга, несколько лет назад поставленного в епископы. Все слушают и в то же время улавливают каждое движение за дверью.

«Не приходи в сильное раздражение,— пишет епископ,— не ходи из кельи в келью, возбуждая братию против начальства дерзкими словами. Все это дьявольское наваждение...»

— Хорошо ему поучать! — замечает один из слушателей.— Сытый голодного не разумеет.

— Обождите! — шепчет хозяин письма.— Дальше и об этом сказано: «У меня, грешного, по чину епископа, много городов и сел, и со всей той земли получаю я десятину; но — совесть порукой — поистине говорю тебе, что всю эту славу и честь вменил бы я в прах и работал бы в повиновении игумену святой Печерской лавры...»

В то время, когда постригается в монахи Нестор, рознь среди черноризцев нарастает. Летописец неохотно выносит сор из избы. Однако кое-где истина выступает наружу, и тогда в рас-

сказы о примерных постниках и мучениках вкрапливаются и другие картины.

Феодосий перед кончиной объявляет собравшейся братии, что назначает своим преемником некоего Иакова. Казалось бы, монахи, только что клявшиеся умирающему: «Кого пожелаешь, тот нам и будет отец и игумен и будем слушаться его, как тебя»,— казалось бы, эти монахи возрадуются, с восторгом примут нового игумена. Но нет! Иноки вдруг заупрямились: «Иаков постригался не в Печере, а пришел со стороны. Пусть будет кто-либо из своих!» Несколько озадаченный и разгневанный таким поворотом дела, Феодосий предлагает Стефана. О дальнейшем Нестор стыдливо умалчивает. Но из патерика видно, что через 4 года Стефана выгнали из монастыря (по причинам неясным) и посадили игуменом Никона, в ту пору вернувшегося из второго добровольного изгнания...

Гром оружия и половецкий посвист, рассказы о делах давно минувших, былины, речи заезжего гостя — все врывается в Несторову келью мирскими страстями, превращается в мысли, потом — в книги. Сначала появляется «Чтение об убиении Бориса и Глеба», спустя несколько лет — «Житие Феодосия»...

...За поздним часом гимназиста вежливо выпроваживают из Румянцевского музея.

Кстати, о гимназии

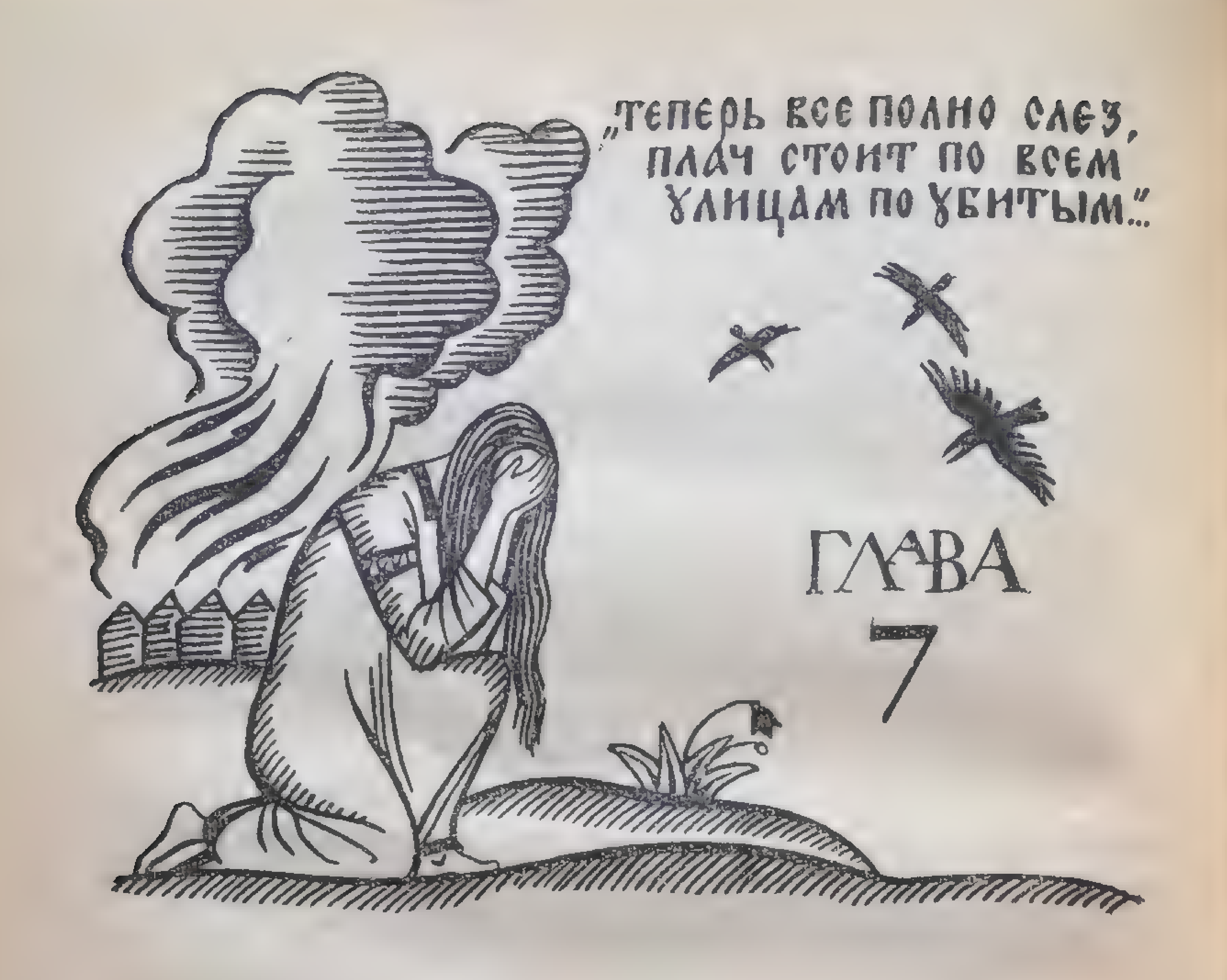
Никогда одноклассники не слышали, чтоб Алексей Шахматов смеялся так громко и долго.

Дело в том, что ему дали серебряную медаль.

«Надо, господа, надо,— убеждал директор педагогов.— Не исключено, что он прославится, то есть прославит себя и отечество, и, если мы не отметим его, это не прославит нас...»

— Лелька, за что тебе медаль-то выдали? У тебя ведь троек целый воз!

— Как — за что? Сами же дразнили: «Гениальный мальчик! Гениальный мальчик»! Вот за это самое...



1100 — 1900

> Летописцы... может быть, настоящих времен и писать опасались, ибо из того писателям многократно беды приключаются.
>
> *В. Н. Татищев*

«Выдать студенту 2-го курса историко-филологического факультета Московского университета Шахматову Алексею Александровичу за исследование «О языке новгородских грамот» сто рублей с использованием их для собирания сказок, былин, песен и преданий в Олонецкой губернии...»

От Петрозаводска он едет на лошадях, потом лодкой — по Онежскому озеру. В Заонежье лошадей достать мудрено, и он шагает по чавкающим лесным тропам, сверяя путь со старенькой картой, где в зеленый разлив карельских лесов вкраплены редкие села с диковинными именами, отдающими сказкой и древностью. Гнилой погост, Заболотье, Спасская губа, Медвежье озеро. Студент вышагивает десятки верст от села до села, что-то напевая и постукивая палкой по корявым стволам.

Он представляет себя странником какого-нибудь 1085 или 1420 года (не все ли равно?), который, минуя «дороги прямоезжие», шествует, скажем, из Белоозера в Киев, и пути ему — на месяцы. А на дороге — соловьи-разбойники, богатырские заставы да таинственные мужички-лесовички.

Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
Ай по той ли по дорожке прямоезжоей
На добром коне никто да не проезживал,
Прямоезжею дороженькой пятьсот есть верст,
Ай окольноей дорожкой цела тысяча.

Шахматов вдруг улыбается, вспомнив, что однажды в XII веке два войска искали битвы близ Москвы и заблудились, не отыскав друг друга, а Киевский боярин Василий ехал сквозь вятические леса, «проклиная живот свой и день рождения своего».

Студента в деревнях встречали хорошо. Он был прост и весел. Всех проходящих жители делили на земляков, странников и начальников. Странники — «люди божьи». Странниками были юродивые, писатели, бродяги, студенты.

Он мало расспрашивает, этот студент, больше смотрит и слушает. Тетрадь вытаскивает нехотя, боясь напугать людей. Иногда записывает по памяти позже, после того как песенники уже разойдутся. Когда белой, негаснущей ночью на завалинке лучшие говоруны, бойко подначивая друг друга, заводят сказку или сыплют присловьями, как-то неловко приставать: «Как зовешься?»

И в его академическом отчете вместо принятой полной записи — имени, отчества и фамилии сказителя — иногда значится:

Андрей Тимофеевич, по прозвищу «Кумоха»
Маланья Фокична
Андреевна
Без имени
Старик
Молодая женщина.

Губерния Олонецкая, волость Кондопожская, деревня Верхне-Задняя...

Шахматов сидит у стола в покосившейся, трухлявой избушке. За окном мокрые лесные дали. Хозяйка Степанида Юплиновна Тараева попросила приезжего, человека грамотного, записать письмо к ее сыну:

«А роботать я уж не могу. Стара да недужна. Да роботы худыи, дожди. Так не бёрут люди...»

Кругом было серо, беспросветно: и воздух, и небо, и поле, и эта изба. И вдруг старуха улыбается:

— Полно, добрый человек, слезами моими кормиться. Послушай-ка про дело веселое:

Жил-был Ставер Годинович,
Ён охотник был по городу погуливать,
Ён охотник был шухочек пошучивать,
Его шухочки были да нелехкие,
И не лехкими шутил он шутки грозныи,
Кого щелкнул в голову, тот без души лежит,
Кого хлеснул по ноге, так и нога долой,
Кого хватил за руки, так и руки прочь.

За такие дела Владимир князь стольнокиевский посадил Ставра Годиновича в глубокий погреб. Тогда молодая Ставрова жена Василиса Микуловна оделась в мужское платье да собрала дружину.

Свиснула ёна по-змииному,
Крыкнула ёна по-звериному.

Благодаря храбрости и хитрости жены непутевый муж выручен...

А дождик все льет не торопясь, как сто и тысячу лет назад.

Андрей Кумоха тоже ведет запев про Владимира, князя стольнокиевского. Шахматов размышляет: в конце XIX столетия почти у Полярного круга неграмотный старик поет о Киеве да князе Владимире. Тысяча верст да почти тысяча лет!

А Кумоха продолжает:

— Дюка Степановича, богатейшего молодого боярина из Волынь-земли, князь Владимир тоже засадил в землячу тюрьму.

Посылает Микиту Казимирова
Описывать Дюковых животов[1],
Он писал три года,
Он писал три воза
И поехал ко городу ко Киеву.
Окольной дорожкой ехал три года,
Времени стало десять лет.
Приезжает ко князю Владимиру.
— Князь Владимир стольнокиевский,
Продай Киев-город со Черниговом,
Купи бумаги со чернилами,
Тогда ты поезжай
Дюковых животов описывать.

Кумоха слышал это от отца, отец — от дедов. «Сколько же поколений? — прикидывает студент.— Былина о Дюке Степановиче была сложена в первый раз где-нибудь в веке XIII — лет 700, то есть поколений 30 назад...»

Любопытно, что в былинах князю Владимиру достается: Ставер Годинович спасается из заточенья, Дюковы животы князю никак не переписать. А что вот такому Кумохе? Он и десять веков назад посмеивался над князем стольнокиевским. Неграмотного труднее поймать на слове. А если б писал, как

[1] Животы — имущество.

Нестор, как другие?.. Что написано пером — не вырубишь топором... А того, кто писал,— не вырубить?..

Почему-то из головы не шло:

Продай Киев-город со Черниговом,
Купи ты бумаги со чернилами...

За окном все хлещет и хлещет дождь. Изба вздрагивает от наскоков черного ветра. Шахматов лежит на полатях в безмолвной горнице. В каких-то странных сочетаниях смутно прорываются видения: пергаменные листы с красными заставками, старый Никифор Шарыпка, черный монах, пишущий летопись, изящные томики Карамзина, черные онежские избы. Во всем этом какая-то связь, тонкая, неуловимая...

Черный монах совсем низко склоняется над листом и выводит:

Продай Киев-город со Черниговом,
Купи ты бумаги со чернилами...

Затем монах поднимает голову, и, конечно, Шахматов узнает Нестора сразу. Собственно говоря, он никогда не видел Несторова портрета, потому что портрета не существовало. И тем не менее это был Нестор...

Студент взволнован: у него так много вопросов; и он волнуется еще сильнее, боясь, что вопросы уйдут и Нестор уйдет— и для науки будет неслыханная потеря...

Волнение пробуждает спящего. Нестор исчез.

Шахматов лежит минуту неподвижно, потом, вздохнув и улыбнувшись, засыпает сном крепким и спокойным.

„Совет вопросов не имеет“

— Господин Шахматов! Как вам известно, совет Московского университета, принимая во внимание ваши значительные академические успехи, считает возможным оставить вас при университете. У нас, собственно, один вопрос: для двух испы-

тательных лекций вы избрали две темы — не слишком ли, как бы это сказать, далекие одна от другой? Нет ли тут некоторого верхоглядства, искусственного стремления вширь? В самом деле: «Об окончании именительного падежа множественного числа имен существительных в русском языке» и рядом: «О составе Повести временных лет»?

— Господин ректор, я вижу глубокую связь этих тем. Язык — живая история. Историю сохраняет язык.

Совет более вопросов не имел.

* * *

— Господин Шахматов, после ваших блестящих вступительных лекций и отличных магистерских экзаменов, мы видим в вас будущее нашей науки. Вам всего 27 лет, но, судя по отзывам профессоров Фортунатова, Ключевского, вы... Впрочем, не буду продолжать. Нам кажется странным и неуместным ваше решение покинуть университет.

— Господин ректор, я ценю ваше внимание. Однако мне было бы тяжело заниматься чистой наукой, в то время как существует и иное поле деятельности. Я принял предложение занять должность земского начальника на родине, в Саратовской губернии.

— А наука?

— Я дал обещание профессору Фортунатову через два года привезти готовую диссертацию. Ближайшие два года я хотел бы провести в деревне... Может, я буду там полезен людям.

* * *

Должность земского начальника император Александр III учредил в полицейских целях. Власть начальника велика.

1891 год. Голод, невиданный даже для вечно голодной страны. Шахматов пытается что-то сделать, чем-то помочь голодающим, он спасает от полицейской расправы нескольких бунтов-

щиков, ищет, как наилучшим образом распределить скудные средства среди десятков тысяч несчастных. По мере сил он не дает плохому сделаться еще худшим...

И не в состоянии дня прожить без науки. По медвежьим углам, волостным конторам, избам возит стопку бумаг, томик летописей и несколько других книг. «Влечение — род недуга»,— пишет он об этом в одном из писем. Кое-кто из сослуживцев удивляется, даже восхищается: как он может по двадцать часов на ногах, а только присядет — книга уж на столе...

Услыхав такие речи, Шахматов хмурится. «Мне было бы гораздо труднее наукой не заниматься,— думает он.— Мне совестно, после того что вижу днем, ночью открывать древние книги, столь далекие от всего этого. Но это уж сильнее меня...»

* * *

Снова Москва. Университетский коридор. Идут двое — старый профессор и рыжеусый молодой человек.

— Да вы хоть сами-то понимаете, Алексей Александрович, что вы сделали? Это же крупное событие в науке об языке. Неужели саратовские голодные деревни столь благоприятствуют научным занятиям?

Магистерскую диссертацию он защищал весной 1893 года. В автобиографии он посвятил этому событию несколько строк. «По великому снисхождению факультета был удостоен сразу степени доктора. Отправившись затем в деревню, продолжал более года свои служебные обязанности по должности земского начальника».

* * *

Ему 33 года. Он академик, доктор, профессор. Для 33 лет совсем неплохо. Так, во всяком случае, считают друзья.

— Возраст Иисуса Христа и Ильи Муромца — пора дело делать,— возражает академик.

— Как, Алеша, ты недоволен, тебе мало лавров?

— Кому будет интересно лет через пятьдесят, был я недоучкой-студентом или академиком? Вот если дело сделать...

— Непонятно: ведь у тебя уже добрая сотня статей?

Иногда совсем простые вещи нелегко объяснять.

* * *

Академик Шахматов читает только что напечатанный «Курс русской истории», последнее, только что сказанное слово науки... Автор — знаменитый ученый Василий Осипович Ключевский — считает, что Нестор написал только часть «Повести временных лет» («Печерскую летопись»). Главную же работу проделал Сильвестр. «Он сцепил весь свод одной хронологической основой, все собрал, переработал все составные части...»

Все тот же старый спор: Нестор или Сильвестр...

Спор достался по наследству новому, XX столетию от недавно ушедшего XIX... А ведь отгадка где-то рядом, в летописи, примерно между 1093 и 1113 годами, среди каких-нибудь полутора тысяч летописных строк.

Собственно говоря, он, Шахматов, уже знает, что там произошло. Однажды он понял. Этот момент был радостным и в то же время очень опасным. Случается, человек, переживший такое озарение, ловит одного, другого, третьего, чтобы восторженной скороговоркой рассказать о своем открытии, не слушая робких возражений, стремительно сотворяя статью, пять статей, книгу...

Но Шахматов помнит правило, древнее и мудрое: чем больше доводов «за», тем больше ищи «против».

«Я превращаюсь то в князя, то в монаха,— шутит он с коллегами.— Прежде бывал я и Ярославом, и Изяславом, и младым Нестором. А теперь придется, пожалуй, обернуться Нестором-летописцем, Сильвестром да еще и внуками Ярослава».

Внуки Ярослава

Кончается XI век. Нестору скоро сорок. Из них двадцать прошли в Лавре над пещерами. Молодость уступила место зрелости. Уже нет первых печерских старцев — Антония, Феодосия, Никона. Все чаще проносятся по Руси половецкие всадники: «Теперь все полно слез, плач стоит по всем улицам по убитым. В пятницу пришли половцы к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали после заутрени, и кликнули клич около монастыря и поставили стяга два перед вратами монастырскими, а мы — кто бежал задами монастыря, кто взбежал на полати церковные. Безбожные же сыны Измаиловы [1] высадили ворота монастыря и пошли по кельям, вырубая двери, и выносили, если что находили в келье. И пришли к церкви, и подпалили двери. Убили ведь несколько человек из братии своим оружием безбожные сыны Измаиловы, посланные в наказание христианам».

Годы тяжелые. Государство все больше раздробляется на отдельные земли. Княжеские усобицы становятся делом обычным.

Политические страсти наполняют летописные страницы.

Шахматов, конечно, «участник событий».

Год 1093. Время внуков Ярослава Мудрого. Старший, Святополк, сын неудачливого Изяслава, люто ненавидит своего двоюродного брата и главного соперника — Владимира Всеволодовича Мономаха. В 1093 году Владимир уступает киевский стол Святополку «как старшему» и переходит в Чернигов. Между тем подходят половцы. Святополк скрепя сердце обращается к Мономаху за помощью.

«Когда Владимир пришел в Киев, они со Святополком встретились в монастыре Святого Михаила, затеяли между собой распри и ссоры, а так как половцы продолжали разорять землю, то сказали князьям мужи разумные: «Чего вы ссоритесь между собой? После договоритесь, а теперь отправляйтесь навстречу

---

[1] Сыны Измайловы — половцы.

поганым — либо заключать мир, либо воевать». Владимир хотел мира, а Святополк хотел войны...»

Сходятся оба войска. Владимир дает совет встать под прикрытием реки Стугны. Святополк хочет показать себя и намекает, что Владимир боится перейти реку. Начали переправу, но, как только вышли на другой берег, были опрокинуты налетевшей половецкой конницей; пришлось спасаться вплавь, и многие утонули. В события вмешивается еще один внук Ярослава Мудрого — Олег Святославич. Олег, подобно Всеславу полоцкому,— неугомонный искатель своих и чужих земель, ненасытный войнолюбец. В «Слове о полку Игореве» сказано о нем:

Тот ведь Олег мечом крамолу ковал
И стрелы по земле сеял...

После яростных сражений он водворяется в Чернигове, а Мономах вынужден уйти в свою вотчину — Переяславль.

Законы войны просты и отвратительны. Летят головы воинов, купцов, смердов, монахов. Однажды дружинники князя Ростислава, брата Мономаха, начали глумиться над неким печерским монахом, а тот вздумал им отвечать. Князь Ростислав удивлен дерзости черноризца, которого тут же топят в Днепре... После кровопусканий князья мирятся — друг с другом, с монастырями, с городами. Закатывают многодневные пиры, и после хмеля застольного снова алчут хмеля кровавого...

Нестор все это видит своими глазами. Ему невесело... Как раз в это время печерцы снова, в последний раз, выступают против сильных мира сего, доказывая, что монастырь еще не окончательно приручен. Игумен Иван обрушивается на князей с яростными словами, обвиняя в неправде, переполняющей землю. «А бог, видя нас в неправде пребывающими, навел на нас эту войну и скорбь».

Это было в те дни, когда к Святополку Изяславичу приходят половецкие послы с мирными предложениями. Святополк, не посоветовавшись ни со старшей дружиной своей, ни с братьями,

приказывает послов схватить и запереть. Узнав об этом, половецкие полчища снова бросаются на Киев. Игумен Иван то ли в проповеди, то ли в разговоре с самим князем осуждает его поступок. Святополк приходит в ярость и приказывает дружинникам схватить Ивана.

На такой опасный шаг не решался еще ни один из прежних князей. Ивана заковывают и отправляют в ссылку в город Туров.

«Впрочем, об этом в летописи ни слова,— замечает Шахматов.— Только — в патерике...»

Вскоре Святополк был замешан еще в одном черном деле — ослеплении своего родича, князя Василька.

Но растет недовольство народа, разгорается пожар войны, усиливаются смуты. И снова, как и в прежние времена, «князь осерчал, да смягчился».

Начало нового века

К началу XII века наступило некоторое успокоение. На короткое время стихли усобицы (угомонился даже Олег Святославич), и сразу нашлись силы против половцев.

На киевском престоле по-прежнему — Святополк Изяславич.

Шахматов соединяет все известное о Святополке из летописных и других старых книг. Ведь этот князь живет в одно время с великим летописцем и в одном городе... Однако сведения о Святополке весьма скудны, иногда и подслащены. То немногое, что известно, открывает человека двуличного, мстительного, завистливого.

Всю жизнь он ненавидит и боится двоюродного брата Владимира Мономаха, настоящего воина, сурового и дальновидного, знатока языков и смелого охотника, богатого феодала и хитрого дипломата. На военных советах Святополк всегда с ним спорит, но прочие князья и дружинники прислушиваются к умным речам Мономаха. В совместных походах против половцев командуют оба князя, но как-то всегда получается, что решающее

слово за Владимиром. Он не пытается пока отнять Киев у Святополка, а Чернигов у Олега. Зато в народе идет слава о князе без корысти...

А при Святополке в Киеве налоги все тяжелее. Бедняки все больше должают ростовщикам.

«Не разгневай мужа в нищете его»,— поучает богачей «Изборник Святослава» — одна из популярнейших в то время книг. «Алчущего — накорми, жаждущего — напои, странника введи, больного — посети, к темнице дойди, увидь беду их и вздохни». Не так уж много требуется — нищий останется нищим, но «вздохни», «не разгневай»... Приблизительно таких правил придерживается Мономах.

А в Киеве нарастает «гнев нищеты».

Святополк, как его отец и дяди, вовсе не хочет серьезно ссориться с церковью. Князья и церковь не враги. Церковь — надежная опора против «озлобленной черни» и соседей-соперников. Особенно такие монахи, у которых слава народных заступников.

И вот правитель, учинивший такую расправу с Печерским монастырем, как никто до него, вдруг меняется на глазах и превосходит всех сородичей щедротами и милостями.

Около 1100 года Иван возвращен из Турова и обласкан. Как отнесся к этому опальный игумен — неизвестно: после своего возвращения прожил недолго, но его преемник Феоктист вскоре полностью примиряется с князем.

Отныне Святополк — частый гость, друг монастыря. Шахматов внимательно следит по летописи и патерику за этой дружбой. Феоктист вскоре начинает внушать князю, что хорошо бы вписать Феодосия в синодик, то есть причислить к святым. Князь дает согласие. Авторитет монастыря сильно возрастает — ведь теперь он имеет собственного святого!

Князь щедро одаряет обитель селами, деньгами и всяким иным добром. В благодарность за милости печерцы перед тысячами странников, нищих и убогих все горячее возносят хвалу «Святополку Изяславичу, великому князю Киевскому...»

С тех пор ни в летописи, ни в патерике уж не встречаются смелые речи печерцев против властителей.

Шахматов все замечает. Нестор пишет летопись именно в эти годы — в конце XI — начале XII века. Святополк знает, конечно, о его труде и следит за ним. Нестор не сельский певец или сказитель. Он записывает свои мысли на пергамене...

В «Житии Феодосия» Нестор куда откровеннее, чем в летописи: князья не раз ссорятся с Печерской обителью, совершают ряд неблаговидных поступков.

В летописи же властители ничего подобного не делают. Летопись — документ государственный, политический; патерик же — для себя, для «внутреннего пользования». Князь, понятно, предпочитает встретиться в летописи не с собственной реальной персоной, а с приукрашенной — доброй и щедрой.

Чтобы завершить свой труд, Нестор должен считаться со Святополком. Еще Татищев думал, что Нестор и Сильвестр «может быть, настоящих времен и писать опасались, ибо из того писателям многократно беды приключаются».

Шахматов замечает: на тех страницах «Повести временных лет», где изображаются события начала XII века, то тут, то там восхваляется Святополк. И князь не остается в долгу. Он даже помогает летописцу. В самом деле, откуда, например, печерский монах достал и ввел в летопись длинные тексты договоров Олега и Игоря с Византией?

Договоры хранились, конечно, в архиве князя. Но если монах-летописец князя устраивает, то его могут допустить и к фамильным бумагам повелителя...

Нестор пишет летопись

Академик размышляет о судьбе летописца...

Надо думать, Нестор рано начал записывать рассказы очевидцев, народные предания. Но, пока летописец собирает крупицы прошлого, время идет своим чередом, подоспевают события новые, не менее важные и значительные. Надо их отметить.

Трудно сказать, когда именно монах начинает делать «текущие записи», но после 1100 года текст становится особенно подробным.

1102 год: 1 октября бежал Ярослав Ярополчич из Киева, около 29 января три дня подряд «было точно зарево пожара в небе», дочь Святополка выдана 16 ноября в Польшу. В 1103 году «1 августа появилась саранча, 4 марта князь Ярослав был побежден мордвой». В 1106 году «24 июня тело Яна Вышатича было положено в Печерском монастыре». В 1107 году «11 августа Святополк, Владимир, Олег и другие князья пошли на половцев и в шестом часу дня перешли вброд реку Сулу» и т. д. и т. п...

Наконец, столь хорошо нам знакомый текст 1110 года о ночном «огненном столпе» 11 февраля в 1 час ночи...

Как же работал летописец? Либо он вел нечто вроде дневника, одновременно работая над историей давно прошедших лет. Либо он уже закончил свой труд около 1100 года и к готовой книге приписывал «последние известия».

Но если бы приписки делались к законченному труду, то они были бы, скорее всего, расположены в хронологическом порядке. А вот, например, запись 1102 года: сначала говорится о событии, случившемся 1 октября, затем 20 декабря, 29 января, 11 августа, 16 ноября. Под 1107 годом последовательность такая: 7 мая, 12 августа, 4 января, 12 января, 5 февраля.

Очевидно, записи обработаны и введены в летопись позже. Прошлое и настоящее вносится в летопись приблизительно в одно время.

О том, что «Повесть временных лет» была завершена не раньше 1113 года, Шахматов знал уже давно. 1113—1116 годы,— вот где ключ ко всей проблеме.

Если события 1113—1116 годов будут правильно объяснены, тогда и Нестор и Сильвестр...

Впрочем, он не торопится, академик Алексей Александрович Шахматов.

1113 — 1116

16 апреля 1113 года на двадцатом году правления умирает Святополк. Смерть деспота снимает с подданных какую-то часть страха, оцепенения, «гипноза». Восстание редко начинается в самое худшее время, а чаще при некоторой перемене к лучшему.

На другой день Киев поднимается: бьют бояр, ростовщиков. Восстание гремит как проклятие тому, кто уже не может услышать.

Если бы не восстание, на киевский престол нашлось бы много претендентов. Дети Святополка, постаревший, но еще лихой Олег Святославич, наконец, Владимир Мономах — все ждали своего часа.

Но пылающий город — не подарок. Испуганная знать шлет за Владимиром: «Пойди, князь, в Киев. Если же не пойдешь, то знай, что много зла произойдет».

Шестидесятилетний Владимир въезжает в Киев, садится на престол, усмиряет и примиряет силой и уступками. Кое-какие ненавистные установления покойного братца отменяются. Отныне велено считать: во всех недостатках, непорядках, неустройствах виноват Святополк и его люди...

Что обо всем этом думает Нестор и его печерские собратья, угадать трудно. Во всяком случае, старого их покровителя нет, а нового приобрести не так просто...

Снова идут спокойные годы.

Владимир Мономах силен, Владимир Мономах славен. Он воин, дипломат. Для одних — избавитель от черни, для других — заступник за вдов и сирот.

Его именем уже давно в половецких степях пугают детей...

Но Владимир Мономах неспокоен. Об этом, конечно, знают немногие.

Знает один из ближайших приближенных князя — игумен Сильвестр.

* * *

Задолго до Шахматова ученые заметили, что Сильвестр был близок к новому князю, был игуменом его фамильного монастыря, Выдубицкого, а затем епископом его родового Переяславского княжества.

Шахматов же хочет увидеть Сильвестра в сложной и неспокойной обстановке после 1113 года.

Писал ли Сильвестр летопись сам или поставил свое имя в конце чужого труда? Несомненно то, что летопись была у него в руках. Следовательно, ее доставили или изъяли из Печерского монастыря.

Но Печерский монастырь не подчиняется Выдубицкому — с какой же стати печерцы отдают рукопись Нестора? Очевидно, по княжескому приказу...

«Да, такой приказ мог быть,— думает Шахматов.— Владимир Мономах неспокоен. Владимир Мономах должен обосновать свои права на престол: ведь у Святополка остались дети, а у самого Владимира — братья; да еще какие — чего стоит один Олег Черниговский!»

Новому князю нужно выставить себя в самом выгодном свете, чтобы никто не мог сказать, что он не заслужил престола. Появившись в Киеве, умный и дальновидный Мономах, наверное, сразу вспоминает о летописи. Печерский монастырь и его дела широко известны в стране. Во дворце мог найтись список «Повести временных лет».

Но Печерский монастырь до 1113 года был в большой дружбе со Святополком. В Несторовой «Повести» умерший соперник Мономаха прославлен и выделен. Сам же Мономах — в тени...

Теперь же другие времена. Новый хозяин — новые требования. Мономаху нужно, чтобы читатель летописи еще задолго до строк, посвященных 1113 году, знал, что только Мономах был «судьбою Киева»...

Конечно, новый князь не станет заковывать или высылать сторонников и хвалителей старого. Мономах осторожен, семь

веков спустя сказали бы — либерален... Он только считает, что летопись надо изменить.

И Шахматов строит вполне правдоподобную гипотезу.

Летопись у Киево-Печерского монастыря и Нестора отняли и передали в Выдубицкий монастырь, игумену Сильвестру — для «переработки».

Но Шахматову мало. Одно-два доказательства можно опровергнуть. Но если их много и все они дают один результат, истина неоспорима. Ученый спрашивает: почему «Сильвестровых следов» в летописи не заметно (если не считать самой записи, где игумен называет себя)? Почему не видно правки, переделки? Почему все содержание летописи говорит о Несторе, напоминает о Печерском монастыре?

Игумен оказался достаточно образован и умен, чтобы оценить такое могучее творение, как летопись Нестора...

Мономах хочет единства земли под властью Киева, прекращения усобиц, защиты от половцев. Но ведь все это уже вписано в «Повесть временных лет» рукою Нестора.

Князь требует такой истории, где прославлена княжеская власть и христианская вера. И это есть у Нестора.

Михайловский игумен не стал «перелицовывать», портить громадный труд. За это мы ему благодарны.

Но все же хоть некоторые следы Сильвестровой работы в летописи должны быть, хотя бы в той части, которая касается последних злободневных событий.

И Шахматов нашел эти следы.

Для начала Сильвестр подправил заглавие летописи. Когда-то рукопись, очевидно, начиналась так: «Се повести временных лет, откуду есть пошла Русская земля... Нестора черноризца Федосьева монастыря Печерского...» Такое начало сохранилось почти во всех летописях. Но без имени автора.

В Лаврентьевском списке упоминание о Несторе и Печерском монастыре из заглавия выкинуто. И монастырь и автор, видимо, были в опале. Имя Нестора сохранилось лишь в одной из дошедших до нас летописей, Хлебниковской (из юго-запад-

ной Руси)`, да в тех летописях из Галицкой Руси, которые видел Татищев. К этому Шахматов еще вернется...

Значит, Сильвестр приказал переписать Несторову летопись, выбросив имя Нестора, подлинник же уничтожил.

Итак, первая поправка Сильвестра — это «небольшое» изменение заголовка.

А вот и другая поправка: под 1103 годом «Повесть временных лет» рассказывает о съезде князей на Долобском озере. Как будто и сомнений быть не может, что автор рассказа — Нестор: записи 1101-го, 1102-го, 1104-го, 1105-го, безусловно, Несторовы.

Но странные строки под 1103 годом:

«И начала рассуждать и говорить дружина Святополкова, что «не годится теперь весною идти в поход, погубим смердов и пашню их». И сказал Владимир (Мономах): «Дивлюсь я, дружина, что лошадей жалеете, на которых пашут, а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд, и, приехав, половчин застрелит его из лука, а лошадь его возьмет, а в село приехав, возьмет жену его и детей его и все его имущество? Так лошади вам жаль, а самого смерда разве не жаль?» И не могла ответить ничего дружина Святополкова. И сказал Святополк: «Вот я готов уже».

В этом рассказе Святополк и его дружина принижены. Они безропотно принимают совет Владимира. Совсем не чувствуется, что Святополк — старший князь. Зато очень заметна рука сторонника Владимира, то есть, очевидно, Сильвестра.

В летописи об этом походе прежде была запись Нестора, но, конечно, другая. Нестор не решился бы так обидеть Святополка, от которого зависел.

Текст заменен. Заменен рукою Сильвестра.

Еще следы. В Лаврентьевском списке события 1111—1116 годов, как известно, «исчезли». Некоторые историки, правда, считают, что соответствующие листы могли просто выпасть и затеряться. Но как же тогда сохранилась одинокая запись 1116 года об авторстве Сильвестра? Упомянутые историки пред-

полагают: последнюю запись, как водилось иногда в старину, сделали на внутренней стороне переплета и она уцелела, несмотря на то что выпали заключительные листы книги...

Может быть, так, а может быть, и не так. Шахматов снова подозревает Сильвестра. Игумен, вероятно, самолично изъял последние страницы. 1111-й, 1112-й, 1113-й — события этих лет еще слишком злободневны, слишком напоминают о недавнем прошлом. Ведь в эти именно годы доживал свой век и умер Святополк, произошло киевское восстание, начал править Владимир. Выдубицкий игумен хотел основательно переработать эти записи в духе, угодном покровителю. Но либо не успел, либо не смог выполнить должным образом.

Загадки 1097 года

В поисках «Сильвестровых следов» Шахматов углубляется в летописный рассказ о страшном злодеянии, происшедшем лет за 20 до «смены» летописцев. В 1097 году, сообщает «Повесть временных лет», все князья собираются на съезд в городе Любече и говорят друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами на себя ссоры навлекая? А половцы нашу землю расхищают и радуются, что нас раздирают междоусобные войны. Да с этих пор объединимся чистосердечно, и каждый да держит отчину свою».

После съезда Давыд Игоревич, князь Владимирский, замышляет расправиться с князем Васильком и внушает Святополку, что Василько якобы вступил в сговор против него с Владимиром Мономахом. Василько, проезжая через Киев, останавливается в Михайловском Выдубицком монастыре.

Святополк приказывает схватить Василька и ослепить.

После этого возобновляется смута. Разгневанные князья во главе с Владимиром Мономахом требуют ответа у Святополка и Давыда. В междоусобицу вмешиваются поляки, венгры, половцы. В конце концов слепой Василько разбивает своих противников. На новом съезде в Витичеве в 1100 году князья дого-

вариваются о повторном разделе Русской земли, причем у вероломного Давыда отнимают его княжество, а напуганный Святополк клянется «блюсти мир».

Шахматов читает и перечитывает строку за строкой этого длинного и печального повествования...

Вот любопытное место: Владимир Мономах и Олег Черниговский собираются наказать Святополка за совершенное преступление. «Святополк же хотел бежать из Киева, но не дали ему киевляне бежать, но послали Всеволодову вдову и митрополита к Владимиру, говоря: «Умоляем, князь, тебя и братьев твоих, не губите Русской земли...» Выслушав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину, отцы наши и деды наши сохранили землю Русскую, а мы хотим погубить...»

После заключения мира Святополк вновь стал умышлять на земли Василька, говоря, что «это волость отца моего и брата». Дело дошло до битвы, но Святополк, «увидев, что лютый бой разгорается, побежал...»

Шахматов знает, что эти строки Нестор не писал. Ведь печерский летописец везде, где представляется случай, восхваляет Святополка, а здесь сей князь выглядит весьма мерзко: явно замешан в преступлении, намеревается трусливо скрыться из Киева после ослепления Василька, бежит с поля боя.

Зато Владимир Мономах готов мстить преступникам, но благородно уступает настояниям митрополита и своей мачехи, пекущихся о мире. Проливает слезы из-за раздоров на Русской земле. В одном месте повествование даже прерывается специальным панегириком Мономаху, его доброте и уважению к духовным лицам.

Следовательно, весь отрывок написан сторонником Владимира. Когда же именно? В самом тексте есть зацепка: «Давыд Игоревич умер в Дорогобуже». Это было в 1112 году.

На лице Василька «рана видна и сейчас»! А Василько умер в 1124 году. Значит, рассказ появился между этими датами. Как раз между 1112 и 1124 годами, около 1116 года, летопись была в руках Сильвестра! Значит...

Однако академик не торопится. Не торопится объявить Сильвестра автором рассказа 1097 года. Пока можно лишь заключить, что игумен *вставил* этот отрывок в летопись. Но он ли сочинитель этого отрывка?

И Шахматов рассуждает дальше.

Несомненно, ослепление Василька описано современником и очевидцем события. Кто же еще мог запомнить, что «заперли Василька 5 ноября и сковали его двойными оковами, приставили к нему стражу на ночь», что палачами Василька были «Сновид Изечевич, конюх Святополков, Дмитр, конюх Давыдов, овчарь Святополков», что «когда князя вели, пройдя Звижденский мост, на торговом месте остановились и стащили с него окровавленную сорочку и дали попадье постирать».

Через несколько строк читаем: «Когда Василько был во Владимире... и я был тогда во Владимире».

Этот *я* — и есть автор.

Испугавшись возмездия за свои преступления, Давыд пытается вступить в переговоры с ослепленным Васильком. Автору приходится быть посредником:

«Однажды ночью прислал за мной Давыд и сказал мне: «И вот, Василь, посылаю тебя, иди к Васильку, тезке твоему, и скажи ему так: «Если хочешь послать мужей своих и если Владимир (Мономах) повернет (то есть не будет мстить), то дам тебе любой город». Я же пошел к Васильку и поведал все, сказанное Давыдом».

Значит, события 1097 года записаны не Сильвестром, а каким-то *Василием*. Опять новый летописец... Все еще больше осложняется, запутывается!

Теперь надо заняться Василием...

Безусловно, Василий — человек, близкий к Васильку. Он явно сочувствует князю и, судя по всему, делит с ним неволю.

Но, поддерживая Василька и скорбя за него, он не всегда одобряет своего «тезку». «И приказал Василько рубить их всех (жителей принадлежавшего Давыду города), и учинил мщение над людьми неповинными...»

Позже Василько казнил двух воевод Давыда. Василий замечает: «Это второе отмщение совершил он, которого не следовало совершать, чтобы бог мстителем был».

Такие призывы к христианскому смирению скорее всего исходят от лица духовного, а так как Василий близок к князю, делит его участь, знает его мысли, то, вероятно, он не кто иной, как духовник Василька.

Образ нового летописца проясняется: Шахматов величает его «поп Василий, духовник князя Василька Теребовльского» и продолжает расшифровывать его биографию.

Написал свою повесть Василий, как уже было замечено, не раньше 1112 года, то есть больше чем через 15 лет после самого события. Жил и писал в Теребовле, в Галицкой земле.

Но не всегда Василий мог быть свидетелем того, что описывает.

Откуда он знает, например, что происходило в Киеве в то время, когда он сопровождал Василька, захваченного Давыдом? А ведь в рассказе много киевских подробностей о том, что делал Святополк да что сказал Мономах... И откуда бы Василию знать о ходе княжеского съезда в Витичеве в 1100 году? Источником этих сведений могла быть для него только летопись. Как раз в эти самые годы Нестор и работал над своим трудом. Вероятно, Василий обратился за помощью к печерскому монаху и использовал для своего рассказа «Повесть временных лет», прибавив ряд фактов к своим личным наблюдениям.

Шахматов даже замечает любопытное совпадение.

Вот конец рассказа 1097 года: «Святополк, Владимир, Олег... призвали Давыда Игоревича и дали ему Дорогобуж, где он и умер. А Святополк взял себе город Владимир и посадил в нем сына своего...» Это пишет Василий.

А вот заключительные слова записи 1100 года, сделанной Нестором: «И сказали ему (Давыду): «Не хотим дать тебе стола Владимирского, потому что вонзил ты нож в нас, чего еще не было в Русской земле. И вот мы тебя не трогаем, но вот что даем тебе — садись в Бужском остроге. И Давыд сел в Бужске,

и затем Святополк дал Давыду Дорогобуж, где тот и умер; а город Владимир отдал сыну своему...»

Оба рассказа очень похожи, некоторые фразы почти полностью совпадают. Но у Нестора события 1100 года освещены более подробно. Значит, он писал раньше, а Василий переписал у него лишь то, что его интересовало, опустив отдельные детали. Ежели Василий был знаком с Нестором и даже у него списывал, то получается, что он писал позднее 25 мая 1112 года (дата смерти Давыда), но раньше 1114—1116 годов, когда Несторова летопись была изъята и переработана. Скорее всего, Василий написал свой труд в 1113 году. Он, верно, и не подозревал, что его рассказ скоро сам попадет в летопись.

Но Василий живет на далекой окраине Руси — в Галицком княжестве. Как же его сочинение столь быстро попадает в руки Сильвестра и вставляется в летопись?

Вопрос нелегкий. Возможно ли спустя восемь веков по одному отрывку установить такие подробности? Но Шахматов ведет в тексте глубокие раскопки. Он вспоминает: ведь князь Василько по приезде в Киев (перед своим ослеплением) отправляется прежде всего погостить в Михайловский Выдубицкий монастырь, то есть в тот самый, игуменом которого был позже Сильвестр. Значит, Теребовльский князь и, разумеется, его духовник были связаны с этим монастырем, дружили с братией. Кто знает, может быть, Василий был даже выходцем из этой обители! Связь, конечно, не прерывалась и после 1097 года. По этому «каналу» вести из Теребовля легко могли дойти до Киева, особенно до выдубицкого игумена.

Когда Сильвестр стал поправлять Нестора, он, наверное, сразу же обратился к старому знакомому, Василию.

Казалось бы, все! Больше из этой летописной статьи не выжать, «раскопки» закончены, результат самый определенный. *В летопись Нестора вставлен рассказ Василия. Вставлял Сильвестр.*

Но Шахматов тут же «уличает» Сильвестра еще раз. Игумен и сам приложил руку к записи 1097 года: рассказ Василия, как

уж отмечалось, прерывается восторженным панегириком Мономаху. Василию было, собственно, незачем делать такого рода вставки и отступления, но в этом был главным образом заинтересован Сильвестр, прославлявший своего хозяина.

Выходит, в летописной повести 1097 года переплелись строки трех древних авторов — Василия, Нестора и Сильвестра. Прославление одного князя, развенчание другого; соперничество, борьба, страсти, давно замолкшие, забытые, для потомков не всегда понятные...

Может быть, у Шахматова и не все верно. Может быть, в будущем не все подтвердится... Шахматов улыбается в свои рыжеватые усы: «Гипотеза, милостивые государи, только гипотеза...»

«Знаем мы Алексея Александровича,— говорят ученики,— докажет свое сотней способов, а потом подергает ус и скажет: «Доводов, конечно, маловато, однако гипотезу, пожалуй, сочиним...»

Судьба Нестора

Снова задумывается Шахматов о «рабе божьем, черноризце Несторе». Детство и юность его — где-то в туманных далях XI столетия. Потом монастырь. Первая удавшаяся строка, ощущение собственного таланта; громадный замысел — летопись. Внимание властителей: корыстное дружелюбие Святополка, немилость Мономаха.

После 1113 года следы исчезают. Судьба Нестора неизвестна. И вряд ли станет известна, если только не будет неожиданных находок.

В 1939 году специальная комиссия обследовала захоронения Печерского монастыря. В раке, над которой значилось: «Святой Нестор-летописец», нашли кости глубокого старика лет семидесяти — семидесяти пяти. Но тут же лежали и кости какого-то другого человека...

Если великий летописец действительно умер на восьмом десятке лет, значит, после 1113 года еще прожил лет десять — пятнадцать.

Так или иначе, но после 1113 года Нестор уже не вел летопись. По приказу Мономаха «Повесть временных лет» была изъята и передана Сильвестру.

По Лаврентьевскому и другим спискам установлено, в каких городах и монастырях списки побывали за несколько столетий. После 1113—1115 годов летопись в Печерский монастырь больше не возвращается. Тетради Нестора Сильвестр переписал и, вероятно, уничтожил.

Имя Нестора из заглавия выброшено и сохранилось только в некоторых летописях юго-западной Руси.

Почему именно на юго-западе? Не бежал ли Нестор из столицы в Прикарпатье, в Галицкое княжество?

Шахматов качает головой: это уж совсем по Дюма и Вальтеру Скотту. Впрочем, академик — ценитель всяческих фантазий.

Но перенести имя Нестора на юго-западную окраину Руси мог уже знакомый поп Василий. Ведь для своей работы он обращался за помощью к Нестору и, наверное, гостил в Киеве около 1113 года. Так или иначе в его руках находилась копия печерской летописи (или ее части). В Киеве имя первого историка предавали забвению — у Карпат кто-то, наоборот, старался это имя сохранить!

Нелегко было в старину писать и сберегать написанное.

Шахматов вдруг вспоминает: «Продай Киев-город со Черниговом, купи ты бумаги со чернилами...»



ТРУД УСЕРДНЫЙ, БЕЗЫМЯННЫЙ

Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов доходит до меня,
А прочее погибло невозвратно...

А. С. Пушкин

Студент отвечает быстро и блестяще. Шахматов вдруг замечает про себя, что ему самому ни в гимназии, ни в университете никогда не удавалась эдакая лихость. Нетерпеливые учителя постукивали карандашами или глядели неприязненно, пока

он не торопясь обдумывал фразу, а потом произносил ее негромко, как-то чересчур вежливо. А этот студент куда как боек!

— Таким образом,— продолжает студент,— не вызывает абсолютно никаких сомнений, что монах Киево-Печерской лавры Нестор в начале XII века — не позже 1113 года — написал «Повесть временных лет». В летописи отразились политические страсти той эпохи, в частности длительное соперничество между князем Святополком Изяславичем и князем Владимиром Всеволодовичем Мономахом.

Почему-то академика раздражает, что этот юноша говорит так правильно, точно, по Шахматову...

Экзаменатор опускает голову, чтобы отвечающий ничего не заметил. Затем вспоминает старое правило: «В человеке, тебе неприятном, постарайся отыскать или вообразить приятное; тогда и будешь справедлив».

«Что мне, собственно, надо от него? Отвечает складно и верно...»

— Нестор — автор, Сильвестр — редактор и частично тоже автор: вот две фигуры, стоящие у истоков нашего летописания. Их деятельность объясняет все важные особенности «Повести временных лет»...

— Довольно, довольно! — спохватывается Шахматов.— Вы, конечно, достойны высшего балла. Вот только не могли бы вы мне помочь? Дело в том, что я уж давно размышляю над одной, как вы выразились, важной особенностью «Повести временных лет». Конечно, вам известно помещенное в летописи «Поучение князя Владимира Мономаха своим детям». И, разумеется, вы помните, под каким годом оно помещено...

— Под 6604-м! — Студент щеголяет древним исчислением.

— Вы правы, под 1096-м,— улыбается академик.— Так вот, видите ли, я никак не могу решить, каким летописцем внесено в повесть это завещание старого Мономаха?

— Конечно, Нестор тут ни при чем,— говорит студент.— Отношения Печерского монастыря с Владимиром Мономахом были вряд ли достаточно хороши, чтобы князь вручил печер-

скому черноризцу свой фамильный документ, свое завещание. Сильвестр же, как вы, Алексей Александрович, неопровержимо доказываете, был близок к семье Мономаха. Это он внес в текст «Поучение Мономаха», и сомневаться нечего.

— Отменно! Вы совершенно правы насчет Нестора и очень логичны в отношении Сильвестра. Но вот, извольте взглянуть.— Шахматов встает, берет с полки том летописей.— Помните, Мономах перечисляет в «Поучении» все свои походы, начиная с тринадцати лет... Множество походов: на вятичей, к Смоленску, на поляков, на Всеслава. Всего более 80 походов. О последнем из них в завещании говорится так: «И потом ходили к Владимиру (городу) на Ярославца (племянника Мономаха), не вытерпев злодеяний его». Что вы скажете об этом?

— Я как-то не улавливаю, Алексей Александрович, связи с тем, что...

— Да как же, подумайте... В каком году был этот самый поход на Ярославца?

Студент перелистывает книгу и находит, что в 1117 году.

— Именно! Это удостоверяют многие летописи да и другие источники. В 1117-м. Вы понимаете, что это означает? Вы говорите, что «Поучение» внес в «Повесть временных лет» Сильвестр. Но если в «Поучении» рассказывается о войне 1117 года, значит, оно само написано не раньше 1117 года. А Сильвестр ведь сам признается, что закончил труд в 1116-м...

Студент лихорадочно вспоминает, не было ли об этом в лекциях. Вспомнить не может, но убежденный, что профессор «ловит», прибегает к исконному студенческому правилу — не произносить роковых слов «не знаю»...

— Какая мелочь, Алексей Александрович, разве может случайная фраза, один год разницы разрушить вашу стройную схему?..

Шахматов внимательно и добродушно разглядывает поклонника «стройной схемы».

— Я же сказал, что выставлю вам высший балл. Наша беседа — не экзамен. Мне просто любопытно узнать мнение ваше

об этом противоречии. Будем честны, от него не отмахнуться. Все-таки 1117-й был после 1116-го? Выходит, ни Нестор, ни Сильвестр не могли вставить в «Повесть временных лет» Мономахово поучение... Кто же это сделал?

Студент размышляет более минуты и, убедившись, что срок для ответа на вопрос недостаточен, тихонько бормочет:

— Не знаю...

— Вот и я не знаю,— доверительно шепчет академик.

1117 год

1117 год не давал покоя.

Больше всего сказано об этом годе в летописи Ипатьевской. И Шахматову, конечно, не нужно открывать книгу, чтобы вспомнить: «В лето 6625 (1117)... Привел Владимир сына своего Мстислава из Новгорода и дал ему отец Белгород. В тот же год взял Владимир за Андрея внучку Тугорканову. В тот же год тряслась земля сентября 26. Тогда приходили половцы к болгарам и выслал им князь болгарский питье с отравою, и, выпив, Аепа и прочие князья половецкие все умерли. В том же году умер царь Алексей (в Византии) и воцарился сын его Иван...»

События 1117 года сообщаются весьма подробно. Пишет, конечно, современник и очевидец. Однако византийский царь Алексей Комнин умер на самом деле не в 1117, а в 1118 году. Значит, и вся запись сделана не раньше 1118-го...

Но какие резкие перемены происходят в тексте после окончания записей 1117 года! Вместо подробного, живого изложения событий — краткое перечисление фактов.

Значит, до 1118 года летописание еще ведется, а затем — перерыв по крайней мере на несколько лет.

Значит, *в 1117—1118 годах происходят какие-то события, очень важные для истории летописания.*

Сильвестр положил перо еще год назад, но в 1117—1118 годах в летопись вносятся «свежие события». В 1117—1118 годах в летопись вставляют также «Поучение Владимира Мономаха».

1117-й и 1118-й

— Интересно, Алеша, кем бы ты стал, если б жил лет восемьсот назад, во времена твоих летописцев?

В кабинете Шахматова собрались старые гимназические товарищи, солидные отцы семейств, педагоги, чиновники, коммерсанты. В комнате дым, на столе недопитые бокалы, старый журнал «Братство» — коллективное творение восьмиклассников 4-й московской гимназии. Восьмиклассниками они были в 1880 году. Тому уже более четверти века. Шахматов листает странички журнала: портрет Дарвина, биография Рылеева, статья «Что такое язык» гимназиста Алексея Шахматова...

— Кем, говорите, был бы я веков восемь назад?.. Нет, летописцем навряд ли. Ученым монахом? Может быть. Скорее, просто странником...

— Эх, господа гимназисты,— восклицает статский советник, в прошлом знаменитый пятерочник и зубрила,— Шахматов и сейчас проживает не в нашем прозаическом XX столетии, а в романтическом XII. Счастливец! Какое ему дело до наших повседневных забот, до политики?

Шахматов улыбается и не спорит.

— А я слышал совсем иное,— вмешивается журналист, в прошлом — ответственный редактор этого самого журнала «Братство».— Я слышал, что в рукописном отделении академической библиотеки...

Шахматов хмурится. Журналист замечает это и замолкает, а рядом сидящие спешат пустить беседу по другому руслу.

Они объявляют, что, если б заменить у Алексея Александровича Шахматова — господина директора рукописного отдела библиотеки Российской Академии наук — академический фрак на гимназическую куртку да еще сбрить усы, то предстал бы перед ними прежний Алеша Шахматов.

— Злые языки поговаривают, что ты, Алеша, сквозь страницы читаешь и старину расколдовываешь...

— Да нет, братие, все больше путешествую.

— Как это — путешествуешь?

— Да уж который раз: из XI, скажем, века в XII... Или наоборот. Еду, высматриваю, кто да что сказал, кто да что написал.

— Ну, а сейчас?

— И сейчас путешествую. Болезнь такая. Сейчас с вами говорю и все равно путешествую. Видите ли, недавно прелюбопытнейший год обнаружил — 1117-й, вот и путешествую.

Братия шумит, просит подробностей, но Шахматов ловко отшучивается.

Вскоре все расходятся. Академик садится в кресло и задумывается. Задумывается о том, что молодость прошла и что, как это ни странно, его это обстоятельство не огорчает.

Он вспомнил утверждение статского советника, что Шахматов проживает в романтическом XII столетии и политикой не занимается... Друзья ловко переменили тему, значит, до них уже дошли слухи. Дело в том, что на днях полиция явилась с обыском к Всеволоду Измайловичу Срезневскому, его ближайшему помощнику по рукописному отделу, а потом явились и в отдел, копались, искали. Жандармский полковник кричал Срезневскому: «Запретные сочинения собираете. Крамольникам охранные листы даете!»

Шахматов понимал, что он также может удостоиться «визита».

Хорошо еще, что полковник не догадался снять с дальних полок рукописи и старопечатные книги. Нелегко было бы ему объяснить, как там очутился большой архив латвийской социал-демократической организации, сотни листовок, преимущественно большевистских, громадные комплекты запрещенной литературы...

Конечно, в чем-то зубрила, статский советник, прав: Шахматов занимается не политикой, а языками и древностью. Из того, что он прочитал в листовках и нелегальных газетах, непрерывно прибывающих на адрес библиотеки Академии наук, многое ему чуждо и непонятно. Но он нисколько не сомневается в пра-

вильности своих действий. Когда надо было передать специальную коробку для сбора рукописей с охранной грамотой и печатью рукописного отдела Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу, Шахматов уже знал, что этот молодой ученый, отличный знаток фольклора и религиозных течений, является профессиональным революционером, большевиком. Директор отдела рукописей догадывался также, что в этой коробке будут храниться документы совсем особого свойства. Он понимал, что сильно рискует, но коробку и охранную грамоту дал без всяких колебаний.

А через несколько месяцев, когда полиция производила обыск у Бонч-Бруевича и пыталась заглянуть в его бумаги, тот спокойно предъявил приставу печать и документ от Академии наук.

Растерянные охранники переслали нераспечатанную коробку в библиотеку академии — Шахматову и Срезневскому, а те, в который уж раз, взяли на хранение очередную порцию нелегальщины.

Недавно Шахматова негласно известили, что находящийся в эмиграции вождь большевиков Ленин сообщил в большевистские комитеты об обязательной отправке в рукописное отделение библиотеки всех нелегальных печатных произведений. Шахматов вспомнил, как недавно он говорил Срезневскому, что, пожалуй, в рукописном отделе академической библиотеки накапливается замечательный, не имеющий равных фонд нелегальной революционной литературы.

— Ох и пропишут нам власти за это! — вздыхал Срезневский.

— Чего не сделаешь для науки! — замечал Шахматов.— Для потомства это будет летописью, «Повестью временных лет» о наших днях.

Шахматов пытается представить, как будущие историки станут изучать далекое прошлое: годы 1905, 1906, 1908. Сам же он любит медленно перебирать в памяти особенно знакомые стародавние годы: с огнем и громом — 1113, тихие — 1108, 1109,

в топоте далеких походов — 1096... Старые, старые знакомые с детских, саратовских и олонецких времен.

Сегодня путешественник выходит из 1118 года и движется в обратном направлении, что-то разыскивая. Пока он видит только два следа новой тайны: запись 1117 года и «Поучение Мономаха». Два явных следа... Но уж давно он угадывает следы скрытые, неясные. Например, отрывки о Севере из той же «Повести временных лет».

Северные рассказы

Два любопытных летописных рассказа:

1096 год

Теперь же я хочу рассказать, о чем слышал четыре года тому назад от Гюряты Роговича новгородца, который поведал так: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, дающим дань Новгороду. И когда пришел отрок мой к ним, то от них попал он в землю Югорскую. Югра же — это люди, говорящие на непонятном языке, и соседят они с самоядью, в северных краях. Югра же сказала отроку моему: «Дивное чудо мы нашли, о котором не слыхивали раньше... Есть горы, упирающиеся в луку морскую, высотою до неба, и в горах тех стоит крик великий и говор, и кто-то сечет гору, желая высечься из нее; в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, и не понять языка их, но показывают на железо и делают знаки руками, прося железа; и, если

1114 год

В тот год Мстислав заложил город в Новгороде больше прежнего. В тот же год заложена была Ладога из камня на насыпи Павлом посадником, при князе Мстиславе. Когда я пришел в Ладогу, поведали мне ладожане, что «здесь, когда бывает туча великая, находят дети наши глазки стеклянные и маленькие и крупные проверченные, а другие подле Волхова собирают, которые выплескивает вода». Этих я взял более ста, все различные. Когда я дивился этому, они сказали мне: «Это неудивительно; живы еще старики, которые ходили за югру и за самоядь и видели сами в северных странах, как спустится туча и из той тучи выпадут белки молоденькие, будто только родившиеся, и выросши расходятся по земле, а в другой раз бывает другая туча, и из нее

кто даст им нож или секиру, они в обмен дают меха. Путь же к тем горам непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не доходим до них никогда; этот путь идет и дальше на север». Я же сказал Гюряте: «Это люди, заклепанные Александром Македонским царем, как рассказывает о них Мефодий Патарский...»

выпадают оленьцы маленькие и выросши расходятся по земле. Этому у меня есть свидетель посадник Павел ладожский и все ладожане. Если же кто этому не верит, пусть прочитает Хронограф...»

Это древнейшие в русской истории рассказы о дальнем Севере. Горы, упирающиеся в луку морскую,— конечно, Урал, «край земли», до которого в те времена добирались только самые отчаянные новгородские ушкуйники.[1] Для древнего славянина это почти невероятная даль (месяцы, может быть, годы пути!), окутанная легендой и тайной.

Те, кто возвращаются, приносят рассказы, где причудливо смешаны быль и фантастика: маленькие белки и оленьцы, выпадающие из туч, люди, заклепанные в горах; «знаки руками» и «меха в обмен на железо» — так называемая немая торговля с северянами.

Повествуя о ладожских стеклянных глазках, летописец, сам не подозревая, становится древнейшим на Руси археологом: и по сей день Волхов близ Ладоги выплескивает на берег стеклянные, похожие на глазки, бусинки. Они служили украшениями для ладожанок задолго до летописца, в VIII—IX веке.

Но Шахматов думает сейчас не о «немой торговле» и ладожских бусах, а о двух летописных рассказах — 1096 и 1114 годов.

Рассказы эти написал один человек: они слишком похожи, эти рассказы-близнецы.

Шахматов определяет, что этот человек бывал на Севере. Именно в 1114 году в Новгородской земле, в городе Ладоге, он слышал рассказы о далеких северных народах (югра, самоядь

[1] Ушку́йники — новгородские землепроходцы, осваивавшие северные края.

и другие). Оба рассказа — «запись впечатлений» 1114 года. Только один из них почему-то помещен пораньше, в тексте 1096 года по соседству с «Поучением Мономаха».

Остается выяснить: когда эти рассказы записаны? Мало ли под каким годом их «разместили» в летописи. Важно, когда действительно они написаны!

Но во втором рассказе говорится: «Теперь же я хочу рассказать, о чем слышал четыре года назад».

Если человек путешествовал по Новгородской земле в 1114 году и пишет потом, что это было «четыре года назад», то не ясно ли, что запись сделана в 1118 году (1114 плюс 4!).

Снова 1118 год...

На летописных листах обычно пестрят названия южных рек и крепостей, киевских улиц и храмов; лишь изредка вклинивается новгородское известие. Северная Русь для Нестора и Сильвестра — очень далека и туманна. И вдруг — две столь подробные северные записи, сделанные рукой очевидца! Притом именно в 1118 году, когда в летопись кто-то внес описание последних событий, а также «Поучение Мономаха».

«Да это все он, все тот же незнакомец»,— решает Шахматов. А вывод из всего этого простой и удивительный: у «Повести временных лет» был *еще один автор...*

Третий летописец

О Сильвестре сообщают Лаврентьевская и «родственные» ей летописи.

О Несторе — некоторые летописи да Печерский патерик.

О третьем летописце больше семи веков никто и не подозревал, хотя все эти семь веков его записи читали и переписывали. Но вот он обнаружен! Пока что это человек без имени и судьбы. Имеются только четыре летописных отрывка, им сочиненные или вставленные:

«Поучение Мономаха».

Два «Северных рассказа».

Записи 1117 года.

— Почему *только* четыре? — спрашивает себя Шахматов и отвечает: — *Целых* четыре!

Многое, извлеченное из малого, всегда поражает человеческое воображение: облик допотопного зверя, воссоздаваемый по обломку кости, или величина, масса, скорость, температура звезды, выведенные из слабо мерцающего луча далекого света. Или биография человека, восстановленная по нескольким оставленным строкам...

Тот безымянный летописец был человеком науки: расспрашивал про дальние края, собирал «стеклянные глазки», знал Хронограф, Мефодия Патарского, греческий язык.

Семья Мономаха к нему благосклонна. Образованнейший человек, князь Владимир, разумеется, не позволит продолжать летопись какому-нибудь невежде. Летописцу доверяют даже «Поучение» — документ семейный...

В 1114 году «незнакомец» был на Севере.

Но в его же записях, сделанных спустя три-четыре года, семь раз упоминается Владимир Мономах, князь Киевский, идет речь о половцах, о киевской округе — Переяславле и Белгороде, о Севере же — почти ничего.

Прошел всего год, как закончил в Киеве свой труд Сильвестр, а уж новый человек успел летопись получить, прочесть и дополнить.

Ясно, что третий, северный летописец к 1117—1118 году уже успел перебраться на юг, в Киев.

Кого Мономах поучает?

Престарелый Мономах в ожидании смерти вспоминает прожитое, рассуждает о своих и чужих поступках — добрых и «дьявольских», разумных и грешных: «Дети мои или кто другой, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но, кому она будет люба из детей моих, пусть примет ее в сердце свое».

Прежде всего это поучение детям.

У князя Владимира восемь сыновей. Летопись подробно информирует о рождениях, свадьбах, смертях и других семейных событиях в Мономаховом гнезде.

«Поучение» — сыновьям и сыновьям сыновей, но в первую голову, старшему сыну, наследнику, Мстиславу Владимировичу.

«В год 1117 привел Владимир Мстислава из Новгорода и дал ему отец Белгород» — так в самых первых строках записи 1117—1118 года сообщается о том, что Мстислав прибыл к отцу. Владимир стареет, хочет видеть рядом наследника, соправителя. Возвращение сына и завещание отца — эти события, конечно, взаимосвязаны и не случайно происходят в одно и то же время.

В Киеве в 1117 или 1118 году вручить летописцу «Поучение» могли и князь-отец и князь-сын.

Любопытно, что третий летописец перемещается с новгородского севера в Киев тогда же (в 1117-м), когда подобное путешествие совершает и князь Мстислав.

Путями Мстислава

Старший Мономахович как-то причастен к загадке третьего летописца...

В 1117 году Мстиславу Владимировичу уже за сорок.

В 1095 году, девятнадцати лет, он сел князем в Новгороде и управлял им 22 года, до 1117-го. Примерно в те же годы находился в Новгородской земле и третий летописец.

Мстислав был книжником, как его отец и дед. Из Византии для него было специально вывезено драгоценное «Мстиславово евангелие», сохранившееся до наших дней.

В одно время и в одном месте с Мстиславом живет умудренный в греческих и русских словесах третий летописец.

В 1117 году Владимир Мономах вызывает Мстислава к себе на юг. Туда же в то же самое время переходит и будущий летописец.

Старый князь тогда же пишет поучение детям; летописец тут же его получает и вставляет в летопись.

Третий автор летописи к Мстиславу очень внимателен. Первые же строки «Северного рассказа» 1114 года сообщают: «Мстислав заложил город в Новгороде больше прежнего. В тот же год заложена была Ладога из камня и насыпи Павлом-посадником при князе Мстиславе...»

Первые строки о 1117 годе: «Привел Владимир Мстислава из Новгорода и дал ему Белгород».

Не слишком ли много совпадений?

* * *

Третий летописец — не кто иной, как сам Мстислав!

Разве не ясно? Отец (Мономах) сочиняет прекрасное литературное произведение. Сын вносит его в летопись, да в придачу еще несколько записей. Перечитайте еще раз «Северный рассказ» 1114 года и вы заметите, что пишет немаловажная персона, о прибытии которой знают все ладожане и посадник: «Этому у меня есть свидетель посадник Павел Ладожский и все ладожане».

Конечно, мы не привыкли, чтоб князья писали летопись. Но ведь Владимир Мономах, без сомнения, может считаться одним из ее авторов («Поучение» — часть летописи!). Мстислав Владимирович — не исключение. «Повесть временных лет» составляли князья и монахи...

Только что изложенную гипотезу защищал Михаил Дмитриевич Приселков, один из талантливейших учеников Шахматова.

Но раздаются возражения: вряд ли Мстислав в своей летописи стал бы говорить о себе в третьем лице.

Пути Мстислава и летописца совпадают: значит, автор — человек, близкий к сыну Мономаха и всюду его сопровождающий. Если он хорошо образован, если он владеет пером, если сам он духовное лицо, то *это духовник Мстислава*. Такой же

духовник и писатель, как поп Василий, старый знакомый «по 1097 году». Княжеский духовник, занимающийся летописанием, имеет доступ к архиву своих повелителей, вращается при дворе, близок к «большой политике».

Так утверждает Шахматов.

«Летописец-духовник» — это такая же догадка, как летописец-князь. Но коль скоро догадка высказана, Шахматов тут же идет дальше: «Предположим, что догадка верна, тогда из этого следует...»

Из догадки следовало, что нужно обратить внимание еще на одно место в летописи.

1096 год. «Мстислав, вернувшись в Суздаль, отошел в Новгород, свой город, по просьбе преподобного епископа Никиты».

Кому принадлежит эта запись? Откуда киевлянину Нестору или Сильвестру знать о новгородских делах, вплоть до такой подробности, что Мстислав подчинился просьбе епископа Никиты?

Это писал *третий*. По-прежнему безымянный. Зато появилось еще одно имя около него — епископ Никита. Шахматов уж давно знаком с этим человеком: о нем немного рассказывает патерик. Никита — из печерских монахов. Знал, конечно, Нестора. В 1095 году был поставлен новгородским епископом и пребывал в этом сане до самой смерти (1108).

В «Повести временных лет» даже митрополиты далеко не все представлены. Епископы и того менее. Однако о Никите говорится с большим уважением, и князь Мстислав слушается «преподобного»...

Епископ, предполагает Шахматов, естественно, стремился упрочить влияние на правителя и рекомендовал молодому князю смышленого и начитанного монаха в духовники или советники.

Может быть, одного из тех печерцев, которого, уезжая из родного монастыря в дальние края, захватил с собою, как это обычно делалось.

Если все это правильно, то «третий» — тоже из Печерской

обители, тоже знает Нестора и в свое время (около 1095 года) перешел из Киева в Новгород.

Гипотеза забирается в опасные дебри... Оказывается, наш незнакомец, «третий летописец» — печерец... Но Мономах не любил печерцев, он отнял у них летопись. Если бы *третий* открыто сочувствовал «Федосьевым черноризцам», ему не дали бы писать.

Не увлекается ли академик Шахматов?

Третий за первого или второго?

Первым летописцем был Нестор. Вторым — Сильвестр...

На столе лежат рядом летописи Лаврентьевская и Ипатьевская. В Лаврентьевской — имя Сильвестра, и больше чувствуются его поправки. В Ипатьевской — о Сильвестре ни слова, зато заметнее «рука» третьего автора.

ИПАТЬЕВСКАЯ	ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ
Се повести временных лет черноризца Федосьева монастыря Печерского, откуду есть пошла Русская земля... и т. д.	Се повести временяых лет, откуду есть пошла Русская земля... и т. д.

Сильвестр устраняет из заглавия Лаврентьевской летописи все, что напоминает Нестора. Но начало Ипатьевской летописи прямо намекает на главного летописца — «черноризца Федосьева монастыря». Намекает, но почему-то не называет его имени.

«Духовник Мстислава» знал многое. Знал, конечно, имя настоящего создателя «Повести временных лет»... Политические страсти захлестывают летопись, зачеркивают и вписывают имена, строки, страницы, рассказы! К третьему летописцу, конечно, доходят сверху разговоры, намеки, угрозы. Приходится писать осторожно, согласовывая собственное мнение с волей заказчика. Особенно если речь идет о Несторе.

Было, наверное, так...

В 1117 или 1118 году умный и образованный священник, только что прибывший в Киев, допускается к летописной работе. Может быть, Сильвестр, покидающий столицу, сам просит князя прислать на смену знающего летописца. Возможно, старый князь Владимир предлагает наследнику позаботиться о летописи, найти для нее «достойного человека». Вполне вероятно, что ученый духовник Новгородского князя, златоуст и путешественник, был к этому времени уж весьма знаменит.

Северянину вручают труд Нестора с поправками Сильвестра. «Чистого Нестора» уже не достать: Сильвестр, составив свой список, очевидно, подлинник уничтожил.

Новый летописец читает...

Нам нелегко угадать его мысли. Они ведь во многом очень не похожи на наши. Нам куда легче наделить этого человека собственными мыслями и чувствами. Но для науки это весьма опасно.

Как все обстояло 850 лет назад, узнать трудно.

«Гипотезы, судари... гипотезы»,— язвили скептики XIX столетия. Разве они могли знать, каковы еще будут гипотезы!

Шахматов гипотез не боится.

Старое соперничество Святополка и Мономаха в 1118 году, верно, утратило свою злободневность, да и Святополк вот уже пять лет как покоится в гробнице, в церкви Святого Михаила. Гнев Мономаха остыл, страх рассеялся. А ведь Нестор пострадал именно из-за этого соперничества. Впрочем, может быть, и Нестор давно в могиле?..

И третий летописец решает упомянуть настоящего автора «Повести».

Сначала третий автор снимает имя Сильвестра, но сохраняет все его поправки: поправки возвеличивают дом Мономахов. Но вот как быть с первым летописцем? В 1118 году можно уже намекнуть на Нестора, но еще нельзя назвать имя провинившегося писателя.

Не поэтому ли в заглавии лишь глухо говорится о «черноризце Федосьева монастыря»?

Возможно, третий летописец, когда менял заглавие, вспомнил, как много лет назад встречался под печерскими сводами с летописцем первым.

А может, все было не так.

И не исключено, что вовсе не справедливости ради «третий» убрал имя «второго» (и, кстати, не поставил своего). «Автор», «соавтор», «продолжатель труда» — на это тогда смотрели совсем иначе. И намек на «черноризца Федосьева монастыря Печерского», возможно, вставлен по каким-то нам недоступным соображениям.

Так восстанавливал Шахматов биографию интересного, очень важного для русской истории и литературы человека.

Летописец Мстислава ожил. Летописец без имени. Уж больше полувека, как ожил. Мы, люди XX столетия, догадываемся об учености этого человека и его странствиях, о его повелителях, покровителях и друзьях. Даже о его мыслях и характере...

Но мы совсем не знаем, что помешало ему вести летопись после 1118 года. Смерть? Опала? Что-то иное?

Впрочем, поиски не закончены. Поиски вообще редко кончаются. Кто знает, может быть, откроются новые материалы. Или — что более вероятно — какому-нибудь исследователю, сегодня еще юному или даже неродившемуся, удастся напасть в «Повести временных лет» на такие следы, которых не заметили даже зоркие глаза Шахматова...



ПОСЛЕДНЕЕ СКАЗАНЬЕ

Такого не было прежде на Руси,
И после него не будет такого.

Летопись

Между 1113 и 1118 годами. Крестоносцы продолжали удерживать Иерусалим. Сунские императоры Китая искали ответа на трудные государственные вопросы в 294 книгах Сыма Гуана «Всеобщее зерцало, помогающее правлению». Арагонские рыца-

ри выбили мавров из Сарагоссы. Король Людовик Толстый начал 350-летний труд, именуемый объединением Франции, другой же француз, Пьер Абеляр, заговорил о разуме против церкви. В Мексике и Гватемале росли города среднего царства Майя. Норманнские короли все еще не желали изучать язык покоренной Англии. С Ливанских гор спускались посланные «горным старцем» фидаи, или «жертвующие жизнью», чтобы убить враждебного государя или визиря. В Персии дописывал последние четверостишия и пил последние кувшины вина великий математик и поэт Омар Хайям.

После падения Римской империи прошло 650 лет. До первых буржуазных революций оставалось полтысячелетия. Именно в эту пору в Киеве довели до конца «Повесть временных лет» Нестор, а вслед за ним два его «соавтора».

С этих лет начались странствия летописей по городам и векам.

Спустя десятилетия появилось уже несколько летописей, через столетия — десятки, через полтысячелетия — сотни. В начале этих сотен летописей лежит «Повесть временных лет».

Но чей же вариант, чью «редакцию» использовали поздние летописцы: Нестора, Сильвестра или Мстислава? [1]

Восемьсот лет спустя в России вышла книга под тем же названием: «Повесть временных лет». Только новый «летописец» именовался на обложке Алексеем Шахматовым. Из 480 страниц собственно Шахматову принадлежало 80. А около 400 занимал текст летописи. Той самой летописи, которую читали в XII—XVII веках.

Шахматов не позволил себе ни одного лишнего слова: только замечания на полях: «2-я редакция» (Сильвестра), «3-я редакция» (Мстислава). Почти для каждой фразы теперь был установлен автор: Нестор, Сильвестр, Василий, летописец Мстислава...

---

[1] Труд третьего летописца условно именуется в научной литературе «редакцией Мстислава».

Даже третьему летописцу, спустя пять лет после Нестора, такую работу бы не сделать: он уже вряд ли мог различить, что написал Нестор, а что приписано. Пять лет — слишком маленький промежуток. Понадобилось ровно восемьсот, чтобы в этом разобраться.

«Чистый Нестор» (без поправок Сильвестра и др.), как известно, до нас не дошел, да и не только до нас. Уже в 1118 году третий автор, видимо, не мог достать Несторова списка. Последние следы Несторова летописания ведут в Галицкую Русь и там исчезают. Только в Хлебниковском списке есть имя печерского монаха. Но, кроме заглавия, эта летопись ничем не отличается от других. Чистого текста «Повести временных лет» в ней тоже нет. Может быть, этот текст был в тех списках (с именем Нестора), которые двести лет назад читал Василий Никитич Татищев? Но в настоящее время ни в одной из существующих летописей не найдем первоначальной редакции Нестора.

Что же дошло, что уцелело?

Прежде всего вторая редакция, Сильвестрова. За несколько веков с ней произошло многое.

Из Выдубицкого монастыря Сильвестр переходит епископом в Переяславль, экземпляр «Повести временных лет» с собственными поправками берет с собой, однако к работе над летописью не возвращается, в 1123 году умирает.

Какой-то переяславский монах затем приписывает к старому тексту новые страницы, новые известия.

Проходит 60 лет. Усиливаются «полнощные» (северные) княжества: суздальские земли, Ростов, Владимир, позже — Москва.

В конце XII и в XIII веке летопись продолжают во Владимире. В 1239 году, в дни Батыя, к «Повести» прибавляются скорбные ростовские записи.

Около 1284 года ее читают и пишут в Твери. В 1305 году безымянный тверской или костромской монах еще раз переписывает и дополняет труд Нестора, Сильвестра и их продолжателей.

Через 72 года ветшаный тверской список — у Лаврентия.

Еще через 400 с лишним лет Лаврентьевская летопись у графа Мусина-Пушкина...

Но прежде, по дороге, выросли и расцвели боковые ростки летописного древа.

В конце XIV века, после Куликовской битвы, московский митрополит Киприан раздобывает, скорее всего в Твери, один из списков Нестора — Сильвестра и переписывает его, дополнив известиями о Москве: появляется так называемая *Троицкая* летопись. Первый московский свод был лишь немного моложе Лаврентьевского.

Троицкая летопись тоже пережила века, но погибла в московском пожаре 1812 года[1].

От Троицкой и других летописей пошла большая семья летописей московских; один из самых поздних ее «отпрысков» — громадный *Никоновский* свод. Последняя запись в нем за 1630 год. Начало же свое эта летопись берет все в той же «Повести временных лет» — в Сильвестровой редакции.

Но и это еще не все: во Владимире в начале XIII века некий художник украшает один из списков многочисленными иллюстрациями-миниатюрами. Затем летопись с картинками неведомыми путями попадает в Смоленск. Ее еще раз переписывают и перерисовывают. Через 150—200 лет она перекочевывает в библиотеку польского князя Радзивилла, оттуда — в Кенигсберг, а в 1758 году — в Россию. Таков путь списка Радзивилловского, или Кенигсбергского.

Лаврентьевская, Троицкая, Никоновская, Радзивилловская и некоторые другие летописи — это прямые потомки «Повести временных лет» в редакции Сильвестра.

---

[1] Сто лет спустя М. Д. Приселков совершил большой научный подвиг. Пользуясь сохранившимися отрывками и другими списками, полностью восстановил текст сгоревшей летописи.

Путешествие третьей редакции

Третья редакция «Повести временных лет» — летопись Мстислава.

Начало ее в Киеве 1118 года. Спустя несколько лет киевские летописцы, близкие к великокняжескому двору, начинают вписывать новые события. В тексте множество подробностей о Киеве XII столетия. Около 1200 года — примерно в те времена, когда список Сильвестра оказался на севере,— летопись Мстислава также вывозится из Киева, только на юго-запад, в мощное Галицко-Волынское княжество.

Около века работают галицкие летописцы. Нам остаются их воспоминания о многоцветной, сочной Галицкой Руси.

Но вот на юго-западные пределы обрушиваются татары, затем Литва и Польша. Летописание хиреет, угасает. Один из списков, как водится, неведомо кем и неведомо как доставляется в Псковскую землю. Его снова переписывают, снова перевозят. На этот раз в костромской Ипатьевский монастырь.

Там летопись хранится несколько столетий. Потом по царскому указу перевозится в Петербург и в конце концов попадает к Карамзину.

По различным городам, монастырям, княжеским библиотекам бродят и другие летописи «Ипатьевской семьи». Одну из них приобретает Петр Кириллович Хлебников.

Ипатьевский и Хлебниковский списки — прямые потомки Несторовой летописи в третьей редакции.

Сколько километров в одном веке?

Сложны, извилисты пути летописных странствий с XI по XVIII век, от Карпат до Волги.

Лаврентьевская летопись — от Нестора до Мусина-Пушкина — это больше полутора тысяч километров пути. «Эстафету» несут от Нестора до Лаврентия не меньше 10 человек. Эти люди, никогда не видевшие друг друга, сделали одно великое

дело, сохраняя и передавая бесценные сведения о прошлом своего народа.

XVIII век был уже веком без летописей (хотя кое-где на окраинах их продолжали). Газеты, многотомные «гистории», печатный станок, убыстряющееся время — все это плохо уживалось «с трудом усердным, безымянным»...

Устье и истоки

Итак, схема Шахматова проста и почти все объясняет: Нестор, за ним Сильвестр, третий летописец и затем их продолжатели.

Но из этой схемы еще неясно, откуда первый летописец, великий Нестор, узнал о событиях, происходивших задолго до него. Он, конечно, расспрашивал людей, доставал и читал старые книги. Это источники его трудов, истоки первых ручейков, из которых образуются «напоящие Вселенную» реки — книги.

Иногда установить эти источники совсем нетрудно. Например, архив князя Святополка, где хранились договоры с греками. Автор летописи также не скрывает, что читал и делал выписки из четырехтомной «Хроники», составленной около 867 года византийским монахом Георгием Амартолом. Там и сям Нестор цитирует тексты из сочинений патриарха Никифора, Мефодия Патарского, Антония Великого, Епифания Кипрского, Иоанна Малалы — греческих писателей, живших в разное время — с III по X век.

Нестор переписывает из книг то, что ему надо, но порою изменяет текст. «Почтен был Роман кесаревым саном»,— пишет византийский летописец. Нестор убавляет торжественность и пишет просто: «Поставлен царь Роман у греков». Устраняет печерский летописец и те места, которые, по его мнению, умаляют русскую славу:

«И было видно странное чудо. И испугались русские пламени. И бросались в воду морскую, стремясь спастись». Так описывает грек поражение войск Игоря от «греческого огня».

«И было видно странное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду морскую, стремясь спастись». Так пишет Нестор, решительно выбрасывая слово «испугались».

Конечно, в «Повесть» вносятся и личные наблюдения Нестора, и рассказы бывалых людей. Летописец еле спасается при набеге половцев на монастырь в 1096 году. Ему не нужны книги и архивы, чтобы знать, каких половецких князей взяли в плен в 1103 году, когда постриглась в монахини несчастная сестра Мономаха Евпраксия, какого числа в 1107 году «тряслась земля на рассвете», как везли в санях тело умершего Святополка.

Нестор часто ссылается на современников, приводит их рассказы о событиях. «О детстве Феодосия рассказал мне келарь Федор», о том-то «исповедал Иларион», о другом «узнал от Павла». Одного человека он выделяет особо: «От него много рассказов слышал, которые я записал в летописании этом».

Ян Вышатич

Еще Шахматов интересовался этой фигурой. Советские ученые, в первую очередь Д. С. Лихачев, узнали о нем интереснейшие вещи.

Старый воин и рассказчик прожил длинную и богатую приключениями жизнь. Его биографию можно проследить по летописи.

1106 год. «Умер Ян... прожив 90 лет в старости маститой».

Значит, родился в 1016 году? Возможно, но необязательно: в древней Руси число 90 часто употреблялось как показатель глубокой старости, а не для обозначения точного возраста. Например, в русских былинах:

А жил Буслай девяносто лет
и преставился.

Жил Святослав девяносто лет...

В Печерском монастыре Яна Вышатича принимают с почетом, печерские старцы — лучшие его друзья. Он завещал по-

хоронить себя в обители. Здесь, на закате жизни, он охотно делится воспоминаниями...

1071 год. Ян Вышатич собирает в Белоозере дань от князя Святослава и подавляет восстание, во главе которого два волхва.

Минуют годы...

Ян переходит из Чернигова в Киев, наверное, вместе со своим повелителем, князем Святославом, который в 1073 году изгнал из столицы брата Изяслава.

1089 год. «При благородном Всеволоде, державном князе Русской земли, воеводство киевской тысячи держал Ян».

«Воеводство киевской тысячи» — важнейшая военная должность. Теперь Ян — во главе старшей княжеской дружины.

1093 год. Время Ярославичей прошло. Внуки Ярослава Мудрого сражаются с половцами. В летописи читаем, что князьям Святополку и Владимиру Мономаху дают советы «разумные мужи, Ян и прочие».

1106 (год смерти Яна). «Святополк послал на половцев Яна и Ивана Захарьича, и прогнали они половцев и полон отняли у них». Если Яну действительно было в ту пору девяносто лет, сомнительно, чтобы он мог участвовать в таком походе.

А впрочем, кто их, древних, знает?

Но Ян беседует с печерскими друзьями не только о сечах и походах. На склоне лет маститый боец обижен и недоволен.

Так в летописи 1093 года говорится: «Князь Всеволод стал любить разум молодых, устраивать совет с ними, они же начали настраивать его, чтобы он пренебрегал дружиною своей старой, и люди не могли добиться суда княжего, начали эти молодые грабить и продавать людей, а князь того не знал из-за болезней своих...»

В этом отрывке Ян совсем не упоминается. Но нет сомнения, что запись сделана с его слов. Ведь именно он возглавляет «дружину старую», которую теснят «молодые». Много лет он ходил за данью, а теперь «молодые» стремятся добыть богатство не в дальних походах, а от захваченных земель, собственных деревень и смердов.

Мораль Яневых рассказов проста: «Кто не слушает разумных мужей, старшую дружину, тем плохо приходится».

1093 год. «Святополк не посоветовался со старшей дружиной отцовской и дяди своего, а посоветовался с пришедшими с ним и, схватив послов (половецких), запер их в избу. Узнав об этом, половцы пошли войной...»

Святополк тоже отправляется в поход.

«И сказали ему мужи разумные: «Не пытайся идти против них, потому что мало у тебя воинов». Он же сказал: «У меня отроков 700, которые могут им противостать». Стали же другие неразумные говорить: «Иди, князь».

Святополк и Владимир Мономах держат военный совет.

«Разумные мужи, Ян и прочие» примкнули к совету Владимира не переходить реку. «Киевляне же не приняли этого совета, и победили половцы».

Киевляне — это, конечно, князь Святополк и его младшая дружина.

Нестор, понятно, смягчает прямые, грубые рассказы воина: приходится дипломатически обходить наиболее резкие выражения по адресу Святополка. От Яна в летописи не только звон оружия, но и эхо больших споров: столкновения отцов и детей, новых порядков и древних традиций.

Но это еще не все. Сейчас, 9 веков спустя, слышен также Янев рассказ о своих предках. Очень интересных предках.

1043 год. «Послал Ярослав сына своего на греков и дал ему воинов много, а воеводство поручил Вышате, отцу Яна»...

И отец Яна — знаменитый военачальник! Но легко заметить, что приведенные строки записаны позже, когда сына знали куда лучше отца. Иначе не было бы такого пояснения: «Вышата, отец Яна».

Открывается также имя Янева деда.

1064 год. «Бежал Ростислав Владимирович в Тьмутаракань, и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы Новгородского».

Остромир — знакомое имя. Древнейшая из существующих

русских книг — «Остромирово евангелие» (1057) была, как известно, изготовлена для Остромира, посадника новгородского. Значит, знатный род, из которого происходил Ян,— новгородский...

Удалось найти и более дальних предков: отцом Остромира был Константин Добрынич, также новгородский посадник, помогавший Ярославу Мудрому в борьбе за власть, а потом с князем не поладивший и угодивший в темницу.

Прапрадед Яна особенно знаменит. «И приходится Добрыня дядей великому князю Владимиру. Отец же его — Малк Любечанин».

Но Малк Любечанин в летописях и преданиях был известен еще под другим именем: Никита Залешанин, сын же его — Добрыня Никитич! Значит, былинный богатырь, один из главных сподвижников Владимира Красное Солнышко,— не кто иной, как прямой предок Яна Вышатича!

Но и это еще не все! Отцом Малка, дедом Добрыни и, стало быть, прапрадедом Яна был, по-видимому, знаменитый Свенельд, воевода первых князей — Игоря и Святослава.

Значит, Ян — потомок одного из древнейших и знатнейших дружинных родов. Больше полутора веков эта семья играла видную политическую роль и даже породнилась с князьями (Добрыня — дядя Владимира!).

В таких родах особенно бережно хранят и передают из поколения в поколение семейные предания, «устную летопись». Воспоминания Яна про своих предков — для летописца сущий клад. В этих рассказах — легенды и точные подробности, шутки и выдуманные речи, характеры и поступки людей недавнего и далекого прошлого.

Скорее всего, благодаря Яну попали в летопись такие отрывки.

946 год. «Святослав бросил копье в древлян, и копье пронеслось между ушей коня и ударило ему в ноги, ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал, последуем, дружина, за князем»,

Читатель летописи, конечно, поймет, что подлинные предводители войска — Свенельд (один из предков!) и Асмуд. Они — главная опора князя, бывалые рубаки, которые даже подтрунивают над мальчиком («князь уже начал»).

971 год. «И сказал Святославу воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его, и пошел в ладьях... И напал на него князь печенежский, и убили Святослава»...

Князь не слушается «разумного мужа» и гибнет: как похоже на описание событий 1093 года, когда «Святополк не слушается «Яна и прочих»!

Так же, как Свенельд, Добрыня — первый советник и опора князя Владимира.

А вот что говорится в летописи о Константине Добрыниче.

1018 год. Когда Ярослав, разбитый своими врагами, прибежал в Новгород и хотел скрыться за море, то посадник Константин Добрынич с новгородцами разрубили ладьи Ярославовы, говоря: «Хотим и еще биться».

После этого они побеждают и возводят Ярослава на киевский престол.

Опять советник умнее повелителя: Яну Вышатичу это, разумеется, очень приятно...

Многое в «Повести временных лет» от Яна Вышатича. Были, конечно, и другие интересные люди, за которыми записывал Нестор: воины, странники, сказители. «Может быть, существовали певцы, которых не только песнопения, но сами имена потеряны»,— писал 100 лет назад историк Галахов. «Богатырские сказки многих песнотворцев исчезли в пространстве семи-восьми столетий»,— сетовал Н. М. Карамзин.

Прощаясь с Нестором

Можно как будто и закончить наше повествование о Несторе и летописи. Ясно, что известно, и ясно, что неведомо.

Пройдем в последний раз по летописным полям... Здесь,

поднимая и переворачивая пласты веков, искал и находил великий Шахматов.

Все ли вспахано?

Вот знакомые строки.

1044 год. «...В тот год сел на столе в Полоцке Всеслав, которого мать родила с помощью волхвования. Когда мать родила его, у него на голове оказалось язвено (язва). Волхвы же сказали матери его: «То язвено навяжи на него, пусть носит его до конца дней своих», и носит его Всеслав до сего дня: потому и не милостив на кровопролитие».

На первый взгляд, ничего особенного. Ясно, что запись сделана при жизни Всеслава («носит... до сего дня»).

Но ведь «князь-оборотень», как точно сообщает летопись, скончался 14 апреля 1101 года, а Нестор работал позже этого события!

Значит, эти строки не принадлежат Нестору и тем более — ни Сильвестру, ни Мстиславу. Кому же?

А откуда мог Нестор знать, что князь Всеволод вышел навстречу половцам точно 2 февраля 1061 года? Будущий летописец был тогда не старше десяти лет. Ян Вышатич? Но ни он, ни его родичи дневников не вели. Иначе в их рассказах сохранились бы точные даты. К тому же Ян и Вышата в те годы служили далеко от Киева.

Кто записал, что в 1029 году «мирно было»?

Итак, 9 глав этой книги убеждали читателя, что Нестор — первый русский летописец. Но в самом конце его извещают: *первым русским летописцем Нестор не был!*



ЭПИЛОГ

Неожиданное восклицание, завершившее последнюю главу, вероятно, привело в немалое смущение читателя, уже предвкушавшего давно заслуженный отдых после длительных летописных странствий: неужели конец нашего повествования грозит превратиться в начало нового? Но поспешим читателя успокоить: мы лишь заглянем в непройденные нами части громадного мира летописей...

* * *

«Из «Повести временных лет» можно, вероятно, выделить «Повесть древних лет», но это было бы, скорее, дело художественное, чем ученое...» Эти слова сказаны около 100 лет назад известным историком Н. И. Костомаровым. Они свидетельствуют о том, что некоторые специалисты уже давно допускали существование какого-то «донесторового» летописания («Повесть древних лет»), но поиски его считали делом безнадежным или, как заметил не без усмешки Костомаров, «скорее, делом художественным». Но прошло всего несколько десятилетий, и «дело ученое» было сделано. Наука проникла наконец в тайн-

ственную и совершенно не исследованную область такого древнего летописания, о котором до тех пор и думать не решались.

Геологам известно, что древнейшие пласты, относящиеся к ранней истории земли, выходят кое-где на самую поверхность, открыто предъявляя свидетельства о давно прошедших событиях и исчезнувших обитателях планеты.

Подобное случается также в мире старых книг и летописей. Внимательно изучая их, можно вдруг натолкнуться на «древнейшие слои» — тексты давно погибших рукописей, неведомо как забредшие на страницы книг, созданных в более поздние века.

Но не каждому откроются замаскированные памятники минувшего: сотни лет ученые равнодушно расхаживали по интереснейшим отложениям геологических эпох, о том даже не подозревая. Так же и многие поколения филологов и историков пробегали глазами по строчкам древнейших «пластов», не замечая их.

А «геолог», который первым обнаруживает в летописи невидимые слои,— это все тот же великий разгадчик Алексей Александрович Шахматов.

«Выход древних пород» он открывает на сей раз у берегов Волхова, в Великом Новгороде.

Новгородская республика, конечно, вела свои летописи. Они дошли до наших дней в довольно большом количестве. В их числе находится и так называемая Новгородская первая летопись, составленная около 1435 года. Она подробно рассказывает о главных событиях в Новгороде в течение ряда веков. Однако на первых нескольких десятках листов наряду с новгородскими встречается немало киевских известий: походы первых князей на Царьград, крещение Руси и много других записей, уже знакомых нам по «Повести временных лет». Можно подумать, что какой-то новгородский монах получил из Киева список Несторовой летописи и, как водилось, поместил ее текст перед своим.

Однако начало Новгородской летописи совсем не такое, как в Лаврентьевском, Ипатьевском и других знакомых нам списках.

На первом же листе: «Временник, в котором помещается летописание князей и земли Русской, и как избрал бог страну нашу на последнее время, и грады начали бывать по местам, прежде Новгородская волость, потом Киевская, и о поставлении Кия, как во имя его назвался Киев...»

Куда-то исчезло привычное «Се повести временных лет». Нет никаких намеков на черноризцев. Труд назван «Временником», что означает примерно то же, что и «Повесть временных лет», то есть «Рассказ о временах».

Приглядевшись к первым страницам той же летописи, Шахматов замечает еще кое-какие непривычные явления. Наряду с целыми листами, дословно совпадающими с Несторовым летописанием, наблюдаются и большие отличия: многие интересные легенды и сведения, имеющиеся в «Повести временных лет», здесь отсутствуют.

Первая дата у Нестора — 852 год, а здесь 854. Рассказ о смерти «Вещего Олега» в «Повести временных лет» датируется 912 годом, во «Временнике» — 922. Нестор не утверждает прямо, какой город древнее — Киев или Новгород, хотя все его симпатии на стороне приднепровской столицы. А Новгородский свод в первых же строках извещает, что «прежде Новгородская волость, потом Киевская...»

Выводы Шахматова, как всегда, столь же дерзки, сколь и обоснованны: в начале Новгородской летописи помещена не «Повесть временных лет» в какой-то новой редакции, *а летописное произведение более древнее, чем труд Нестора!*

Уже один этот вывод — очень важное открытие. Но Шахматов, как всегда, идет дальше и делает интересную попытку определить, кто, где и когда написал этот труд. Вопрос «где» кажется самым легким: если текст не встречается ни в каком другом летописании, кроме Новгородского, да к тому же с первых строк стремится возвеличить северную столицу, то как

будто бы ясно, что «Временник» родился на берегах Волхова и Ильменя.

Но, как часто бывает в науке, самое очевидное — не всегда самое правильное! Родиной этой летописи оказался... Киев, мало того — тот же Киево-Печерский монастырь, где впоследствии была создана «Повесть временных лет».

Хотелось бы воспроизвести ход мысли Шахматова, однако подобный разбор доказательств великого ученого нарушит необходимую краткость эпилога... Выводы, только выводы!

Определив место рождения «Временника» — Киев и Печерский монастырь,— Шахматов сразу устанавливает исторический период, к которому можно отнести создание летописи: не раньше середины XI века, когда образовалось Печерское братство, и не позже 1100 года, когда уже писал Нестор.

Но полвека слишком большой промежуток, и мысль ученого последовательно «сжимает» это пятидесятилетие, исключая из него год за годом, пока не получается точный, особенно для такой глубокой древности, результат: между 1093 и 1095 годами. Таким образом «Временник» родился всего лишь за несколько лет до Несторовой летописи.

Мореплаватель, впервые увидевший неизвестную землю, имеет право дать ей имя. Такое же право дано ученому, извлекшему из бездонного моря прошлого совершенно неизвестный труд.

Шахматов награждает «новую» летопись именем почетным: *«Начальный свод»*.

Вслед за тем удалось отыскать и автора... Им оказался печерский игумен *Иван*, тот самый, который резко осудил бесчинства князя Святополка, за что и был отправлен в ссылку.

Хотя Иван писал в самом конце XI века, то есть незадолго до Нестора,— то было совсем иное время. После 1100 года монастырь и князь живут в мире, но во времена Ивана печерцы еще открыто обличают княжеские раздоры и «несытства», разоряющие и ослабляющие Русскую землю. И такой же мятежной, дерзкой была летопись...

Эту крамольную летопись Нестор читает и использует, смягчая во многих местах ее смелый дух во избежание княжеской немилости. Но зато автор «Повести временных лет» вносит в свою летопись факты и даже целые истории, которых в труде его предшественника не было.

Почему же «Начальный свод» не появился в своем подлинном виде ни на своей родине — в Киеве, ни в других близких княжествах, а лишь в далеком Новгороде? Когда и при каких обстоятельствах произошло удивительное переселение летописи игумена Ивана на север?

Сам Шахматов не успел дать полного и четкого ответа на эти сложные вопросы. Это сделали советские ученые (хотя некоторые обстоятельства и поныне неизвестны). Не углубляясь в подробности, заметим только, что «Начальный свод», столь непочтительный в отношении князей, должен был прийтись по сердцу новгородцам, племени буйному и непокорному.

Обнаружив летопись Ивана, Шахматов одно время считал, что уж она-то, безусловно, древнейшая, начальная.

Но прошло всего несколько лет, и тот же «охотник» добывает еще более древнюю «добычу».

* * *

На этот раз все было еще проще. Неизвестная летопись была... в самой «Повести временных лет».

Шахматов частенько размышлял, почему в одном из разделов Несторова труда оказались точные даты.

1061 год. «Пришли половцы впервые на Русскую землю... Всеволод же вышел навстречу им, месяца февраля 2-го».

1066 год. «Умер Ростислав князь Тьмутараканский 3 февраля».

1067 год. «Встретились князья на Немиге 3 марта... 10 июля поцеловали крест честной Всеславу» и т. д.

В древности события с такой точностью мог зафиксировать только очевидец, современник. Через несколько лет было бы

почти невозможно установить месяц и день какого-нибудь события. Время работы Нестора определили по таким датам, встречающимся в тексте летописи, как «1110 год 11 февраля в 1 час ночи...», «1107 год февраля 5... перед рассветом» и т. д.

Нестор в 1061—1067 годах был ребенком. К своему труду приступил сорок лет спустя. Однако эти точные сведения за шестидесятые годы XI века помещены в его летописи. Значит, он сам их заимствовал из чьих-то записей... Может быть, игумен Иван? Но и его время — 1093—1095 годы, на 30—35 лет позже.

Ясно, что в 60-е годы XI века делал записи какой-то еще более удаленный от нас летописец. Казалось бы, уж ничего больше не узнать — ведь в отличие от работ Ивана и Нестора здесь не сохранилось ни начала, ни конца, ни заглавия, ни каких-то других характерных признаков древнего свода. Остались лишь крупицы, несколько отдельных записей, переписанных Нестором, просеянных через труды его многочисленных продолжателей и дошедших к нам примерно через десятые руки.

И все же Шахматов предпринимает новые своеобразные раскопки древнего текста. Результат оказывается чрезвычайно интересным: выясняется, что летопись велась в период 1061—1073 годов в том же Киеве, в той же Печерской обители! Да и с автором читатель уже неоднократно встречался: это — *Никон* или, согласно патерику, Великий Никон, тот, кто одним из первых поселился в печерке, кто дважды покидал Киев, не желая мириться с княжеским произволом, а впоследствии был печерским игуменом. О существовании летописи Никона никто не догадывался до начала XX века.

Оказывается, в темных пещерах и в монастыре, воздвигнутом потом над ними, печерские отшельники издавна вели записи увиденного и услышанного. Может быть, юный Нестор еще до пострижения знал о печерском летописании и втайне мечтал приобщиться к нему?

«Свод Никона», конечно,— первая печерская летопись; ведь всего за несколько лет до нее сошлись в пещерах близ Днепра первые схимники.

* * *

Чем древнее, тем труднее находить летописные следы, тем больше приходится идти на ощупь.

Вместо привычных странствий по началу XII века ученый отправляется в отдаленные края, в XI столетие.

После долгого пути он останавливается на записи 1037 года. Здесь — похвала Ярославу Мудрому за распространение христианской веры, строительство церквей, переписку книг. Особо отмечается и превозносится великолепный Софийский храм, сооружение которого только что закончилось.

Эта летописная статья довольно подробная, а после нее идут короткие, большей частью не киевские, а новгородские известия. Прославление князя и Софийского храма было бы вполне уместно в конце повествования, где подводятся какие-то итоги. Поэтому Шахматов предполагает, что в 1037—1039 годах в Киеве был закончен *«Древнейший свод»* (ученый снова рискует и дает столь обязывающее название). Поскольку в конце особо восхваляется София, а Софийский собор был главным на Руси, митрополичьим, Шахматов заключает, что составляли летопись в Софийском храме, автором же мог быть тогдашний митрополит, грек Феопемпт, или кто-то из его приближенных...

Анализ «Древнейшего свода» был Шахматовым только начат. Он очень радовался, что удалось забраться в такие глубины, и понимал, что многое еще сомнительно. Действительно, ряд предположений Шахматова советские ученые не подтвердили. Д. С. Лихачев и другие исследователи обратили внимание на то, что в некоторых летописных статьях, составленных не позже 30—40-х годов XI века (то есть входивших в «Древнейший свод»), есть удивительные совпадения, иногда почти дословные, со знаменитым «Словом о законе и благодати», принадлежавшем Илариону, первому русскому митрополиту. Получается, что *Иларион,* возможно, был и автором «Древнейшего свода». Роль этого человека в древнерусской литературе оказывается более значительной, чем предполагалось. С именем

Илариона, как известно, связана история возникновения печерского братства. (Ведь в «печерку» Илариона пришел потом Антоний и другие старцы.)

Выходит, что Печерский монастырь был причастен даже к созданию «Древнейшего свода»!

Между прочим, существует еще очень смелое и спорное предположение крупнейшего знатока летописей М. Д. Приселкова, что *Иларион и Никон — одно лицо!*

Если эта гипотеза верна, то перед нами крупнейший древнерусский писатель, историк, общественный деятель, автор двух летописных сводов, «Слова о законе и благодати».

Но это и особая тема, которую минем...

И подведем итоги.

Благодаря Шахматову и его продолжателям картина как будто ясна: Нестор был *четвертым* летописцем. То, о чем мы рассказывали, схематично выглядит так:

НАЗВАНИЕ ЛЕТОПИСИ	ДАТА И МЕСТО СОСТАВЛЕНИЯ	АВТОР
1. «Древнейший свод»	Около 1040 года. Возможно, Киев, Софийский храм	Иларион
2. Свод Никона	Около 1061—1073 годов. Киево-Печерская обитель	Никон
3. «Начальный свод»	Около 1093—1095 годов. Печерский монастырь	Иван
4. «Повесть временных лет»	Около 1100—1113 годов. Печерский монастырь	Нестор; редакторы — Сильвестр и летописец Мстислава.

Так возродились давно исчезнувшие рукописи. Перелистывая Лаврентьевскую или Ипатьевскую летопись, специалисты теперь знают первого автора почти каждой записи: этой — Нестор, той — Никон, вот известие, заимствованное из «Древнейшего свода», а рядом с ним — из «Начального»...

Нестор и последующие переписчики относились с большим уважением к тексту своих предшественников и переносили его в свои рукописи без больших поправок или изменений. Из-за этого и возникали некоторые противоречия. Никон, например, записал около 1070 года, что есть язва на главе Всеслава «до сего дня». Нестор, переписывая это место уже после смерти Всеслава, то ли не заметил, что известие устарело, то ли не захотел исправлять: во всяком случае в «Повесть временных лет» эти строки вошли неизменными. Сильвестр и третий редактор «Повести» поступили так же, а вслед за ними поколения летописцев аккуратно переносили на пергамен старинный текст. Хотя бывали при переписке ошибки и пропуски, но все же основная масса древнейших записей была бережно перенесена через века. В 1377 году Лаврентий тоже записал, что язва у Всеслава «до сего дня», хотя уже минуло 275 лет после смерти полоцкого князя.

Но мы должны быть благодарны древним переписчикам за их невнимательность, случайную или нарочитую. Ведь мы видели, что летописные ошибки, недомолвки, противоречия помогли открыть древних авторов и прочесть их произведения.

Что же Нестор? Умаляет ли исторические заслуги печерского черноризца появление у него трех предшественников? Ведь ясно, что ряд записей в «Повести временных лет» заимствован из более древних сводов: крещение Руси, например, описывается еще в «Начальном своде» и, как доказал Шахматов, даже в более ранних летописях. Рассказ о смерти Игоря, с которым древляне расправились за чрезмерную жадность, многие известия о походах и битвах «незапамятных времен», значительное число прекрасных древних легенд — все было уже в летописи Никона. А похвала Ярославу Мудрому взята из «Древнейшего свода». Унаследовал Нестор и летописную форму, структуру повествования: сначала вводная часть, потом изложение событий по годам. Так построен «Начальный свод», летопись Никона, такова и «Повесть временных лет».

Но печерский черноризец, подобно искусному архитектору,

так застроил доставшийся ему «каркас», что получилось законченное творение, равного которому по цельности и завершенности Русь еще не знала. Отделив записи предшественников, поправки редакторов и переписчиков, мы сразу увидим то оригинальное, что внесено в «Повесть временных лет» самим Нестором.

Во-первых, именно Нестор ввел множество известий и подробностей, отсутствующих у его «летописных предков»: исторические познания черноризца были значительно шире.

Достаточно вспомнить, что Нестор начинает свой труд с обстоятельного введения, повествующего о народах, населяющих землю, и древнейших судьбах славян, и лишь после этого начинается изложение исторических событий по годам. Эта часть ни у кого не заимствована; в «Начальном своде» даты следуют сейчас же после очень краткого введения.

Во-вторых, печерский черноризец не только дополнял летописный текст, доставшийся от предшественников, но и исправлял его.

Многие события предшественники Нестора не датировали, ограничиваясь словами «в си же времена». Нестор же почти всегда указывает дату случившегося, пусть не всегда верную, но полученную путем сложных для того времени расчетов и выкладок. Чем ближе к своему времени, тем более содержательны и точны его записи.

Нестор проделал в «Повести» немалую научную работу, для своего времени — значительную.

Но и это еще не все. Нестор был, без сомнения, и очень талантливым писателем. Его серьезный исторический труд — это увлекательный рассказ, в котором мы находим интереснейшие подробности, народные легенды, художественные описания. Многим местам «Повести» придает особенную живость рассказ, ведущийся от имени самого автора, в первом лице: «Я слышал... Я видел... Я расскажу...» Десятки и сотни летописцев мечтали сравниться в знаниях и мастерстве с автором «Повести временных лет». Если же мы вспомним о передовых идеях печерского

летописца, его патриотизме, его призывах к единству русской земли, то легко поймем, почему и в XII, и в XV, и в XVII столетиях в Киеве и Москве, Чернигове и Твери, Галиче и Суздали летописный труд начинали словами: «Се повести временных лет...»

Но слава Нестора не заслонит заслуг Ивана, Никона, Илариона и других замечательных древних историков и писателей. Без них русская летопись не могла бы появиться. До открытий Шахматова их труды приписывались либо Нестору, либо Сильвестру. Теперь же совершенно ясно: *русская летопись с самого начала была огромным коллективным трудом,* и если можно говорить о Несторе как о первом историке древней Руси, то лишь в том же смысле, в каком принято говорить о Пушкине, как основоположнике современной русской литературы, хотя ему предшествовали такие крупные писатели, как Державин, Радищев, Карамзин. Пушкин поистине велик, но никому не придет в голову свести всю русскую литературу к его творчеству.

Так на Руси родилось «летописание книжное»...

Последние строки

Холодная петроградская зима с 1919 на 1920 год вторгалась в дома, выла в пустых печах, мертвым инеем покрывала пустые книжные полки. Старый, больной академик, завернувшись в шубу, пишет и пишет. Академик знает: ему недолго жить, а еще столько дел! У него появились новые интересные мысли о древнейшей летописи; так мало еще расшифрован «Начальный свод».

Россия — в огне войны и великой революции, но Шахматов уверен: то, что он делает, нужно его стране так же, как сохраненное им в академической библиотеке замечательное собрание революционной литературы. А по правде говоря, ему даже некогда об этом размышлять. Может быть, нелегко будет многим понять, зачем в эту черную зиму, в годы крушения миров он листает тома Полного собрания российских летописей...

Он, Алексей Александрович Шахматов, иначе не может. Он опять дышит на пальцы и опять пишет. Снова счастлив, только вот бумаги не хватает...

«Продай Киев-город со Черниговом, купи ты бумаги со чернилами...»

Однажды он выводит на желтом оберточном листе:

«Святополк, узнав о чуде...»

И тут он умирает, впервые не закончив дела.

* * *

С тех пор прошло более сорока лет. Ученики Шахматова стали академиками. Уж пишут труды ученики учеников... Приселков и Никольский, Лихачев и Тихомиров, Черепнин, Рыбаков и многие другие исследователи успели углубиться в такую древность, которая прежде считалась недоступной. А каждый следующий шаг труднее предыдущего: ведь розыски ведутся в таком отдаленном от нас времени, от которого не осталось ни одной книги, да и летописные известия — наперечет.

Но зато с каждым годом совершенствуются методы исследования. Гениально анализируя и сравнивая различные летописные списки, оригинально и остроумно связывая историю летописания с политической историей, Шахматов значительно меньше интересовался древнерусской экономикой и борьбой классов. Ему казалось, что это не имеет прямого отношения к исследованию древних текстов. Когда этими проблемами занялись ученики Шахматова, они заметили в летописи немало ранее скрытых интересных данных о древней Руси и древнем летописании.

Наступление на прошлое теперь ведется широким фронтом различных, но связанных единой целью наук — истории, филологии, археологии, языкознания, искусствоведения.

А. А. Шахматов проник в своих исследованиях до «Древнейшего свода», а Д. С. Лихачев убедительно показал, что этот свод, по существу, представлял собою своеобразную повесть, еще не разделенную на годы.

Значит, до появления обычных летописей с ежегодными записями на Руси уже были и исторические произведения иного типа!

Одновременно Б. А. Рыбаков разыскивает древнейшие новгородские летописи, и пока еще не решен спор — где раньше, на Днепре или на Волхове, начались регулярные записи исторических событий. Во всяком случае, есть серьезные подозрения, что существовала в середине XI столетия летопись, составленная для известного посадника Остромира деда Яна Вышатича, владельца «Остромирова евангелия».

Сохранившиеся в поздних летописях подробные записи новгородских событий 1015—1017 годов также намекают на какой-то очень древний «Новгородский свод».

Л. В. Черепнин идет еще дальше и предполагает, что в 997 году была завершена запись событий или историческая повесть в Киеве — иначе чем же объяснить, что в «Повести временных лет» имеются подробные записи за 996 и 997 годы, а потом до 1015 года почти нет никаких сведений?

А нельзя ли продолжить поиски в «языческих временах», ранее 988 года?

Но ведь это фантастика!

Да, к сожалению, о столь далеком прошлом пока немногое рассказывают летописи. Мы говорим «пока», потому что можно ручаться: в самых известных, насквозь изученных летописных сводах имеется еще немало нераскрытого. К тому же почти каждый год находятся какие-то новые, неизвестные ранее летописные списки. Они, правда, большей частью относятся к XVI—XVIII векам, но в них иногда неожиданно обнаруживаются любопытнейшие записи большой древности. В самом деле, откуда в Никоновскую летопись, переписанную в XVII веке, попали известия о каких-то походах полулегендарных киевских князей Аскольда и Дира в 864, 865 и 867 годах? Ни в одной летописи таких сведений больше не встречается. На вымысел переписчика не похоже. *Значит, был какой-то «наидревнейший свод», где говорилось об этом.*

Какой?

Пока нет ответа.

Сохранилось любопытное произведение XI века — «Память и похвала князю русскому Владимиру» монаха Иакова. Из этой рукописи видно, что Иаков пользовался какой-то очень древней летописью, до нас не дошедшей. Опять загадка! А сколько их еще...

Действительно ли Никон и Иларион — одно и то же лицо?

Как звали автора третьей редакции «Повести временных лет»?

Какова судьба Нестора после 1113 года?

Какое летописание древнее: киевское или новгородское?

Решение этих и десятков других проблем — дело будущего. При этом откроются новые страницы, может быть, даже новые главы древнерусской истории. Будут открыты еще неведомые писатели и историки ушедших столетий. А для того чтобы все это открыть, науке потребуется совершить новые путешествия по стране летописей.

И как только это произойдет, тотчас же не замедлят появиться новые загадки, о которых мы сейчас даже и не подозреваем... Загадки добрых, старых книг.

«Книги суть же реки, напояющие Вселенную...»

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателям!

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для старшего школьного возраста

Натанов Натан Яковлевич

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ЛЕТОПИСЕЙ


Ответственные редакторы
С. М. Пономарева и
Н. М. Мартынова.
Художественный редактор
Н. Г. Холодовская.
Технический редактор
И. П. Савенкова.
Корректоры
Т. П. Лейзерович и Э. Н. Сизова.

Сдано в набор 30-VII 1965 г. Подписано к печати 17-XI 1965 г. Формат 60×84 1/16. Печ. л. 10. Усл. печ. л. 9,33. Уч.-изд. л. 7,76. Тираж 50 000 экз. ТП 1965 № 460. А13454. Цена 33 коп.

Издательство „Детская литература". Москва, М. Черкасский пер., 1.

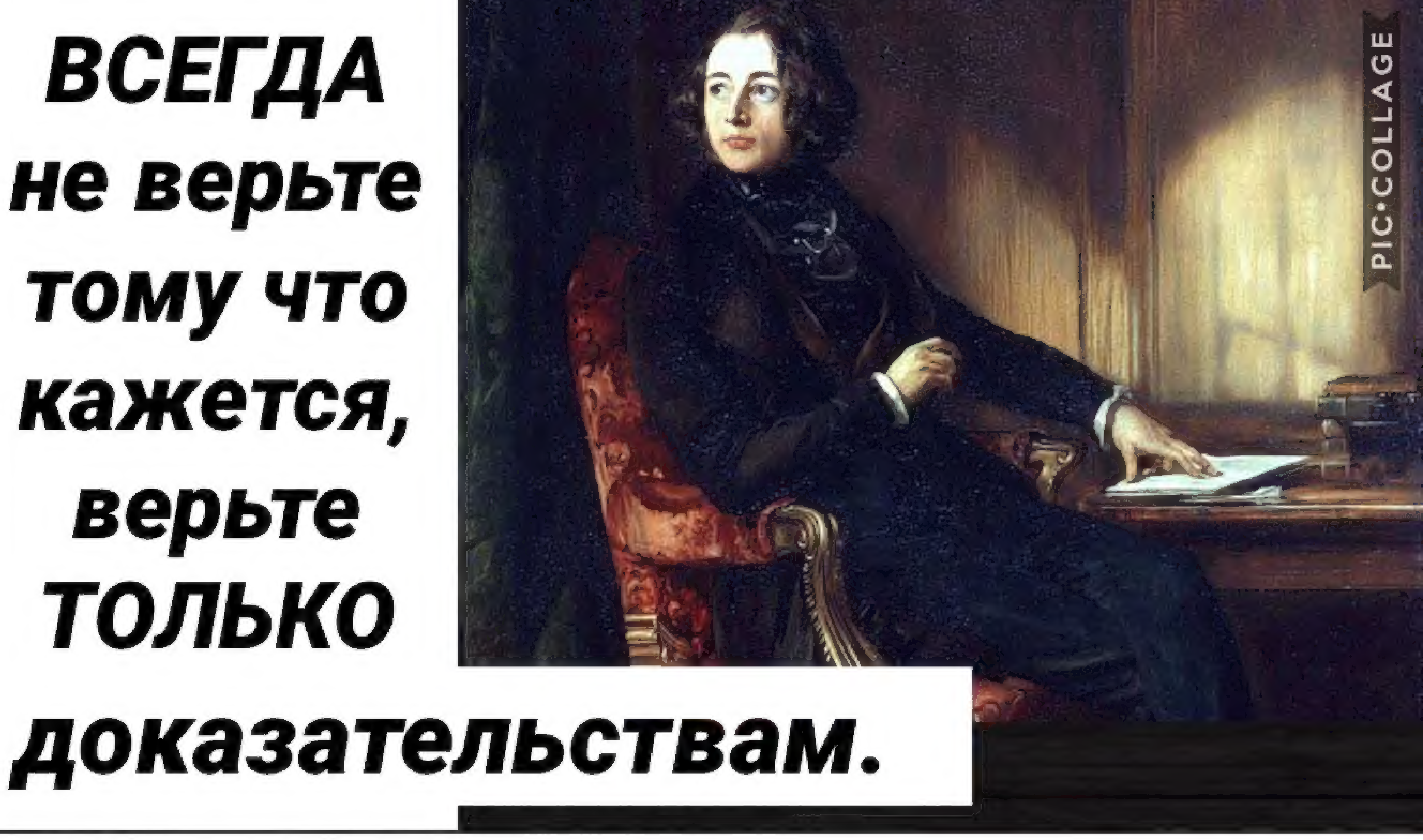
* * *

Фабрика „Детская книга" № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати.
Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 2718.



Цена 33 коп.


Путешествие в страну летописей



Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.